

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ГАО ХАНЬ

**ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ
Ф.Д. КРЮКОВА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Специальность 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Наталья Михайловна Солнцева

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	1
Глава 1. МИР ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В АКСИОЛОГИИ Ф. КРЮКОВА	14
1.1. Творческие приоритеты Ф. Крюкова	14
1.2. Казачество как предмет художественного осмысления (общая характеристика)	27
1.3. Комплекс родного края в прозе Ф. Крюкова	31
1.4. Ф. Крюков о драматизме казачьей жизни (общая характеристика)	40
1.5. Отражение политических, общественных позиций Ф. Крюкова в художественной прозе и публицистике	46
1.5.1. <i>Общественные взгляды Ф. Крюкова в 1900-е годы, их отражение в творчестве</i> ..	46
1.5.2. <i>Ф. Крюков о Первой мировой войне</i>	55
1.5.3. <i>Революции 1917 года и Гражданская война в прозе Ф. Крюкова</i>	59
Глава 2. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. КРЮКОВА	74
2.1. Темы жизни и смерти в произведениях Ф. Крюкова	75
2.2. Бытовая повседневность как драма жизни	83
2.3. Мотив бунтарства в прозе Ф. Крюкова	89
2.4. Религиозные мотивы в произведениях Ф. Крюкова	105
2.4.1. <i>Незыблемость устоев и неизбежность перемен в религиозном аспекте («Шквал»)</i>	105
2.4.2. <i>Ф. Крюков о вере народа («К источнику исцеления», «Жажда»)</i>	108
2.5. Образы казачек в произведениях Ф. Крюкова	111
2.5.1. <i>Статус женщины в казачьем сословии (общая характеристика)</i>	111
2.5.2. <i>Материнство в семейной аксиологии</i>	114
2.5.3. <i>Сюжет о жалмерке</i>	125
2.6. Место этнических отношений в жизни казаков («Гулебщики» Ф. Крюкова и «Степные люди» А. Серафимовича)	137
Глава 3. СПЕЦИФИКА И РОЛЬ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ (ПОРТРЕТЫ, ПЕЙЗАЖИ)	147
3.1. Особенности описания портретов	147
3.1.1. <i>Место портрета в изображении характера. Средства создания внешних портретов</i>	148
3.1.2. <i>Точка зрения автора в описании портрета</i>	156
3.2. Назначение и специфика пейзажей	161
3.2.1. <i>Общая характеристика пейзажей</i>	161
3.2.2. <i>Экзистенциальность и феноменологичность в изображении природы</i>	171
3.2.3. <i>Пейзаж как выражение менталитета донских казаков</i>	176
3.2.4. <i>Стилевые приемы в описании природы</i>	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193
БИБЛИОГРАФИЯ	199

ВВЕДЕНИЕ

Ф.Д. Крюков (1870–1920) – известный русский писатель конца XIX–начала XX в. За свою жизнь он написал около 250 повестей, рассказов, очерков. Тема его творчества – мир донского казачества 1890-х–1910-х годов. В героях его произведений ярко отразилась культурно-историческая специфика времени. В исторической науке и этнологии казачество как особая группа российского общества представляет собой объект постоянного изучения. В работах, посвященных бытовому и экономическому укладу казаков как субэтносу¹, сложившемуся в результате исторического опыта, его особой военной организации, становления специфики культуры (в том числе лингвистической)², самосознания, образа жизни³, в целом этносоциальной организации, содержатся методологические и информативные положения,

¹ В современной науке актуализирован вопрос о происхождении казачества, в частности об этнической природе казаков к началу XX в., их принадлежности к народу, или нации, или сословию. (*Трут В.П.* «Дикое поле». Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011–2012 гг. // *Материалы Всероссийской научной конференции. Дикаревские чтения (17)*. Краснодар, 2014. С. 111–118). О двух основных противоположных версиях происхождения казачества (переселенцы из центральной, западной России; смешение туранских, скифских, меото-славянских и других племен с распространением славянской речи) и ряде промежуточных версий: *Сопов А.В.* Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // *Вестник Московского ун-та. Серия 8. История*. 2008. №4. С. 66–85.

Распространен взгляд на казаков как на субэтнос, ставший этносом. Согласно гипотезе Л.Н. Гумилева, предки терских казаков – этнически смешавшиеся между собой славяне и хазары: со второй половины IX в. хазары заселили пространства нижнего Дона, в 860 г. «приняли православие от св. Кирилла и благодаря этому вошли в состав христианской общины»; также Гумилев видел этнические корни казаков в крестившихся половцах (*Гумилев Л.Н.* Зигзаг истории // *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и История природы. М.: Экопрос, 1993. С. 366.; *Гумилёв Л.Н.* Конец и вновь начало. Популярная лекция по народоведению. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 34.) По мнению специалистов, вопрос о тюркском, кавказском компонентах в «этническом облике российского казачества нельзя сегодня подвергать сомнению» (*Юрченко И.Ю.* Казаки – тюрки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (На примере новых книг Мурада Аджи (Аджиева М.Э.) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 5 (10). С. 69.) В ряде публикаций говорится о тюркском происхождении слова «казак» (т.е. «вольный человек», «разбойник», «удалец»), что, как считает А.В. Сопов, все же не дает основания для однозначного суждения об их этническом происхождении. Вопрос этноидентификации казаков остается дискуссионным.

Отметим, что в исторических очерках донского прозаика И. Родионова «Тихий Дон» (1914) слово «казак» (в татарском звучании «гозак») обозначает конного воина, легко вооруженного, воюющего без шлема и кольчуги.

² *Брысина Е.В.* Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. 293 с.; *Брысина Е.В.* Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона. Дисс.д. филол. наук. 2003. 543 с.

³ Большой толковый словарь донского казачества / Ростовский гос. ун-т. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. 608 с.

значимые для исследования художественных текстов о казачестве. Однако литературоведческий подход характеризуется кардинально иными спецификами, в нем прежде всего сочетаются критерии художественные⁴, мировоззренческие, психологические, историко-культурные. В русской литературе первой половины XX в. жизнь донских казаков представлена прозой М. Шолохова, которой посвящен большой корпус исследовательских текстов. Вместе с тем выходу в свет произведений Шолохова предшествовала проза других писателей-донцов, в частности Крюкова.

Вопрос об идентичности, ее месте в сознании и психологии донского казака – константная тема произведений Крюкова («Счастье», 1911; «Душа одна», 1915; «Ратник», 1915 и многие другие). Выделяя лучшие черты земляков, Крюков, верный принципу непредвзятости, не смягчал противоречивости казачьей натуры. Во многом психология казаков обусловлена географическими, социально-культурными, историческими факторами, обстоятельствами личной судьбы. Кроме того, Крюков опирался на собственный жизненный опыт. Автобиографизм прозы, документальная точность сочетаются с субъективностью писательского взгляда на общественные процессы, яркостью сюжетов и образов. Крюков изображал характеры и судьбы с позиций писателя-реалиста, особую роль отводил верности детали.

Описывая казаков с разными политическими убеждениями, разного материального и общественного статуса, Крюков отстаивал свои демократические убеждения, отражал в произведениях новые тенденции казачьего быта и бытия, но и показывал последствия разрушения

⁴ Согласно выводу Ю. Лотмана, в художественном тексте любой элемент семантически более значим, чем в нехудожественном (ссылаясь на предисловие Э.Т.А. Гофмана к «Житейским воззрениям кота Мурра», Лотман уточняет, что значимой может быть даже опечатка). Свою точку зрения Лотман обуславливает тем, что к художественному тексту прикладывается целый ряд кодов (общеепохальных, стилевых, жанровых и т.д.), в результате чего создается сложная иерархия дополнительных значений. Кроме того, для эстетического критерия важна внутренняя организация текста. *Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия “художественная литература” // Лотман Ю.М. Чему учатся люди: Статьи и заметки. М.: Центр Книги Рудомино, 2010. С. 124.*

государственности, пагубного для казачества. Создавая вербальные картины традиционной казачьей жизни, писатель делал акцент на самобытности казаков, представленной четырьмя доминантными темами: 1. Повседневность станичной жизни: «На “Тихом Дону”» (1898), «Казачка» (1896), «В родных местах» (1903), «Гулебщики», (1892), «Мать» (1910), «Офицерша» (1912), «В глубине. Очерки из жизни глухого уголка» (1913) и др.; 2. Учителя, гимназисты, просвещение в станицах: «Картинки школьной жизни» (1903), «Новые дни» (1907), «Из дневника учителя Васюхина» (1903) и др.; 3. Православие и изменения в традиционном самосознании казаков в предреволюционные и революционные годы: «К источнику исцеления» (1904), «Жажда» (1906), «Сеть мирская» (1912) и др. 4. Военная служба: «С южной стороны» (1914), «Около войны» (1914–1915), «Обвал» (1917) и др.

Объектом диссертационного исследования является литературное наследие Крюкова, изображение им жизни донского казачества конца XIX в. и первых двух десятилетий XX в. **Предмет исследования** – творческая и общественная аксиология писателя, сознание, психология, образ жизни донских казаков в его художественном восприятии, проблематика и поэтика его прозы в литературном контексте.

Материалом послужили произведения Крюкова, отражающие менталитет, гражданские и семейные ценности донских казаков. Например, к анализу привлечены рассказы, повести, художественные очерки «Гулебщики» (1892), «Шульгинская расправа» (1894), «Казачка» (1896), «На тихом Дону» (1898), «В родных местах» (1903), «Из дневника учителя Васюхина» (1903), «Картинки школьной жизни» (1904), «К источнику исцелений» (1904), «Шаг на месте» (1907), «Новые дни» (1907), «Жажда» (1908), «Мечты» (1908), «Зыбь» (1909), «Товарищи» (1909), «Отрада» (1909), «Шквал» (1909), «Полчаса» (1910), «В камере № 380» (1910), «Мать» (1910), «Угловые жильцы» (1911), «Спутники» (1911), «Счастье» (1911), «Будни» (1911), «На речке лазоревой» (1911), «Сеть мирская» (1912), «Офицерша» (1912), «Без

огня» (1912), «В глубине» (1913), «Тишь» (1914), «Около войны» (1914–1915), «За Карсом» (1915), «Ратник» (1915), «Душа одна» (1915), «Группа Б» (1916), «Обвал» (1917), «Мельком» (1917), «Новое» (1917), «В углу» (1918), «После красных гостей» (1919), «Цветок-татарник» (1919) и многие другие.

Литературный контекст составили произведения фольклора, русских писателей – классиков (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, Л. Толстой) и современников Крюкова (П. Васильев, Вс. Иванов, П. Краснов, И. Родионов, И. Сазонов, А. Серафимович, И. Шмелёв, М. Шолохов и др.)

Крюков широко представил жизнь казаков еще до появления рассказов своего младшего современника Шолохова (1905–1984)⁵. Его произведения о донском казачестве выходили в те же годы, что и произведения донских писателей И. Родионова (1866–1940)⁶, А. Серафимовича (1863–1949)⁷, И. Сазонова (1876–1933)⁸. Творческое наследие Крюкова как неотъемлемая часть литературного процесса, в том числе донской прозы первой половины XX в., заслуживает собирания и тщательного исследования. *Актуальность* работы обусловлена фактором сращения региональной литературы с общероссийской, единством исторических судеб казачества и народа России в целом.

⁵ Первый рассказ Шолохова «Зверь» (впоследствии «Продкомиссар») был отправлен в альманах писательской группы «Молодая гвардия» в начале 1924 г., то есть после смерти Крюкова (издан не был). Первый опубликованный рассказ «Родинка» появился на страницах газеты «Молодой ленинец» 14 декабря 1924 г.

⁶ «Казачьи очерки» – первая публикация Родионова – появились в «Русском обозрении» в 1894 г.; известность принесла повесть «Наше преступление» (1909). В 1914 г. вышла в свет книга очерков об истории донского казачества «Тихий Дон».

В четырехтомной «Истории русской литературы» 1980-х годов Родионов назван черносотенцем. История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); ред. кол.: А. С. Бушмин, Е. Н. Купреянова, Д. С. Лихачев, К. Д. Муратова, Ф. Я. Прийма, Н. И. Пруцков (гл. ред.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980—1983. Т. 4. С. 577.

⁷ Первый рассказ «На льдине» опубликован в 1889 г. на страницах «Русских ведомостей». Ранние рассказы Серафимовича посвящены русскому Северу, в прозе начала 1900-х годов прозвучала казачья тема («Поход», 1901; «В камышах», 1901; «Наказание», 1901; «Степные люди», 1902 и др.)

⁸ Публиковал очерки и рассказы на казачью тему с 1902 г.; как Крюков, печатался в «Русском богатстве» (1905–1917) у В.Г. Короленко. «Если имя писателя упоминалось, то в связи с творчеством его более известного земляка и соратника Ф. Крюкова. Рассказы Сазонова, получившие высокую оценку В.Г. Короленко и Ф.Д. Крюкова <...>» Бирючева Е.С. Творчество И.Д. Сазонова в контексте русской литературы конца XIX–начала XX века. Дисс...канд. филол. наук. Волгоград, 2012. С. 3. В приложении к диссертации приводятся письма к Сазанову Ф.Д. Крюкова, а также В.Г. Короленко, А.С. Смиренномудренского, В.Д. Бонч-Бруевича, В.С. Миролобова.

Степень научной разработанности темы. Первую попытку вернуть творчество Крюкова читателям предпринял В. Моложавенко, опубликовавший статью «Об одном незаслуженно забытом имени» («Молот», 1965. 3 августа)⁹. В 1966 г., вслед за краткой биографией писателя, описанной Моложавенко, вышла в свет статья В.М. Проскурина, в которой был дан творческий портрет Крюкова, говорилось о вкладе писателя в русскую литературу¹⁰. С 1970-х годов имя Крюкова прозвучало в связи с вопросом об авторстве «Тихого Дона»¹¹. Оставляем за рамками нашего исследования вопрос об авторстве эпопеи, но отмечаем, что сопоставительный анализ литературных стилей Шолохова и Крюкова, сюжетных ситуаций, персонажей, места в текстах казачьей песни внес вклад в изучение творческой специфики Крюкова. В академической четырехтомной истории русской литературы, изданной в начале 1980-х годов¹², о прозе Крюкова 1900-х годов пишут в одном ряду с произведениями М. Горького, И. Бунина, И. Родионова и др.

В 1990 г. изданы первые после смерти писателя сборники его рассказов

⁹ Моложавенко В. Об одном незаслуженно забытом имени // Молот (Ростов-на-Дону). 1965. 13 авг. С. 3–4.

¹⁰ Проскурин В. К характеристике творчества и личности Ф.Д. Крюкова // Русская литература. 1966. № 4. С. 179–186.

¹¹ Например: Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон»? М.: Книга, 1989. 186 с. В предисловии к книге сообщается, что в 1975 г. была создана шведско-норвежская группа (в ее составе – авторы издания), которая приступила к сопоставлению на машинных носителях стиля (авторской речи) Крюкова и Шолохова. Из заключения следует: «Крюков совершенно отличен от Шолохова по своему творчеству <...> Шолохов пишет поразительно похоже на автора «Тихого Дона»». С. 184.

Макаров А.Г., Макарова С.Э. Цветок-Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову. М.: АИРО-XX, 2001. 500с. Авторы приходят к выводу об использовании Шолоховым рукописей и произведений Крюкова. О лексических совпадениях повестей, рассказов, очерков Крюкова и «Тихого Дона»: Мезенцев М.Т. Судьба романов: к дискуссии по проблеме авторства «Тихого Дона». Самара: P.S. пресс, 1998. 112 с.

В письме М. Шолохова к В. Проскурину, написанному 18 декабря 1964 г. (т.е. до дискуссии об авторстве) сообщалось: «К сожалению, не смогу быть Вам чем-либо полезен. Дело в том, что я, к стыду моему, не читал Крюкова, и как-то так получилось, что никто из моих старых знакомых-писателей о нем не говорил. Даже Серафимович, который был с ним, судя по Вашим словам, лично знаком. Не упоминал о нем и Горький, хотя по вопросам литературы у меня с ним были длительные разговоры. <...> Мне думается, что вообще дело неплохое – ознакомить широкого читателя с писателями конца прошлого – начала нынешнего веков, в том числе, разумеется, и с Крюковым. К сожалению, у нас преданы забвению имена талантливых людей, почему-либо не получивших известности в свое время». Шолохов М. А. Письма / ИМЛИ РАН; Гос. музей-заповедник М.А.Шолохова / Под общ. ред. А. А.Козловского, Ф. Ф. Кузнецова, А. М. Ушакова, А. М. Шолохова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 374.

¹² История русской литературы: В 4т. / АН СССР. Институт русской литературы; ред. кол.: А.С. Бушмин, Е.Н. Купряева, Д.С. Лихачев, К.Д. Муратова, Ф.Я. Прийма, Н.И. Пруцков (гл. ред.). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1980–1983. Т. 4. 785 с.

и повестей¹³, за ними последовал ряд исследовательских работ. Изучение творческого пути писателя, его сотрудничества с периодическими изданиями, критических откликов на его произведения предпринял А.А. Заяц¹⁴. Эволюция творчества Крюкова, содержание, жанровое своеобразие его рассказов и повестей – предмет исследований В. Васильева¹⁵, Л. Сатаровой¹⁶. В работах о творчестве Крюкова особо обращено внимание на то, что писатель уже в ранних рассказах осмыслил истоки и своеобразие донского национального характера, способность к сохранению и развитию самобытности.

В 2000-е годы были предприняты издания прозы Крюкова по тематически-хронологическому принципу¹⁷, во вступительных статьях А.Г. Макарова был сделан акцент на биографии писателя, историческом контексте его произведений. Особо отмечаем научные изыскания Е.А. Смирновой. В статье «“Случайный писатель”»: раннее творчество Ф.Д. Крюкова в журнале “Русское богатство”» (2014) Е.А. Смирнова опирается на материалы архивов, дневниковые записи, прижизненные критические оценки прозы писателя, предлагает свою периодизацию его

¹³ Крюков Ф.Д. *Офицерша: Повести и рассказы*. Краснодар: Кн. изд-во, 1990. 362 с.; Крюков Ф.Д. *Рассказы*. Публицистика / Сост., вступ. ст. и примеч. Ф.Г. Бирюкова. М.: Советская Россия, 1990. 571 с.; Крюков Ф.Д. *Казачьи мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе* / М.: Худож. литература, 1993. 444 с.

¹⁴ Заяц А.А. Крюков Ф. // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь* / Под ред. П.А. Николаева. М.: БРЭ, 1994. Т. 3. С. 187–189. Полный текст статьи: Крюков Ф. *Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя*. М.: АИРО-XXI. 2020. С. 5–17. Данное научное изыскание привлекает последовательностью и указанием на архивные материалы (ГБЛ, ЦГАЛИ, ГПБ, ЦГИАЛ, ЦГАОР, ЦГИА).

¹⁵ Васильев В.В. *Возвращение Федора Крюкова // Шолохов на изломе времени: статьи и исследовательские материалы к биографии писателя. Исторические источники «Тихого Дона». Письма и телеграммы* / ИМЛИ РАН. Сост., отв. ред. В.В. Петелин. М.: Наследие, 1995. С. 111–136.

¹⁶ Сатарова Л.Г. *Спор о казачестве (О творчестве донских писателей Петра Краснова и Федора Крюкова)* // *Подъем*. 1998. №12. С.214–229.

¹⁷ Булавинский бунт (1707–1708 г.). Эюид из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись Федора Крюкова из Донского архива писателя. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 208 с.; Крюков Ф. *Казачьи повести: Повести. Рассказы*. М.: Вече, 2005. 384 с.; Крюков Ф.Д. *Родимый край: Рассказы, очерки*. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007. 550 с.; Крюков Ф.Д. *Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя*. М.: АИРО-XXI, 2009. 368 с.; Крюков Ф.Д. *Православный мир старой России*. М.: АИРО-XXI, 2012. 200 с.; Крюков Ф.Д. *Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону*. М.: АИРО-XXI, 2012. 362 с.; Крюков Ф.Д. *На Германской войне. На фронте и в тылу*. М.: АИРО-XXI, 2013. 548 с.; Крюков Ф.Д. *На Дону. В родных местах*. М.: АИРО-XXI, 2016. 384 с.; Крюков Ф.Д. *Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910-1914 гг.* М.: АИРО-XXI, 2020. 416 с.; Крюков Ф.Д. *Накануне. В час предрабачный. Статьи и очерки*. М.: АИРО-XXI, 2021. 368 с.; Крюков Ф.Д. *Старое поле. В начале пути*. М.: АИРО-XXI, 2021. 320 с.

раннего «журнального» творчества; рассмотрены воззрения Крюкова-народника и позиции «Русского богатства» – журнала легального народничества, его демократическая и реалистическая направленность, показаны отношения Крюкова и В.Г. Короленко. В целом демократическое содержание художественной прозы Крюкова во многом объясняется его ранним публицистическим опытом: «Общий пафос ранних публицистических выступлений Крюкова – демократический, просветительский, нацеленный на пробуждение личности и защиту политических свобод – соответствовал позиции “Русского богатства”»¹⁸. Этому же периоду творчества посвящена диссертация Е.А. Смирновой «Проза Ф.Д. Крюкова в публицистическом контексте “Русского богатства”» (2004)¹⁹, статьи «“Певец Тихого Дона” Ф.Д. Крюков: в поисках “своего” журнала» (2003, совместно с В.Б. Смирновым), «Жанрово-стилевые особенности публицистики Ф.Д. Крюкова» (2005), «Первая мировая война в публицистике Ф.Д. Крюкова (в контексте журнала “Русские записки”)» (2007), «Литературно-критическая и редакторская деятельность Ф.Д. Крюкова в журнале “Русское богатство”» (2015), «Литературно-публицистическое наследие Ф.Д. Крюкова: тематический анализ» (2016), «Genius loci Федора Крюкова, бытописателя “Тихого Дона”» (2016), «Эссеизм в публицистике Ф.Д. Крюкова» (2016), «Творчество Ф.Д. Крюкова “донского” периода» (2017)²⁰.

¹⁸ Смирнова Е.А. «Случайный писатель»: раннее творчество Ф.Д. Крюкова в журнале «Русское богатство» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 8: Литературоведение. 2014. № 1. С. 56.

¹⁹ Смирнова Е.А. «Проза Ф.Д. Крюкова в публицистическом контексте “Русского богатства”». Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 215 с.

²⁰ Смирнова Е.А. Смирнов В.Б. «Певец Тихого Дона» Ф. Д. Крюков: в поисках «Своего» журнала // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2003. № 3. С. 129–132., Смирнова Е.А. Жанрово-стилевые особенности публицистики Ф.Д. Крюкова // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2005. № 4. С. 89–95., Смирнова Е.А. Первая мировая война в публицистике Ф.Д. Крюкова (в контексте журнала «Русские записки») / Смирнова Е.А. // Вестник ВолГУ. Сер.8. Литературоведение. Журналистика. 2007. № 6. С.132–139., Смирнова Е.А. Литературно-критическая и редакторская деятельность Ф.Д. Крюкова в журнале «Русское богатство» // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 1 (14). С. 70–79., Смирнова Е.А. Литературно-публицистическое наследие Ф.Д. Крюкова: тематический анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. С.48–52., Смирнова Е.А. Genius loci Федора Крюкова, бытописателя «Тихого Дона» // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1 (15). С. 17–28., Смирнова Е.А. Эссеизм в публицистике Ф.Д. Крюкова // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12 (54). С. 83–85., Смирнова Е.А. Особенности публицистики Ф. Д. Крюкова донского периода (1918-1919 гг.) // Филологические науки.

В научных работах XXI в. учтены результаты новых изысканий. Назовем составленную А.Г. Макаровым, С.Э. Макаровой книгу «В тени “Тихого Дона”. Федор Крюков – забытый русский писатель» (2006)²¹. В книге Л.Н. Малюковой «“И покотился с грохотом обвал...” Судьба и творчество Ф.Д. Крюкова» (2019) жизнеописание писателя сочетается с анализом содержания и поэтики его произведений²². Также судьбе Крюкова посвящены следующие работы: Полякова Л.В. «Судьба и творчество Федора Крюкова» (2008), Сыпченко А.В. «Крюков Федор Дмитриевич: писатель и народный социалист» (2012), Кислицын С.А., Кислицына И.Г. «Ф.Д. Крюков – педагог, общественный деятель, писатель. Эволюция политических взглядов» (2021)²³. В начале 2020 г. С.В. Мироненко и А. Чернов организовали пересъемку мемуаров П.А. Скачкова «О Федоре Дмитриевиче Крюкове»²⁴.

Объектом исследования стало эпистолярное наследие Крюкова, ставшее справочным материалом для изучения творчества писателя. Например, переписка Крюкова с А.С. Серафимовичем²⁵. В научных работах письма используются для аргументации биографических фактов, выводов о судьбе текстов, литературных и общественных взглядов Крюкова. Например, в упомянутой ранее статье Смирновой «“Случайный писатель”»: раннее творчество Ф.Д. Крюкова в журнале “Русское богатство”» использованы письма писателя к А.Г. Горнфельду, А.И. Тинякову, переписка с А. Серафимовичем. В ее же статье «Литературно-критическая и редакторская деятельность Ф.Д. Крюкова в журнале “Русское богатство”» использованы

Вопросы теории и практики. 2018. № 1. С. 243–247.

²¹ Макаров А.Г., Макарова С.Э. В тени "Тихого Дона". Федор Крюков – забытый русский писатель. М.: «АИРО-XXI», 2006. 64 с.

²² Малюкова Л.Н. «И покотился с грохотом обвал...” Судьба и творчество Ф.Д. Крюкова. М.: ФЛИНТА, 2019. 254с.

²³ Полякова Л.В. Судьба и творчество Федора Крюкова // Вестник ТГУ. 2008. № 1 (57). С. 360–365., Сыпченко А.В. Крюков Федор Дмитриевич: писатель и народный социалист // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2(93). С. 107–111., Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Ф.Д. Крюков – педагог, общественный деятель, писатель. Эволюция политических взглядов // Известия ВУЗов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 1(209). С. 65–71.

²⁴ Скачков П.А. О Федоре Дмитриевиче Крюкове [Электронный ресурс] / URL: <https://nestoriana.files.wordpress.com/2021/04/skachkov-o-krjukove.pdf> (дата обращения: 14.03.2023.)

²⁵ Проскурин В.М. Переписка между Ф.Д. Крюковым и А.С. Серафимовичем // Волга. 1988. № 2. С. 149.

письма писателя к И.Д. Сазанову, В.Г. Короленко, И.И. Захарову и А.И. Тинякову.

Научная *новизна* исследования заключается в систематизации мотивов и образов большого корпуса произведений Крюкова, выявлении соотношения сюжетов и реальности, влияния общественно-политических взглядов писателя на содержание рассказов, повестей, очерков, а также в определении места его прозы в художественной литературе 1890-х–1910-х годов.

Цель диссертации – анализ особенностей авторской интерпретации личных и общественных ценностей донского казачества, изображения судеб и быта казаков в предреволюционное и революционное время, что определяет следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать эстетические приоритеты Ф. Крюкова.
2. Систематизировать общественные взгляды писателя и их отражение в его повестях, рассказах и публицистике.
3. Изучить историю донского казачества конца XIX в.–первых двух десятилетий XX в.
4. Выявить хозяйственные, религиозные, общественные, семейные приоритеты донских казаков в прозе Крюкова; акцентировать внимание на решении темы личной свободы казака и его долга в мирной и военной жизни; рассмотреть специфику психологического анализа.
5. Проанализировать особенности изображения внешнего портрета рядового казака в рассказах Крюкова.
6. Определить средства создания Крюковым вербальных пейзажей и их роль в описании менталитета донских казаков.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В творчестве Крюков следовал традициям *реализма*, опирался на *личный* жизненный опыт, знание казачьего быта. Произведения Крюкова *исторически достоверны*. Герои – участники русско-японской и Первой мировой войн, революционных волнений; ряд описанных ситуаций

подтверждается аналогичными событиями из истории Донских казачьих полков.

2. Сюжеты произведений *жизнеподобны*. Главный герой – рядовой казак. Крюков описал сложные судьбы; в основу сюжетных линий положены общественные, любовные, семейные, этнические конфликты, в которых раскрываются постоянные темы произведений Крюкова – противопоставление или гармония личной воли и долга, антитеза свободы и обстоятельств принуждения, страсти и рока, греха и наказания, инстинктов и высоких идеалов. Крюков, отказавшись от романтизации казака, изобразил противоречивые характеры.

3. Типология персонажей обусловлена *психологической* индивидуальностью в сочетании с социальным статусом, станичной этикой, условиями воинской службы, этноментальной спецификой. Особое внимание автор уделил психологии молодых казаков, матерей и жалмерок. Многие произведения посвящены самоидентификации казака, кризису традиционного сознания, зарождению новых общественных и личных идеалов. Выведенные в прозе Крюкова психотипы соответствуют характерам казаков, описанных в прозе Вс. Иванова, Краснова, Серафимовича, Шмелева, Шолохова и др. В изображении станичной жизни автор, как правило, обращается к донскому фольклору, игровой и лексической культуре казаков, описанию трудовых навыков.

Особая значимость в создании характеров придана портретным характеристикам и панорамным пейзажам (прежде всего степи).

4. В экзистенциальной проблематике выражено осмысление Крюковым онтологических вопросов. Тема *жизни и смерти* раскрывается через сочетание витальных и мортальных мотивов («Гулебщики», «Зыбь», «Из дневника учителя Васюхина», «Душа одна», «Казачка», «Цветок-татарник» и др.). Крюков описывает жизненную силу казака (казачки), однако ряд сюжетных линий заканчивается гибелью в сражении, смертью вследствие

болезни, самоубийством. При этом автор воспринимает смерть двойко: как личную трагедию и как бытийную ценность, необходимую для осознания людьми полноты и конечности жизни. Массовые смерти на войне лишены, с его точки зрения, бытийного и цивилизационного смысла («Усть-Медведицкий боевой участок», «Здесь и там» и др.).

5. В сюжетах и персонажах отражены общественные идеалы Крюкова. Его демократизм сформировался как в литературной среде (сотрудничество с «Русским богатством»), так и благодаря политической активности. Содержание очерков свидетельствует о нарастании критического отношения Крюкова к развитию революционных событий 1917 г.

Методологическая и теоретическая основа. В качестве основных методов исследования избраны герменевтический, сопоставительный, культурно-исторический. Теоретико-методологическую базу диссертации составили труды Г. Башляра, Р.Л. Красильникова, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, В.Е. Хализева, Е. Фарыно и др. При исследовании творчества Крюкова использованы положения научных работ Е.С. Бирючевой, В.В. Васильева, А.Г. Макарова и С.Э. Макаровой, Л.Н. Малюковой, М.Т. Мезенцева, Е.А. Смирновой и др. Методологической и концептуальной основой освоения историко-литературного материала 1890-х–1920-х годов стали научные труды М.М. Голубкова, Е.А. Дьяковой, В.Б. Катаева, В.А. Келдыша, Л.А. Колобаевой, М.В. Михайловой, И.Б. Ничипорова, С.Г. Семёновой, Н.М. Солнцевой и др. Фольклорные аспекты диссертации соотнесены с результатами изысканий С.В. Алпатова, М.С. Альтшулера, А.Н. Афанасьева, О.В. Капли, Т.С. Рудиченко и др.

Основой для освоения истории донского казачества послужили работы Л.Н. Гумилева, В.В. Дзюбана, Д.И. Иловайского, А.И. Медведева, А.И. Ригельмана, И.А. Родионова, Ю.П. Родионова, Н.В. Рыжковой, С.М. Сидельникова и др. Методологический подход к вопросам этнических отношений определен положениями трудов Н.А. Бодневой, Е.В. Брысиной,

Г.Д. Гачева, А.Я. Гуревича, И.И. Ивановой, О.А. Кукобы, А.В. Сопова, И.Ю. Юрченко и др. В диссертации использованы положения научных сочинений Н.А. Бердяева, Э. Гуссерля, В.Н. Ильина, Г. Маркузе, М. Хайдеггера, Л.А. Шестова, А. Шопенгауэра.

Научная достоверность положений и выводов диссертации обеспечивается большим объемом анализируемого материала, совокупностью методов, применяемых в изучении художественной литературы, обращением к теоретическим, историко-литературным, историческим трудам.

Теоретическая значимость работы состоит в решении ряда вопросов, касающихся авторского осмысления этно-ментальности героев, соотношения реальных событий и особенностей сюжетов, художественного потенциала публицистических жанров. **Научно-практическая значимость** заключается в содержании диссертации, которое может быть востребовано в дальнейшей научной работе, подготовке курсов лекций и семинарских занятий по истории русской литературы.

Апробация работы

Результаты исследования представлены в докладах на следующих научных конференциях: 1) «Изучение казачьей литературы в Китае» (Всероссийская конференция «Современная российская наука: актуальные вопросы, достижения и инновации». МЦНС «Наука и просвещение». Пенза. 20 мая 2022); 2) «Гуманизм в творчестве Ф. Крюкова» (Международная конференция: «Актуальные вопросы современных научных исследований». МЦНС «Наука и просвещение». Пенза. 10 января 2023); 3) «Концепция жизни и смерти в прозе Ф. Крюкова» (XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва. 18 апреля 2023).

Основные положения диссертации изложены в 5 статьях, 4 из них опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Гао Хань, Солнцева Н.М. Место пейзажа в повествовательной структуре произведений Ф. Крюкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2022. Т.22, вып. 1. С. 95–98 (импакт-фактор: 0.139).

2. Гао Хань. Категория трагического в художественной прозе Ф. Крюкова // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 1. С. 142–150 (импакт-фактор: 0.366).

3. Гао Хань. Концепция жизни и смерти в прозе Ф. Крюкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 5-2. С. 151–154 (импакт-фактор: 0.084).

4. Гао Хань. «Гулебщики» Ф. Крюкова и «Степные люди» А. Серафимовича: художественная интерпретация этнических отношений // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2023. Т. 33, вып. 4. С. 884–888 (импакт-фактор: 0.177).

Также в рецензируемом научном журнале: Гао Хань. Драматизм казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова // Филология: научные исследования. 2023. №10. С. 9–14. (импакт-фактор: 0.2).

Работа прошла апробацию на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова при защите НКР (1 сентября 2023 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии.

Глава 1. МИР ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В АКСИОЛОГИИ

Ф. КРЮКОВА

В главе рассмотрен комплекс социально-политических, моральных, культурных ценностей, иных смыслообразующих основ²⁶, обусловивших содержание публицистики и художественной прозы Ф.Д. Крюкова. Аксиология обращена к «моральным ценностям, правовым ценностям, ценностям научного познания, ценностям человеческой истории и социальных теорий, ценностям, связанным с природой человека и смыслом его жизни»²⁷. Художественная аксиология рассматривает прежде всего содержание и смысл жизни человека в авторской интерпретации. Интересы В. Крюкова-писателя сфокусированы на индивидуальности донского казака (казачки), его представлениях о жизни, их созвучии или неозвучии социальным функциям, предписанным казаку государством, а также с родовым, семейным укладом. В повестях и рассказах писателя остро стоит проблема мотивированности поступков человека в контексте казачьей этики. Продолжая литературные традиции, Крюков стремился к разрешению насущных вопросов, касающихся иерархии ценностей донского казачества в российских условиях 1900-х–1910-х годов.

1.1. Творческие приоритеты Ф. Крюкова

Ф. Крюков вступил в литературу в пору ее обновления. По мнению В.Б. Катаева, точкой отсчета в обновлении реализма стала повесть

²⁶ В научных работах систематизированы пять групп ценностей: «социально-целевые (Святость, Духовность, Знание, Мастерство, Дело, Слава, Власть, Богатство); социально-инструментальные (Право, Свобода, Справедливость, Солидарность, Милосердие); персонально-инструментальные (Жизнь, Здоровье, Сила, Ловкость, Красота, Ум); субъективно целевые (Вещество, Энергия, Пространство); общечеловеческие (Мыслящий дух, Общество, Человек)». *Ильин В.В.* Аксиология. М.: Изд-во Московского университета, 2005. С. 16. Если исходить из предложенной классификации, жизнь персонажей в произведениях Крюкова прежде всего ориентирована на персонально-инструментальные ценности, а также социально-целевые.

²⁷ *Ивин А. А.* Аксиология. М.: Высшая школа, 2006. С. 2.

Л.Н. Толстого «Крейцера соната» (1890), «художественным завещанием уходящего столетия новому»²⁸ названо «Воскресение» (1899). Время рубежа рассматривается как годы обогащения реализма, укрепления его «мощного потенциала», что выразилось в «поиске новых тем, героев, сюжетов, жанров, новой манеры разговора с читателем»²⁹. Как полагает Л.А. Колобаева, перемены в русской литературе были «трудными, но неизбежными»: менялась реальность, проявилось «активное взаимодействие литературных течений», «их притяжение и обогащение», сам реализм «не оставался монолитно однороден»³⁰.

В «Знании» выходили в свет произведения высокого уровня реализма 1900-х–1910-х годов (Булнина, Горького, Куприна, Шмелёва и др.) В то же время В.Б. Катаев указывает на развитие *натурализма*, не противопоставлявшего себя реализму в следовании принципу правдивости, но и верного принципу фотографизма – изображения действительности как она есть³¹, и выявлявшего «биологическое в человеке»³² (как в прозе А. Амфитеатрова). Как пишет Л.А. Колобаева, реализм знаньевцев, например, «нередко суживался до натуралистической эмпирики, самодавяющей описательности, фактографизма»³³. В.А. Келдыш делает акцент на развитии *социального* реализма, изменившемся восприятии традиционной темы отношений человека и среды – противостоянии личности среде. Особая роль в обновлении реализма отведена *неореализму* – «течению внутри

²⁸ Катаев В.Б. Реализм и натурализм // Русская литература рубежа веков (1890–начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / ИМЛИ РАН / Отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Наследие, 2000. С. 191.

²⁹ Там же. С. 192.

³⁰ Колобаева Л.А. Реализм: тенденции и модификации. Общая характеристика // История русской литературы Серебряного века (1890-е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 20.

³¹ К писателям «реалистически-натуралистической ориентации» В.Б. Катаев относит В. Вересаева, С. Гусева-Оренбургского, Н. Телешова, А. Серафимовича, Е. Чирикова, С. Юшкевича и др. Катаев В.Б. Реализм и натурализм. С. 196.

³² Там же. С. 195.

³³ Колобаева Л.А. Реализм: тенденции и модификации. Общая характеристика. С. 23.

О реализме знаньевцев: Михайлова М.В. Сборники «Знание» и вариации знаньевского реализма // История русской литературы Серебряного века (1890-е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 77–104.
В сб. товарищества «Знание» опуб. «Зыбь» (1909) Крюкова.

реалистического направления»³⁴, свободному от натурализма и не чуждому художественным исканиям модернистов. Доминирующий принцип неореалистической литературы, как считает В.А. Келдыш, – «бытие через быт», «сопряжение “бытия” и “быта”»; при этом бытийное преобладает над «социально-конкретным мировидением»³⁵. Сформулированный В. Вересаевым («Живая жизнь», 1910) мировоззренческий критерий неореалистов – живая жизнь в противоположность идее жизни, что включает в себя не отрицание плоти, а ее одухотворение. *Синтезом неореализма и модернизма* отмечены произведения Л. Андреева, А. Ремизова, В. Розанова; их творчество – «пример промежуточности, переходности, текучести стилевой специфики, гибкости стилевых предпочтений, включая стремление реалистов к адекватности художественного постижения мира, к узнаваемой психологической и бытовой детали, к сюжетной очевидности, неореалистов к одновременно конкретному и интуитивному постижению жизни, сфокусированному прежде всего в сознании, ощущениях, памяти писателя, символистов – к тропеичности языка, условности образа, мифологизации бытия и инобытия»³⁶.

Вопрос о реализме затрагивает философские, религиозные, стилевые аспекты творчества. Обращаясь к природе реализма в целом, натурализма, духовного, критического, социалистического реализма, неореализма, а также гротескного, фантастического, магического, мистического реализма, Н.З. Кольцова и И.В. Монисова полагают, что известные на сегодняшний день вариации реализма следует понимать в сращении, неделимости по отношению

³⁴ Келдыш В.А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890–начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / ИМЛИ РАН / Отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Наследие, 2000. С. 259.

³⁵ Там же. С. 269, 289. К неореалистам В.А. Келдыш относит И.А. Бунина, В.В. Вересаева, Б.К. Зайцева, М.М. Пришвина, С.С. Сергеева-Ценского, А.Н. Толстого, И.С. Шмелёва. М.В. Михайлова отмечает «многосоставность» неореализма: «помимо лиризма Зайцева, экспрессивной цветописи Сергеева-Ценского в нем можно было обнаружить и “сентиментальную тенденциозность” Шмелёва, и грубую аляповатость Замятина». Михайлова М.В. Неореализм: стилевые искания // Русская литература рубежа веков (1890–начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / ИМЛИ РАН / Отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Наследие, 2000. С. 259. С. 41–77.

³⁶ Солнцева Н.М. Диалог художественных систем // История русской литературы Серебряного века (1890–е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 238.

к самобытным литературным явлениям³⁷. На наш взгляд, их сращение обусловлено единым корнем – реализмом (или признаками реализма) с его широтой в восприятии и анализе бытия, многомерностью эстетики.

Литературную деятельность Крюков начал со статей «Казачья Академическая выставка» (1890), «Что теперь поют казаки» (1890), «Казачьи станичные суды» (1892), а также с опубликованного в историко-литературном журнале «Исторический вестник» (1892. №2) рассказа «Гулебщики». При его жизни в свет были выпущены два сборника его произведений: «Казачьи мотивы. Очерки и рассказы» (изд. ред. «Русское богатство», 1907)³⁸, «Рассказы» («Книгоиздательство писателей в Москве», 1914).

В.А. Келдыш упоминает Ф. Крюкова в одном ряду с Е. Замятиным, М. Пришвиным, С. Сергеевым-Ценским, И. Сургучёвым, А. Толстым, К. Тренёвым, А. Чапыгиным, И. Шмелёвым. Как перечисленные прозаики, Крюков – писатель со своей мировоззренческой и художественной спецификой, и его проза относится к традиционному *реализму*.

Помимо босяков, фабричных людей, людей из захолустья, деревенских жителей, солдат и прочих героев, представляющих большинство населения империи, в русской литературе XX в. благодаря Крюкову появились *казаки*. По справедливому замечанию Е.А. Смирновой, в литературе 1900-х годов жизнь казачества была «малоработанной»³⁹. Как писал С. Пинус: «Оригинальность и сила Ф.Д. Крюкова, как писателя, прежде всего в том, что он изображает жизнь донского казачества, до последнего времени в русской литературе почти не затронутую»⁴⁰ («Бытописатель Дона. Опыт

³⁷ Кольцова Н.З., Монисова И.В. Слово о «реализме без берегов» и прочих «реализмах» XX века // Ортодоксы и еретики русской литературы XX–XXI веков / Под ред. М.М. Голубкова; сост. Г.В. Зыковой, Н.А. Нерезенко, О.С. Октябрьской, А.А. Сёминой. М.: МАКС-Пресс, 2022. С. 104.

³⁸ В «Казачьи мотивы» вошли произведения 1896—1906 гг. Сборник был отмечен в рецензиях К. Хр. («Новый журнал литературы, искусства и науки». 1907. № 3), Ю. В. («Российские Ведомости. 1907. 15 мая), А.Г. Горнфельда («Товарищ». 1907. 26 мая). С достаточно ироничной рецензией выступил А.П. Налимов («Образование». 1907. № 6).

³⁹ Смирнова Е.А. Genius loci Федора Крюкова, бытописателя «Тихого Дона». С. 18.

⁴⁰ Пинус С. Бытописатель Дона. Опыт характеристики литературного творчества Ф.Д. Крюкова // Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919 / Вступ. ст. А.Г. Макарова. М.: АИРО-XXI, 2020. С. 320.

характеристики литературного творчества Ф.Д. Крюкова», 1918). Проза Крюкова отмечена *этнографической* точностью. С. Пинус, отдав дань романтикам, которые «с великой энергией стали искать местного, бытового, этнографического, характерно-национального»⁴¹, обратился к описанию провинциальных нравов в прозе реалистов, остановился на «областнической стихии», «провинциализме» как предмете изображения: «Мы мало замечаем тот поразительный факт, что значительная часть Пушкина и Толстого и весь Лермонтов принадлежат Кавказу»⁴². С. Пинус назвал как писателей, в чьих произведениях отразилась их родина (Гоголь, Аксаков, Гончаров, Мельников-Печерский и др.), так и ставших певцами чужих «стран и быта»⁴³, включив сюда В. Короленко и В. Тана.

Вместе с тем в специфике казачьей жизни Крюков выразил парадоксы и полноту бытия. Согласно выводу В.А. Келдыша, и для традиционного реализма, и для неореализма характерно «широкопанорамное запечатление российского бытия, подтверждавшее возрастающий интерес литературы к динамике вокруг лежащей жизни»⁴⁴. Проза Крюкова, которая для его современников была областнической (что не умаляло ее значения⁴⁵), сегодня не воспринимается как только региональная, то есть развивающаяся в контексте только специфичной культурной традиции; во внутреннем мире и судьбах его героев отражены как местные, так и *всечеловеческие, российские проблемы*. Пинус высказал верную мысль о реализме Крюкова: «его отражения жизни не фотография, скользящая по поверхности, а углубленная

⁴¹ «Шатобриан ушел за местным колоритом в леса Америки, Гюго – в Грецию и Турцию, Мериме – в Испанию и в Иллирию, Вальтер Скотт – в Шотландию; с страстной жадностью Байрон поглощал впечатления ярких уголков Европы и Азии». Там же. С. 318.

⁴² Там же. С. 319.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Келдыш В.А.* Реализм и неореализм. С. 262.

⁴⁵ «Вскоре в пределах каждой большой страны появились свои, близкие “местные” колориты, свои областные поэты: Бернс воспел Шотландию, Мур – Ирландию; в Германии выделились австрийская и швабская группы поэтов. Появилась, наконец, большая поэзия и на местных языках: во Франции – знаменитый Мистраль, писавший на провансальском языке; в Германии – известный автор “Овсяного киселя” Гебель, писавший на аллеманском наречии. Клаус Грот – на дитмарском, и другие». *Пинус С.* Бытописатель Дона. Опыт характеристики литературного творчества Ф.Д. Крюкова. С. 318.

концепция»⁴⁶. Произведения Крюкова художественно созвучны философским концепциям бытия в целом, например содержат универсальные вопросы существования человека, то есть они глубоко *экзистенциальны* (но экзистенциализм с его философемами бессмысленности существования, одиночества человека в абсурдном мире, богооставленности и прочим чужд мировоззрению Крюкова). Авторские концепции бытия казака вырастают из многообразия его быта, полного противоречий – прагматичности и мечтаний, духовности и практичности, широты и мелочности, грубости и лиричности и проч. В понятие «быт» Крюков включает повседневность в ее широком смысле.

Крюков не пошел по пути писателей, глубоко погружающихся в психологию своих героев. Его произведения написаны «почти без всякой психологии»⁴⁷, как писал С. Пинус. Его персонажи не знают мук рефлексии, но знают сомнения, вызванные прежде всего совестью; они, как правило, максималисты, страстные, ярко выражают чувства, экспрессивны в конфликтных ситуациях. Они – *люди действия*, четких решений, воли. *Психологизм* рассказов и повестей Крюкова *сдержан*, формируется в основном за счет портретных деталей, пейзажных параллелизмов, предельно лаконичных авторских комментариев. Крюков не замещал традиционные моральные нормы модернистскими сомнениями относительно добра и зла, не подменял общечеловеческие нравственные ценности идеологическими (ницшеанскими, марксистскими и проч.). В отношениях человека и среды герои Крюкова, противостоя среде или микросреде, не теряют индивидуальности. Большую роль в сюжетах о казаках, современниках Крюкова, играет *исторический фактор* (войны, бунтарство, переломные эпизоды в общественной жизни). Отметим также *непозитивистский* смысл его произведений.

⁴⁶ Там же. С. 323.

⁴⁷ Там же. С. 320.

Демократическая направленность прозы Крюкова была созвучна его общественным позициям. Его занятия литературой во многом связаны с «Русским богатством». Несомненное влияние на Крюкова оказала личность В.Г. Короленко⁴⁸ – внепартийного издателя журнала. Как пишет М.Г. Петрова: «Современники (а затем и потомки) отвели Короленко особую роль в русской литературе – роль праведника и общественного подвижника. И сделали это с пониманием того, что в общем развитии культуры внеэстетические категории имеют свою немалую цену: наряду с художественным гением искусству необходим и “нравственный гений”. Этические категории долговечнее эстетических, постоянно требующих обновления»⁴⁹. Содержание произведений Крюкова, как и Короленко, было созвучно насущным проблемам жизни народа. Короленко обращался к его духовному содержанию⁵⁰ («Без языка», 1895; «У казаков», 1901 и др.), трудовой жизни и страданиям («В голодный год», 1893; «Сон Макара», 1883 и др.), терпению и отстаиванию правды («Смирненные», 1898; «Сорочинская трагедия», 1907; «В успокоенной деревне», 1911 и др.), его противоречиям и жизненной силе («Река играет», 1891 и др.); актуален был вопрос о решении народом своей судьбы («О сложности жизни», 1899⁵¹). Кроме того, Короленко считал задачей журнала развитие в народе гражданственности и стремления к

⁴⁸ С четвертого номера 1897 г. – соредaktor Н.К. Михайловского (с июня 1895 г. Короленко – официальный издатель журнала; с 1904 г., после смерти Михайловского, – главный редактор журнала). Журнал прекратил свое существование в 1918 г.

⁴⁹ *Петрова М.Г.* Владимир Короленко // Русская литература рубежа веков (1890–начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / ИМЛИ РАН / Отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Наследие, 2000. С. 461–462.

⁵⁰ Показательно письмо Короленко к Л.Н. Толстому от 4 янв. 1904 г., в котором идет речь о Беловодье; узнав о разговоре Толстого с уральскими казаками о Беловодье, Короленко прислал ему книгу Г. Хохлова «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство»; для понимания отношения Короленко к народу важны следующие строки: «есть эпизод, показывающий, какое глубокое значение для этих темных, правда, людей имеет данный вопрос <...> Их поездка к Вам есть как бы продолжение того же путешествия в Беловодию с целью разобраться и найти истину по вопросу, имеющему для них и отвлеченное, и самое насущное значение». Цит. по:

https://ru-lib.3dn.ru/publ/korolenko_vladimir_galaktionovich_pisma_stranica_20/1-1-0-2706?ysclid=ljbo4pk1jy185187922 (Дата обращения: 25.06.2023). *Хохлов Г.Т.* Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / Предисл. В. Г. Короленко; под ред. С.Ф. Ольденбурга. СПб.: Типогр.-лит. «Герольд», 1903. 112 с. О встречах Короленко с уральскими казаками – «У казаков» («Русское богатство». 1901. Ноябрь).

⁵¹ В 1914 г. с подзаголовком «Из полемики с марксизмом».

самоуправлению (письмо к сотруднику журнала Н.Ф. Анненскому в ноябре 1905 г.)

Журнал народнической демократии, «Русское богатство» стало для Крюкова главной трибуной. Он ввел в редакционный «портфель» очерки и рассказы о донских казаках, что было одобрено и поддержано В.Г. Короленко. Крюков привнес в редакционный репертуар не просто казачий колорит⁵², но и поднял актуальные проблемы службы, станичного быта, ментальности современных казаков. Из письма Короленко к Крюкову от 11 ноября 1898 г. видно, как Короленко отстаивал в цензуре его очерк «На тихом Дону» (1898), уверяя его в том, что изъятия в тексте сделаны не редакцией, а цензором. В очерке было описано путешествие автора до Новочеркасска, давалось описание хозяйственной жизни, социального состояния края. Короленко внушал Крюкову веру в свои силы («Ваши очерки производят впечатление жизненности и даровитости»), уверял, что «Дон – далеко не исчерпан»⁵³. Очерк был опубликован в десятом номере журнала.

В «Русском богатстве» появились произведения Крюкова «Казачка» (1896), «На тихом Дону» (1898), «Из дневника учителя Васюхина» (1903), «В родных местах» (1903), «Картинки новой жизни» (1904), «Новые дни» (1907), «Мечты» (1908), «Товарищи» (1909), «Мать» (1910), «Полчаса» (1910), «В камере» (1910), «Спутники» (1911), «Встреча» (1911), «На речке лазоревой» (1911), «Счастье» (1911), «Сеть мирская» (1912), «Без огня» (1912), «Офицерша» (1912), «Неопалимая Купина» (1913), «Жажда» (1913), «Отец Нелид» (1913), «В углу» (1914), «Тишь» (1914) и др. В «Русском

⁵² В связи со смертью Крюкова, «еще одной потерей литературы», 25 августа 1920 г. В.Г. Короленко записал в дневнике: «Это известие больно отозвалось в моей душе: мне жаль не только писателя, но и чрезвычайно симпатичного человека. Кажется, первое его печатное произведение читал и принял я. Это были путевые очерки по Дону <...> Очерки были так колоритны, что я не только принял и но и написал автору, в уверенности, что он будет писать дальше. Он ответил, что он о литературе не мечтает, а просто ему захотелось изложить впечатления поездки по родному Дону. Вскоре, однако, стал присылать другие очерки. Дон приобрел в нем своего изобразителя; другие авторы принимали его манеру. Потом он сблизился с “Русским богатством” и вошел в наш редакционный кружок. Это был человек своеобразный, с казачьим колоритом». *Негретов П.И.* В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества. 1917–1921 / Под ред. А.В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 166.

⁵³ *Крюков Ф.Д.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919 / Вступ. ст. А.Г. Макарова. М.: АИРО-XXI, 2020. С. 311, 312.

богатстве» Крюков работал редактором отдела беллетристики.

Кроме «Русского богатства» произведения Крюкова публиковались на страницах журналов «Северный вестник», «Русские записки» (то же «Русское богатство»), в ряде газет: «Донская волна», «Донские ведомости», «Петербургская газета», «Русские ведомости», «Свобода России», «Север Дона» и др.

Эстетическая направленность «Русского богатства» также была близка Крюкову-реалисту. По словам А. Горнфельда, одного из редакторов журнала, читатели начала XX в. устали от затейливых модернистских изысканий новых возможностей художественного языка, от лингвистических экспериментов⁵⁴. В сборнике рассказов Крюкова «Казацкие мотивы» (1907) А. Горнфельд отметил «элементарную правду», которую противопоставил «пустым» «глубинам познания» и «напряженным переживаниям»⁵⁵. Об этом же писал и С. Пинус, охарактеризовавший Крюкова «строжайшим реалистом», «правдивейшим из бытопочклонников», изображавшим жизнь без «всяких нажимов, всякого шаржа», описывающим и «грубые низины жизни», и обычный житейский материал «средствами изумительно простыми», но «так полномерно и так содержательно»⁵⁶. Сам Крюков так охарактеризовал свою творческую манеру: «вкус у меня – устаревший; я держусь группы народников и в экономических, и в эстетических взглядах»⁵⁷.

При сходных темах очерков и рассказов Крюкова отметим их принципиальное отличие. В рассказах нет страстного критицизма, публицистической энергии, открытой политической направленности, которая в очерках выражена в откровенной авторской позиции, подборе достоверных

⁵⁴ Цит. по: *Бирючева Е.С.* Творчество И.Д. Сазанова в контексте русской литературы конца XIX–начала XX века: дисс. канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2012. С. 41. Согласно изысканиям Е.А. Смирновой («Проза Ф.Д. Крюкова в публицистическом контексте “Русского богатства”», 2004), Крюков был вполне лоялен к символизму.

⁵⁵ *Горнфельд А.Г.* Рассказы Крюкова // Горнфельд А.Г. Книги и люди. Литературные беседы. СПб.: Жизнь, 1908. С. 114.

⁵⁶ *Пинус С.* Бытописатель Дона. Опыт характеристики литературного творчества Ф.Д. Крюкова. С. 320, 322.

⁵⁷ Из письма к А.И. Тинякову (1903). ОР ПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 774, ед. хр. 22 (4502), л. 1.

фактов, субъективных интонациях. Рассказы и повести Крюкова написаны, как правило, ровным, свойственным традиционному реализму языком, характеризуются «одноплановостью речевого стиля»⁵⁸; в них представлены широкие пейзажные картины, самобытность казаков показана в многочисленных деталях; место прямых авторских оценок характеров и событий занимают лирические замечания, лапидарные лирические отступления; язык рассказов и повестей содержит единичные и развернутые тропы, повествование включает многочисленные акустические и визуальные образы. В отличие от очерка, в рассказе, как правило, представлено центральное событие, соотнесенное с «интерпретирующим» финальным⁵⁹ событием. В отличие от свободной композиции очерка, изложение в рассказах Крюкова в целом последовательно.

Язык очерков Крюкова сочетает в себе четкость документалистики, конкретику факта и художественность, в чем мы видим стилевые черты, сближающие публицистику Крюкова и Короленко. Как отмечает М.В. Михайлова, в публицистике Короленко аналитичность синтезирована с яркостью пейзажных и портретных описаний, которые «перемежаются авторскими отступлениями-рассуждениями <...> активно используются художественные элементы для воссоздания обобщающей картины»⁶⁰.

Реалистическое повествование очерков и рассказов, размеренное бытописание порой дают повод определять жанровую принадлежность некоторых рассказов, например «Гулебщики», к очерку⁶¹, что, на наш взгляд, не вполне отвечает эстетической специфике произведения; названный самим автором очерком («Очерк из быта стародавнего казачества»), этот рассказ – пример лиризации художественного повествования, поэтики параллелизмов,

⁵⁸ Скобелев В.П. Поэтика рассказа. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1982. С. 59.

⁵⁹ Лужановский А.В. Выделение жанра рассказа в русской литературе: Пособие по спецкурсу «История русского рассказа» для студентов педагогического института. Вильнюс: Вильнюсский государственный педагогический институт, 1988. С. 8.

⁶⁰ Михайлова М.В. В.Г. Короленко // История русской литературы Серебряного века (1890-е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 135.

⁶¹ Смирнова Е.А. *Geni /us loci* Федора Крюкова, бытописателя «Тихого Дона». С. 18.

метафор, изобразительности пространства.

Для современных исследований важны *критические отзывы* о произведениях Крюкова, *воспоминания* о нем. На сегодняшний день введены в научный оборот материалы 1900-х–1930-х годов. Это статьи [К. Хр.] («Новый журнал литературы, искусства и науки». 1907. № 3), [Ю. В.] («Русские ведомости». 1907. 15 мая); А. Г. Горнфельда («Товарищ». 1907. 26 мая), А.П. Налимова («Образование». 1907. № 6). Ряд статей написан в 1918 г., что можно объяснить двадцатипятилетним юбилеем Крюкова (празднование состоялось 10 ноября 1918 г. в станице Усть-Медведевской). Это работы К. Казака, Н. Казмина («Донская волна». 1918. №23), Р. Кумова («Донская волна». 1918. №23), С. Пинуса (сб. «Родимый край», Усть-Медведицкая, 1918; «Донские ведомости». 1918. №66), В. Севского («Донская волна». 1918. №23), М. Коновалова («Донская волна». 1918. №26). Обращаются к воспоминаниям П. Скачков, В. Михайлов, И. Крячков, Н. Куницын (сб. «Родимый край», Усть-Медведицкая, 1918). К 1920-м–1930-м годам относятся материалы В. Боцяновского («Вестник литературы». 1920. № 9), А. Горнфельда («Вестник литературы». 1920. №6), М. Рудина («Руль». 1921. 29 апр.), К. Серапина («Казачьи думы». София, 1922. 5 марта); П. Скачкова («Казачьи думы». София, 1922. 5 марта), С. Филимонова («Казачий путь». Прага, 1925. № 53); В. Мельникова («Казачий путь». Прага, 1925. № 53), И. Крюкова («Путь казачества». Прага, 1928. № 37–38), Д. Воротынского («Вольное казачество». Прага, 1931, № 73), Книгочия («Вольное казачество». Прага, 1932. № 98, 99; 1933. № 126, 127) и др.

В перечне приведены авторы статей разных жанров – от емких аналитических до заметок и воспоминаний. Специфика повествовательного таланта Крюкова была рассмотрена в статье С. Пинуса «Жизнь в произведениях Ф.Д. Крюкова» («Донские ведомости. 1918. №66»). Например, критик писал о «скрытом герое», его скорби, «тяжести одиночества»; он высказал мысль о сходстве литературы и религии в воспитании сочувствия и

различия «скрытых ран», в даре прозрения. Пинус поставил в пример рассказы Крюкова «Мать», «Казачка», «Мечты», «В родных местах», «Зыбь». В цитированной выше статье «Бытописатель Дона. Опыт характеристики литературного творчества Ф.Д. Крюкова» (сб. «Родимый край», Усть-Медведицкая, 1918) Пинус высказался о высоком художественном потенциале реалистической изобразительности прозы Крюкова: «Быт, который изображает Крюков, так насыщен скорбью и очарованием жизни, что, кажется, в самом деле, достаточно простой правдивости, чтобы произвести наибольшее впечатление»⁶². Упомянем еще об одном наблюдении Пинуса: Крюков по отношению ко всем своим героям писатель незлобный, он любит жизнь и человека. А. Горнфельд даже в памятном слове о Крюкове «Памяти Ф.Д. Крюкова» («Вестник литературы». 1920. №6) проявил свою особенность сочетать герменевтику и наблюдение над характером писателя, его творческой психологией. В небольшой статье он высказался по поводу гармоничности связи Крюкова-беллетриста, филолога по образованию и Крюкова-политического деятеля, народника по общественным устремлениям. Горнфельд назвал основную тему его творчества, это – душа народа, ищущего, встревоженного, сталкивающегося с новизной эпохи. Он отметил нетенденциозность прозы Крюкова, но и общественную мысль, лежащую в основе произведений. Горнфельд указал на эстетический приоритет писателя – простоту, прямоту, ясность. По сути, он кратко сформулировал основное в творческой аксиологии Крюкова. Н. Казьмин в статье «Казак Клюев» («Донские ведомости». 1918. №66) указал на новаторство Крюкова в изображении казачества: в его прозе появился казак-хлебопашец. П. Автономов («Донские ведомости». 1918. №66), отметив остроту поднятого после 1905 г. вопроса о казаках, писал о незнании казака российским обществом – но этот пробел заполнила проза Крюкова; он остановился на особенностях пейзажей, на «важном и мелком, <...> прекрасном и

⁶² Пинус С. Бытописатель Дона. Опыт характеристики литературного творчества Ф.Д. Крюкова. С 322.

безобразном» в жизни героев, на «исковерканной на военной службе своеобразной казачьей речи»⁶³, одиночестве персонажа-интеллигента среди станичников, ровном юморе автора и проч.

Ценные биографические и источниковедческие сведения содержатся в статье П. Скачкова «Историческая справка к произведению Ф. Крюкова «Родимый край»» («Донская волна». 1918. №12). В работе дан обстоятельный исторический контекст (захват власти большевиками во главе с Мироновым в Усть-Медведицком округе, противостояние казаков-«кадет» и казаков-мироновцев, восстание четырнадцати хуторов, «шкурническая» позиция станицы Глазуновской⁶⁴ – родины Крюкова и т.д.) Ценные биографические сведения содержатся в воспоминаниях Д. Воротынского «Воспоминания и встречи» («Вольное казачество». 1931. № 73).

Большинство статей акцентировано на роли Крюкова в изображении донского казачества; очевидна казачья направленность большинства авторов заметок, мемуаров⁶⁵. Отметим, что «Товарищ» – по сути орган левых кадетов, хотя редакция декларировала свою беспартийность; газета «Русские ведомости» – либеральной направленности. Оба издания были закрыты в 1918 г., как и «Вестник литературы» в 1920 г. После 1920 г. Крюкову посвящались публикации русских эмигрантов.

Итак, творчество Крюкова – пример традиционного реализма, не

⁶³ Автономов П. Бытописатель Земли Русской // Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919 / Вступ. ст. А.Г. Макарова. М.: АИРО-XXI, 2020. С. 303.

⁶⁴ «Все убеждения Федора Дмитриевича на сборах, что шкурническая позиция не спасет их от расстрелов и грабежей красы и гордости революции – матросов – уже по одному тому, что они казаки – на его станичников не действовали, и только позже они убедились в этом горьком опыте, и глазуновская станица была впоследствии одной из непоколебимых в своей стойкости в борьбе с красными». Скачков П.А. Историческая справка к произведению Ф. Крюкова «Родимый край» // Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919 / Вступ. ст. А.Г. Макарова. М.: АИРО-XXI, 2020. С. 284.

⁶⁵ Например, П.А. Скачков – войсковой старшина, о речи которого на юбилее литературной деятельности Крюкова С. Пинус написал: «Блестящую речь сказал окружной атаман П. А. Скачков. Он сказал, что трудно достигнуть единомыслия, но бывают моменты единодушия, и юбилей Ф. Д. Крюкова – именно такой момент единой любви общества родному писателю» (Пинус С. Юбилей Ф.Д. Крюкова в станице Усть-Медведицкой // «Донские ведомости». 1918. № 66». С. 6. Публ. А. Чернова. <https://nestoriana.wordpress.com/2018/12/20/pinus/> Дата обращения 26.06.23). С. Пинус (С.А. Серапин), поэт-переводчик, составил антологию «Французские поэты. Характеристики и переводы» (СПб., 1914) – из поморов, но многие годы жил на Дону, преподавал в Усть-Медведицком реальном училище, принят в Войско Донское в 1919 г. В эмиграции редактировал журнал «Казачьи думы», газету «Русь».

сдающего своих позиций в эпоху перемен и обогащенного новым героем и новой этнографической реальностью. Естественный тип героя объясняет следование Крюкова толстовскому принципу живой жизни. Характеры его персонажей мотивируются общественными, религиозными, хозяйственными, психологическими, этноментальными аспектами существования рядового человека. Основные бытийные вопросы произведений Крюкова – содержание жизни и смысл смерти, границы личной свободы, роль человеческого фактора в устройении судьбы и мира.

1.2. Казачество как предмет художественного осмысления (общая характеристика)

Слово «казак» заимствовано из тюркских языков⁶⁶, обозначало свободного человека, принадлежавшего к определенному воинскому сословию и занимавшегося земледелием⁶⁷. Д. Иловайский⁶⁸ отличал станичных (городовых) казаков, состоявших на службе у рязанского князя, от казаков донских и волжских; ссылаясь на наказ Ивана Третьего, Иловайский

⁶⁶ В. Даль предполагает происхождение лексемы от среднеазиатского «казмак», т.е. «скитаться, бродить». *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. С. 72.

М. Фасмер указывает на 1395 г. как первое упоминание слова «казак», пишет о его этимологии: «Заимств. из тур., крым.-тат., казах., кирг., тат., чагат. Kazak», «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга». *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 158.

В словаре современного русского языка происхождение слова объясняется заимствованием из тюркских языков, перевод kazak повторяет версию, данную Фасмером. *Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. А.С. Пушкина / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. С. 402.

⁶⁷ Согласно В. Далю, казак (козак) – «войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конского войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении». *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 72.

Согласно современному словарю, казак до начала XVIII в. – «член сообщества свободных от государственных повинностей вольных людей, которое в течении нескольких веков складывалось в нижнем течении Днепра, Дона, Волги, Яика (Урала), на Тереке из разного рода пришлых людей, беглых крепостных и холопов, представителей местных народностей и занималось земледелием, различными промыслами, военными набегами на соседние области, привлекалось государством к пограничной службе». *Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка. С. 402.

⁶⁸ *Иловайский Д.* История Рязанского княжества. М.: Университетская тип-я, 1858. 337 с.

заклучал, что служилые казаки противопоставались казакам Придонских степей, представляющим вольницу из беглых русских разбойников.

В русской литературе слово «казак» появилось в позднем былинном эпосе. Благодаря свободолюбию, храбрости, благочестию казаков русские писатели сформировали своего рода *казачий комплекс* и создали «казачью» литературу. Основу для литературных произведений составили народные казачьи песни (в том числе исторические, например «Дон Иванович»), баллады, сказки и легенды, богатырский эпос⁶⁹. Первая характеристика донского эпоса была предпринята Вс. Ф. Миллером («К новым записям былин в Донской области», 1902). Известен вклад в изучение донского фольклора А.М. Астаховой, Е.В. Гиппиусом, А.С. Кабанова, А.М. Листопадова, З.В. Эвальд и др. Из фольклора в письменную литературу пришли как черты характера казака, так и поэтизация ландшафта, например открытого пространства степи и Дона. Учитывалась историческая ситуация. Например, в начале XVIII в. левый берег Дона (задонский) воспринимался ногайским, враждебным, что отражено в казачьих песнях. Упразднение казачьего самоуправления (XVIII в.) привело к ломке бытовых, служебных традиций, что повлияло на расширение песенной тематики, усиление конкретики, реалистичности образов, снижение идеализации Дона (например, с Доном ассоциируются слезы вдов, сирот, матерей, тоска воинов по дому)⁷⁰.

⁶⁹ Героический эпос посвящен событиям XI–XVI веков; термин «былина» введен И. Сахаровым («Песни русского народа», 1839). Донской былинный эпос (А.М. Листопадов. «Песни донских казаков», 1949–1954) собран в станицах по среднему течению Дона, в низовье Северного Донца. Основу донского эпоса составили киевский и новгородский циклы. Собиратель отмечает, что донские напевы во много раз превышают северные. Кроме того, «основные черты, отличающие донскую былинку от северной, сводятся к следующему: северная (по записям) былина – обширный текст и короткий одноголосный напев, при одноголосном исполнении; донская – наоборот: сравнительно короткий текст и многоголосный развитый напев, при многоголосном исполнении». *Листопадов А.М.* Песни донских казаков: В 5 т. Т. 1: Былинные песни (О складе былин северных и донских) / Общ. ред. Г. Сердюченко; предисл. С. Кондратьева. М.: Музгиз, 1949. С. 43.

⁷⁰ *Астапенко Г.Д.* Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков. XVII–XX вв. Ростов-на-Дону: Изд-во Приазовский Край, 2002. 271 с.; Народная устная поэзия Дона: Материалы науч. конференции по нар. творчеству донского казачества. 18–23 дек. 1961 г. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1963. 433 с.; *Рудиченко Т.С.* Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. 511 с.

Ярким образцом характера казака служит «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», составленная и записанная в сороковых годах XVII в. В обращении донских казаков к царю Михаилу Федоровичу (1596–1645) говорится о ходе обороны славного Азов-города от великой турецкой рати. Описанные в «Повести» казаки проявили бесстрашие, высокое личное достоинство и государственное мышление: они не купились на турецкое золото, не испугались угроз принять лютые муки, не согласились служить султану. В них сильна православная вера – они верят в помощь Господа и Богородицы; изувеченные, раненные, потерявшие много крови, казаки решают после осады постричься в монастыре Иоанна Предтечи. Их воинское искусство отличалось тактической смекалкой: выстояв массированную пушечную атаку, казаки использовали двадцать восемь подкопов и нанесли чувствительный урон янычарской пехоте. Они обещали туркам отстроить разрушенный Азов на костях врагов. В «Повести» значим национальный акцент: они поучают турок не приступать к русскому казаку.

Психология и образ жизни казака – предмет художественного изображения в произведениях А. Пушкина, Н. Гоголя, Л. Толстого. Так, в лирическом персонаже стихотворения Пушкина «Казак» (1814) запечатлено представление о вольном казаке, дан *свод традиционных характеристик*: он удалой, его конь – верный, его спутница – красивая девушка, его любовь – преходящая и короткая. Драматизм исторической судьбы казаков раскрыт в «Капитанской дочке» (1836), «Истории Пугачева» (1833) Пушкина. В герое повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835) выражены представления о ментальности казака, кодексе чести в Запорожской Сечи; вместе с тем казачья среда описана как неоднозначное сообщество со своими крайностями и страстями. В «Казаках» (1862) Л.Н. Толстого сделан акцент на несоответствии двух культур, представленных в образе аристократического

Оленина и казаков. В названных произведениях сформированы константы художественного осмысления характеров и судеб казаков, продолженного и усложненного Ф. Крюковым (рассказы 1890-х–1910-х гг.), С. Есениным («Пугачев», 1922), Вс. Ивановым («Про двух аргамаков», 1923; «О казачке Марфе», 1926), Н. Тuroверовым (лирика 1920-х гг.), А. Чапыгиным («Разин Степан», 1927), П. Васильевым («Песня о гибели казачьего войска», 1932; «Соляной бунт», 1933), М. Шолоховым («Донские рассказы», 1920-е годы; «Тихий Дон», 1927–1940), В. Шишковым («Емельян Пугачев», 1938–1945), К. Седыхом («Даурия», 1948), С. Злобиным («Степан Разин», 1951), В. Шукшиным («Я пришел дать вам волю», 1969), А. Ивановым («Ермак», 1985), В. Лихоносовым («Наш маленький Париж», 1989).

Казак – уникальная социальная группа в истории России. Казаки были пионерами экспансии русской государственности, укрепления национальной обороны, но и главной силой в восстании крестьян. В коллективной памяти россиян представления о казачестве *двойственны*: ярко выраженная вольница, самостоятельность, свободолюбие, дерзость контрастируют с государственной охранительной функцией, жестокостью по отношению к человеку. Отмеченная контрастность стала предметом изображения психологии казака. В литературу XX в. были привнесены дополнительные аспекты в тему казачества, усилив ее трагическое содержание.

Культурная память имеет реконструктивный характер: ее аксиология, содержащиеся в ней сведения и знания о прошлом актуальны для настоящего времени⁷¹. Культурная память имеет этническое, культурное, социальное выражение. В то же время образ, сформированный в коллективной памяти, как изменчив, так и *константен*⁷². Основными характеристиками, присущими казакам как литературным героям, являются их социально-бытовые черты и личностные качества, в которых автор выражает суть казачьего самосознания.

⁷¹ Ретина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 82–99.

⁷² Фен Ялин. Теория культурной памяти. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2012. С. 171.

С точки зрения сохранения коллективной памяти, Тарас Бульба – пример национальной идентичности: он отстаивает национальную независимость, носитель национального достоинства, выразитель морального максимализма, проявляющегося и в любви, и в ненависти, и в неспособности прощать. Женский идеал казачки дан в «Казаках» (1863) Л. Толстого; образ Марьяны – художественная реконструкция представлений о природности, цельности, независимости женщины из казачьего сословия. Одно из объяснений психологии толстовской героини – географический фактор: темперамент, характер, культура соотносятся с ландшафтом⁷³. Исходя из текста Толстого, ландшафт усиливал врожденную независимость казаков, их естественность, безмерность в эмоциях, психологическую и физическую силу, гармонию с природой.

1.3. Комплекс родного края в прозе Ф. Крюкова

По словам М.М. Голубкова, образ дома – «один из важнейших предметов изображения и рефлексии литературы XX–XXI веков»⁷⁴. Дом – важнейшая ценность в миропонимании Крюкова. Тема дома во многом обусловлены его *биографией*, напрямую связанной с внутривосточной ситуацией 1890-х–1910-х годов. Его социально-политические взгляды претерпели развитие от критицизма по отношению к общественному устройству Российской империи до отрицания политики большевиков, приведшей к ее развалу.

Мы исходим из того, что исследование творческой индивидуальности «любого писателя в полной мере невозможно без обращения к фактам

⁷³ Назаровна Р.И. Ландшафт в культуре памяти // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 2(5). С. 93–98. Март 1917 состоялся Общеказачий съезд

⁷⁴ Голубков М.М. Образ русского дома и мотив бездомности в литературе XX–XXI веков // Ортодоксы и еретики русской литературы XX–XXI веков / Под ред. М.М. Голубкова; сост. Г.В. Зыкова, Н.А. Нерезенко, О.С. Октябрьская, А.А. Сёмина. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 12.

биографии»⁷⁵. Ф. Крюков – уроженец станицы Глазуновской Усть-Медведицкого округа области Войска Донского, он родился в семье станичного атамана, его мать – из семьи донских дворян. Его писательский талант был глубоко укоренен в народной жизни, вся его творческая деятельность была тесно связана с Доном и степью. В его произведениях рассказывается о повседневной жизни донских казаков, представлена типология их характеров, названы реальные топонимы (хутор Калача, хутор Чигонацкий, слобода Михайловка, Проточная, Ильменская, Бобровская станица и др.), гидронимы (Дон, реки бассейна Дона – Медведица, Хопёр, Чира, Цуцкана, Бузулук и др.), описаны реальные пейзажи. История и жизнь донских казаков предоставили писателю богатый материал: «Станичные казаки почти все были знакомы мне. Меня хорошо знали многие казаки нашей станицы, потому что еще с десятилетнего возраста я нередко разъезжал по хуторам с моим покойным отцом, который долгое время был атаманом; а после, студентом, в каникулярное время я был постоянной и неизменной публикой в станичном парламенте и популярным юрисконсультom, готовым к услугам каждого нуждающегося станичника»⁷⁶. Персонажи произведений Крюкова, как его земляки, несут на себе тяготы войн, казацкой службы, земледельческого труда.

Традиционная в русской литературе тема дома сочетает в себе понятие собственно дома (избы, хаты, усадьбы, куреня и проч.) и понятие «цивилизационного феномена», в котором объединены родовые, культурные, биологические и прочие корни существования человека; потеря дома,

⁷⁵ Холиков А.А. Биография писателя как жанр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 4.

Также: Валевский А.Л. Основания биографики / АН Украины, Ин-т философии. Киев : Наукова думка, 1993. 109 с.; Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Ученые записки Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1986. Вып. 683. С. 106–121; Медведева Е.А. Жанр научной биографии в русском литературоведении конца XIX–начала XXI вв. (На материале работ, посвященных Н.С. Тихонравову): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский федеральный ун-т, 2011. 24 с.; Местергази Е.Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (Творческая судьба В.С. Печерина): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 1998. 17 с.; Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М.: Флинта, Наука, 2007. 160 с.

⁷⁶ Крюков Ф.Д. На тихом Дону // Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 24.

бездомность осмыслены русскими писателями как драма или трагедия⁷⁷.

В прозе Крюкова нет темы бездомности, особенно развившейся после его смерти – в эмигрантской литературе 1920-х годов. В рассказах Крюкова 1890-х–1900-х годов понятие «дом» ассоциировано с понятиями «стабильность», «норма жизни», «вечность». В рассказах и очерках революционного времени появляется ощущение тревоги за дом как личный мир и казачий мир, осознание его возможной утраты («Обвал», 1917; «В углу», 1918; «Войсковой круг и Россия», 1918; «В гостях у товарища Миронова», 1919; «Противник», 1919; «На переломе», 1919; «Партизаны», 1919; «Чувство чести и достоинства», 1919; «Усть-Медведицкий боевой участок», 1919 и др.). В сознании героев понятие «дом» заключается, во-первых, в ощущении дома как личного мира, во-вторых, как комплекса донского пространства, то есть родного края, в-третьих, в понимании «норм национальной жизни», в-четвертых, в изначальном принятии «исторической цели»⁷⁸ своего существования и донского мира. Во время Гражданской войны чувство родного края обострилось, Крюков обращал внимание земляков на необходимость освоения знаниями о донском казачестве. Он писал: «События, переживаемые нами, поставили значительную часть населения Дона в условия предметного и практического познания его географии, местных, бытовых и хозяйственных особенностей»⁷⁹ («К изучению родного края», 1919). Например, он приветствовал создание полковником В.Д. Поповым «географической карты Всевеликого войска Донского» – «единственной карты, дающей полное представление о родимом Тихом Доне»⁸⁰; он полностью приводил отзыв П.Н. Краснова (карта издана по его поручению) об этом труде; в нем, в частности, говорилось о том, что карта послужит «отличным пособием для донской молодежи при изучении ею

⁷⁷ Голубков М.М. Образ русского дома и мотив бездомности в литературе XX–XXI веков. С. 11–22.

⁷⁸ Голубков М. Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника. М.: Прометей, 2021. С. 7.

⁷⁹ Крюков Ф.Д. К изучению родного края // Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. С. 211.

⁸⁰ Там же.

истории и географии родного края» и «школой патриотизма» как «лучшего средства борьбы с большевизмом и образования на Дону прочной ячейки русской государственности»⁸¹.

Во всей прозе Крюкова понятия «дом», «станция», «степь» (судя по словам Краснова, после революции к ним примыкало понятие «*русская государственность*») представляют собой единый, но сложный жизненный и ментальный комплекс, в котором совокупно существуют казаки-донцы и в целом донское казачество, проявляются идеалы и действительность, факторы созидания и разрушения, свободы и принуждения, страсти и долга, современности и истории.

С одной стороны, аксиологии Крюкова свойственно восхищение донской природой, естественной красотой молодых казачек, смелостью и удалью казаков, мудростью старшего поколения; лейтмотивы его прозы – любовь к малой родине и ее исключительность; как писал родителям один из героев Крюкова: «Посмотрел я города и свет видел, но лучше Дона не нашел. Был в Киеве, во Львове, в Николаеве и много других – ничего не хочу, как наш Ближний Березов и Крутенький барак и речку нашу Медведицу, – но да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...»⁸² («Душа одна», 1915). С другой – Крюков критически описывал некоторые особенности характеров и поведения станичников.

На поверхностном уровне определение «комплекс родного края» соотнесено с сильной привязанностью писателя и его героев разных поколений к месту рождения и взросления. На глубинном уровне, что более важно, комплекс родного края означает стремление к родовой культуре, традиционной духовности, веками сложившейся морали, долгу перед отечеством, что объясняет частотность в рассказах Крюкова отсылок к донскому фольклору, игровой казачьей культуре, народному костюму.

⁸¹ Там же. С. 212.

⁸² Крюков Ф.Д. Душа одна // На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 168.

Самый популярный фольклорный жанр донских казаков – песня, что объясняется «военными походами и сельским трудом “всем миром”»⁸³. Казачьи песни являются важной частью духовной жизни станичников; например, «самый трогательный и поэтический мотив казачьих песен – тоска матери о сыне, находящемся на далекой чужой стороне»⁸⁴. Говоря о специфике казачьих песен, Крюков отмечал, что их напевы «совершенно своеобразные и раздумчивые, как широкая казацкая степь, несколько монотонные и тоскующие, или бурно-веселые, – не похожие ни на прелестную мелодию малороссийской песни, ни на унылый великорусский напев»⁸⁵. В воспоминаниях Д. Воротынского восприятие Крюковым казачьей песни сходно с молитвой: «для Крюкова “дикие” степные песни были молитвой»⁸⁶. Эмоциональное многообразие казачьих песен показано в большинстве рассказов Крюкова.

Песня – частое средство раскрытия психологического состояния персонажа. Как правило, Крюков поясняет тональность, специфику звучания песни в пространстве станицы, ее влияние на слушателя, чувство певца или певуньи. Например, в «Казачке» звучание песни «Уж вы, куры мои, кочеточки! / Не кричите рано с вечера, / Не будите милого дружка...» обрамлено авторским пояснением: звуки были тихие, робкие, задушевные, грустные, манящие «какой-то неотразимой силой», дважды повторяется лексема «нежные»; голоса были женские – контральто и сопрано, пели не спеша, с большими паузами; герой вслушивался в песню «жадно и изумленно»; песня звучала в «тишине ночи, в этом серебристом блеске лунного света»; кроме того, дано обобщение: мотив казачьих песен не богатый⁸⁷. В развернутой акустической образности есть кульминация:

⁸³ Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 2008. №4. С. 80.

⁸⁴ Крюков Ф.Д. На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 73

⁸⁵ Там же. С. 98.

⁸⁶ Воротынский Д. Воспоминания и встречи // Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. С. 338.

⁸⁷ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах М.: АИРО-XXI, 2020. С. 123.

«Наконец, одна особенно грустная, щемящая нота, долго звеневшая в воздухе, упала, и песня замерла окончательно»⁸⁸. В сильную позицию поставлена лексема-троп «упала».

Довольно часто в повествование вставлены эпизоды с описанием *плясок*, передающих состояние внутренней свободы и задора персонажей; плясовая культура проявляется даже во время религиозных праздников. В ряде рассказов описан обычай *коллективной битвы* (военной игры), в которой оценивается бойцовское умение казака. Пляски и битвы в произведениях Крюкова раскрывают специфику игровой культуры казачества как выражения индивидуальности и мирской этики⁸⁹.

Ментальность казаков передана Крюковым и через *одежду*. Например, жизненная сила персонажей передана через полихромия: «яркие, пестрые наряды казачек, белые, красные, голубые фуражки казаков, белые кителя, рубахи самых разнообразных цветов»⁹⁰ («Казачка», 1896) и т.п. Вместе с тем, изображая трудовой народ, Крюков детально описывал эстетическую непритязательность казака, выраженную в простоте костюма; например: «Фуражка на нем, хотя с красным околышем, но похожа на просаленный и поджаренный блин; вместо мундира – черный зипун или старая, заплатанная поддевка; вместо сапог – чирюки; вместо шаровар с красными лампасами – просто полосатые или синие портки... Одним словом, это – тот загорелый, заветренный, мазаный человек, над которым неизменно тяготеет суровая власть земли и нужды и вечная необходимость неустанного труда, чтобы не умереть с голоду»⁹¹ («На тихом Дону», 1898). Так через детали одежды передана двойственность существования человека – состояния праздника и

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ «Представляется особенно показательным, что выдающиеся историки, в результате глубоких исследований, и весьма добросовестные психологи в итоге систематических, многократно повторяющихся наблюдений сочли нужным рассматривать дух игры как одну из важнейших движущих сил, воздействующих на развитие высших проявлений культуры общества, на моральное воспитание и интеллектуальный рост индивида». *Кайуа Р.* Игры и люди / Пер. с франц. С. Зенкина. М.: Изд-во АСТ, 2022. С. 8.

⁹⁰ *Крюков Ф.Д.* На Дону. Казачка // На Дону. В родных местах. С. 104. .

⁹¹ Там же. На тихом Дону. С. 43.

зависимости от тяжелого труда.

Особо отмечаем переданную в рассказах Крюкова письменную и устную *лексическую культуру* казаков, сформированную под влиянием фольклора. Например, в речи героинь (прежде всего матерей) отражаются традиции плачевых причитаний. Их стилевая специфика обозначена автором: «этот речитативный напев, монотонная импровизация одинокого тоненького голоса, певучий размеренный рассказ с придыханиями и приговорами, изливающий жалобу и сетование Неведомому»⁹² («Душа одна», 1915). Современные исследователи плачевого жанра также указывают на импровизационность, одномоментность, лирический характер, интонирование (наращивание интонаций), протяжность и плач-крик (воплъ), а также напевность в сочетании с эпичностью⁹³. В рассказе приведено само причитание, подтверждающее отмеченные выше черты поэтики: «– И, милые мои казаченьки! – причитала Марина. – Лезли вы на Карпаты по сыпучим снегам, нужды видали сколько, холода, голода... А отседа согнали вас во единый скорый часочек, во минуту одну... И легли вы, мои сердечные, в зеленой долине, полили землю кровью алой за нас грешных, засеяли кудрявыми казацкими головушками... Легли, сердечные мои вьюноши, в расцвете силы, в разгаре красного лета...»⁹⁴. Традиционны обращения, лексические повторы, уменьшительно-ласкательные суффиксы, устойчивые словосочетания, инверсии.

Фольклорная стилевая культура запечатлена в письмах. В «Станичниках» (1906) воюющий молодой казак пишет родителям письмо, обращается на «вы» к «дорогой мамушке Варваре Аксеновне», использует ласково-уважительную лексику («дорогая матушка», «ваших милых рук»),

⁹² Крюков Ф. Душа одна // На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 173.

⁹³ Альтиулер М.С. Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование: дисс. ... канд. искусствовед. М., 2007. 158 с.; Альтиулер М.С. Похоронно-поминальные причитания. К некоторым проблемам исполнения и записи // Фольклор, современность и традиция. М: Моск. гос. консерватория имени П.И. Чайковского, 2004. С. 257–269.

⁹⁴ Крюков Ф. Душа одна // На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 173.

высокий архаичный стиль («оное счастье», «здравие», «возблагодарил», «припадаю к стопам ног ваших») и просторечия («слухать»), повторы синонимов («плакали-рыдали»), внутренние рифмы, инверсии, синтаксические и лексические повторы, обращения, устойчивые словосочетания («беру письмо стальное и пишу письмо дорогое», «Ты лети, мой листок, от запада на восток, ты лети, возвивайся, никому в руки не давайся... Дайся тому, кто мил сердцу моему, и дайся одной – моей матушке родной! И сядь на правое плечо, поцелуй ее горячо, поцелуй ее сердечно, чтобы она радовалась бесконечно и не забывала вечно...»⁹⁵).

Такая же специфика стиля отражена в рассказе И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» (1925), что подтверждает ее подлинность и распространенность. В рассказах Шмелёва и Крюкова совпадают как образы («Ты лети, мой листок, от запада на восток» – «Лети мое письмо еропланом-птицей сквозь всю Европу и Германию, прямо на Тихий Дон»⁹⁶), мотивы благословения («прошу от вас на себя волю Божию и ваше родительское мир-благословение»⁹⁷ – «молитвами вашими и благословением»⁹⁸), так и художественный инструментарий: метризация ради благозвучия, лексические и синтаксические повторы, обращение донского казака-эмигранта к «дорогим и бесценным» родителям по имени и отчеству, устойчивые словосочетания («от бела лица до сырой земли», «каленное тавро», «шелкова шерстка, белы ножки», «бела лебедя когтями точит», «с родимой стороны», «солнцу красному, месячку ясному»), повтор синонимов («Зачем вы молчите не говорите»), просторечия («отпускали», «сокруг», «спрокинув», «знато нам»); в эпистолярном стиле рассказа Шмелёва использованы и мотивы былинного характера, например: «Было известие на стреле со

⁹⁵ Крюков Ф. Станички // Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Сост., вступ. ст. А.Г. Макаров. М.: АИРО–XXI, 2020. С. 72, 73.

⁹⁶ Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 5 т., 3 доп. Т. 2: Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика / Сост., предисл. Е.А. Осьминой. М.: Русская книга, 1998. С. 72.

⁹⁷ Крюков Ф. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 73.

⁹⁸ Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 72.

Станицы»)»⁹⁹.

Современники Крюкова отмечали в его прозе юмор, источник которого видели в народной лексической специфике как отражении народного сознания. С. Пинус писал о богатом комизмом языке героев Крюкова как выражении их двойственного отношения к жизни – «простомыслия» и в то же время неожиданности, оригинальности мысли: «Эти диковины просторечия и простомыслия заставляют нас нередко удивляться неожиданно открывшейся оригинальности народной мысли»¹⁰⁰. Пинус же отмечал, что своеобразность жизни казаков побуждает писателя к юмору, тогда как трагичность их жизни приводит к лиризму.

В данном случае язык (лексические единицы и фонетика¹⁰¹, устойчивые сочетания слов, композиция фраз и проч.) – «источник этнокультурной информации»¹⁰², константный элемент комплекса родного края.

В сознании героев и повествователя *локус* – образ родины. Например, описание старого сада с зарослями терновника и крапивы, обомшелыми грушами и запахом прели завершается лирической патетикой: «А все-таки жаль почему-то этого отходящего уголка, обвеянного зеленой тайной и тихой печалью смутных воспоминаний: моя родина – он»¹⁰³ («Старая левада», 1910). В прозе Крюкова («На тихом Дону», «Казачка», «В родных местах» и др.) донские станицы, донская степь, дом представлены как места обитания, но также как атмосфера, в которой возвращается и сохраняется в неприкосновенности этноментальность.

Станицы противоположны урбанистическому миру. Эта антитеза встречается в прозе и других донских прозаиков. Например, в рассказе

⁹⁹ Там же. С. 72–75.

¹⁰⁰ Пинус С. Бытописатель Дона. Опыт характеристики литературного творчества Ф.Д. Крюкова. С. 323.

¹⁰¹ См.: Словарь русских донских говоров: В 3 т. / Науч. рук-во В.С. Овчинниковой, Т.А. Хмелевской. Ростов-на-Дону: Изд-во ростовского ун-та, 1975–1976. 205 с.; 228 с.; 212 с.

¹⁰² Ненькина Е.В. Вербализация пространственных отношений в донских говорах как отражение этнокультурного сознания казачества: Автореф. дисс. . канд. филол. наук. Волгоград, 2012. С. 3. Также: Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.

¹⁰³ Крюков Ф.Д. Старая левада // Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО–XXI, 2020. С. 268.

«Обида» (1911) И. Сазанов описал историю девушки, чьи моральные приоритеты искажаются в условиях города¹⁰⁴. В рассказе Крюкова «Офицерша» (1906) привязанность Гаврила к земле глубока: «Гаврил отогнал лошадь, забравшуюся в пшеницу, и балкой пошел к стану. Идти в тени дубков и черного клена было как-то особенно приятно, и таким именно рисовалось ему издали родное поле <...> Губы у него были серьезно сжаты, на лице легло сосредоточенное и благочестивое выражение»¹⁰⁵. По мнению Крюкова, в городах нет «неизъяснимой красоты» степи, и она – «непонятная и чуждая городскому восприятию»¹⁰⁶. Однако изображение станицы не ограничено идеализацией места; Гаврил, узнавший культурно-цивилизационные преимущества города, замечает низкий быт казачьего дома: «вонючая сбруя, лохмотья, пыль, грязь... вечные свары, брань, работа до гробовой доски и непрерывный страх»¹⁰⁷; он уходит в город, бросает семью, родительский дом, станицу. Родной край воспринимается чужим местом. Так комплекс родного края лишается одной из констант – незаменимости, самодостаточности; его целостность разрушается изнутри, в результате ментальных сдвигов.

1.4. Ф. Крюков о драматизме казачьей жизни

(общая характеристика)¹⁰⁸

В рассказах Крюкова нет пасторальности, романтического любования естественным человеком. В письме к И.Д. Сазанову¹⁰⁹ (1913) Крюков самокритично отметил: «У нас всех, казачьих писателей, – у Вас, и у меня, и у

¹⁰⁴ Уже первый взгляд девушки на город наполнен разочарованием: «Она осталась недовольна и села на телегу, поджавши губы, как будто ее кто обидел». Сазанов И.Д. Обида // Русское Богатство. 1911. №5. С. 129.

¹⁰⁵ Там же. Офицерша. С. 300.

¹⁰⁶ Там же. С. 370.

¹⁰⁷ Там же. С. 310

¹⁰⁸ Основные положения параграфа изложены в статье автора диссертации: Гао Хань. Драматизм казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова // Филология: научные исследования. 2023. №10. С. 9–14.

¹⁰⁹ В современном литературоведении казачью прозу Сазанова рассматривают в русле реалистических произведений Крюкова, отмечают общие темы: казачество и власть, использование казаков в карательных действиях, подготовка к службе за счет личного достатка, драматическая судьба казачек-жалмерок, роль матери в семье, станица и город, фольклорная культура и др. Вместе с тем прозу 1910-х годов относят и к неореалистической литературе, сочетающей черты реализма и модернизма. См.: Бирючева Е.С. Творчество И.Д. Сазанова в контексте русской литературы конца XIX–начала XX века. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2012. С. 229.

Серафимовича один общий недостаток особенно выпукло чувствуется: излишество романтизма. Живописуем мы свое родное недостаточно трезво, подкрашиваем, усиливаем и светлые и темные тона, а полутеней совсем нет. Надо бы больше объективизма, меньше лирики, – лучше было бы. Но, вероятно, легче дать совет, чем выполнить его. Мне трезвое изображение казачества не дается никак»¹¹⁰.

В рассказах и повестях Крюкова центральное место отведено *личности*. Согласно мысли В.В. Ильина, человек как таковой есть центр универсума, а продуктивный путь творчества – антропоцентризм. При этом вопрос о выживании личности, его адаптации – нерв антропоцентрического подхода к пониманию человека¹¹¹. В прозе Крюкова представлено разнообразие конфликтов, привносящих в существование персонажей острый драматизм, порой перерастающий в трагизм.

Во-первых, высокая степень драматизма объясняется участливой позицией автора. Писатель – *не сторонний наблюдатель*. Либо Крюков вводит в текст рассказчика, выражающего авторское отношение к персонажам, в определенном смысле – свидетеля, сочувствующего герою (героине), либо писатель придает языку повествователя лирические интонации, субъективную лексику, выражающую ментальную близость его и героя (героини). Например, в рассказе «Казачка» сочувственно изображены психологические противоречия простой казачки, приведшие ее к самоубийству; в рассказе «Душа одна» авторской эмпатией пронизано все повествование о матери-казачке; в «Зыби» (1909) авторское сочувствие распространяется на молодого казака, ограбившего бакалейную лавку.

В нарратологии различают два способа повествования: рассказ и показ, причем по удаленности от описываемого предмета первый более отдален, чем второй, а второй – более непосредствен. Что касается эмоционального настроения

¹¹⁰ Цит. по: Смирнова Е.А. Литературно-критическая и редакторская деятельность Ф.Д. Крюкова в журнале «Русское богатство» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2015. №1 (14). С. 72.

¹¹¹ Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во Московского университета, 2005. С. 58.

автора, то первый отстранен, второй сочувствующий¹¹². Творческой манере Крюкова свойствен показ. Как в большинстве произведений, в рассказе «На речке лазоревой» (1911) сопереживающий героям автор вживается в их внутренний мир. Разворачивая перед читателем процесс разрыва отношений между отцом и сыном, автор берет на себя роль выразителя душевных состояний персонажей и их нравственного опекуна, сочувствует их разочарованиям и страданиям, в частности семейной разобщенности, истончению чувства родственности в казачьем доме. При этом используется острая событийная ситуация: Чекушев-отец решает повеситься, что говорит об утрате им духовной опоры, его поступок покончить с жизнью подобен, как пишет Крюков, безмолвному крику или восстанию.

Во-вторых, произведения Крюкова пропитаны *конфликтностью времени*. Действие его рассказов приходится на конец XIX и начало XX веков. Например, события рассказа «Шквал» (1909) происходят во время создания и роспуска Первой Государственной Думы; один из мотивов «Станичников» (1906) – участие донских казаков в русско-японской войне; в «Шаге на месте» (1907) зазвучал протест против исполнения казаками полицейских умирительных функций; в рассказе «Мечты» (1908), как в большинстве произведений Крюкова, разворачивается тема современной станицы; в «Полчаса» (1910) описано состояние политического заключенного и т.д.

В-третьих, сложная эпоха обострила *сложные личностные характеристики* донских казаков. Они обладают сильным самосознанием, сплоченностью, но им присуща и уверенность в своей особости, своем превосходстве. С такой самоидентификацией герои Крюкова постоянно порождают конфликты или оказываются втянутыми в драматические ситуации. Повторяющаяся тема очерков, рассказов, повестей Крюкова – контраст между витальными силами природного человека, каковым был

¹¹² Озудов С.А. Дискуссия о рассказе и показе в нарратологии: проблемы и перспективы // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. №409. С. 17.

станичник, и теми условиями его существования, которые требуют от него либо компромисса, либо смирения, либо подчинения. Кроме того, казаки и казачки в интерпретации Крюкова, как правило, максималисты, что свидетельствует об их стремлении к полноте жизни, но и приводит к неукротимости страстей, из-за чего ломаются судьбы, разрушаются семьи, гибнут люди. Во многих рассказах описаны семейные, личные драмы, аморальные поступки.

Например, казачки известны своей красотой, умом и силой: «она вскинула на него свои карие, блестящие глаза и улыбнулась весело и недоверчиво. Смуглое лицо ее, продолговатое, южного типа, с тонким прямым носом, с тонкими черными бровями и глазами, опущенными длинными темными ресницами, было особенно красиво своей улыбкой: что-то вызывающее, смелое и влекущее к себе было в ней, в этой улыбке»¹¹³ («Казачка»). Военная служба мужей определяла образ жизни казачек. Они должны были иметь глубокие познания во всех сторонах жизни станицы: обработка земли, уборка урожая, поддержание в порядке куреня, уход за скотом. Судьба казачек в произведениях Крюкова не была беззаботной. Кроме того, в основу ряда любовных сюжетов положена ситуация неверности: «Безмужняя жизнь, полная мытарств и соблазнов, всюду подстерегающих: на улице и дома, в поле и в лесу, в каждом закоулке, на каждом шагу. Потом расплата: возвращается муж, и какова бы ни была жизнь жалмерки, непременно подлежит "бою"»¹¹⁴ («Гулебщики», «Казачка», «Офицерша», «Зыбь», «Будни» и др.). В рассказах неверные жены не только подвергаются «бою», но и решаются на самоубийство, вытравляют плод, их бросают мужья.

Уже ранние рассказы Крюкова говорят о кризисных явлениях в казачьем обществе. Примером служит рассказ «Станичники». Начальное предложение

¹¹³ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 100.

¹¹⁴ Крюков Ф.Д. Будни // В Глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 31.

определяет тему судьбы народа в переломное время: «На дворе толпился народ»¹¹⁵. Сюжет передает полярность ожиданий и итогов воинской службы: героический пафос призванных на войну молодых станичников («Бейте, милые мои, японца во славу русского оружия!»¹¹⁶) обнуляется распоряжением отправить их на подавление бунтовщиков («Ну, что это за служба – по бунтам? Срам один! Мужиков бить...»¹¹⁷). Эпизоды выстраиваются на деталях, маркирующих образ жизни казака. Через благословение матери переданы отношения в казачьей семье, искренняя вера в помощь Господа, трудовая жизнь. Например: «Причитая и плача, она говорила что-то, чего нельзя было разобрать сквозь ее рыдания, крестила его и надела ему на шею медный образок дрожащими, сморщенными, трудовыми руками. И уронил он голову в ноги своей родимой и долго рыдал, не поднимаясь с полу, вздрагивая широкими плечами»¹¹⁸. Описан психологический слом, который испытал казак Андрей, поначалу готовый на высокое воинское служение, потом переживающий по поводу предстоящей позорной городской службы, потом бессознательно подчиняющийся своему лютому возбуждению карателя и охранителя империи («Что-то подымалось внутри – дикое, жестокое, опьяняющее...»¹¹⁹).

Итак, в описании различных форм существования персонажей Крюков акцентировал внимание на неоднозначности человеческой природы. Как реалист, он многие драматические ситуации объяснял не столько внешними, сколько имманентными причинами.

В-четвертых, проблемы образа жизни казака (казачки) были порождены уровнем культуры; одна из тем публицистических выступлений Крюкова – *непросвещенность* казаков¹²⁰. На страницах рассказов выведен

¹¹⁵ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 59.

¹¹⁶ Там же. С. 68.

¹¹⁷ Там же. С. 69.

¹¹⁸ Там же. С. 63.

¹¹⁹ Там же. С. 83.

¹²⁰ Ф. Крюков получил образование в станичном училище, затем в Усть-Медведицкой гимназии. Усть-Медведицкую гимназию окончили командарм Второй Конной армии Ф. Миронов, А. Серафимович.

биографически близкий ему персонаж – учитель из казаков («Из дневника учителя Васюхина» 1903, «Картинки школьной жизни» 1904, «Новые дни (Из школьной хроники)» 1907). Как правило, образованный человек, даже выходец из той же станицы, пользуется уважением и доверием казаков, но он для них уже человек со стороны. Сам писатель работал учителем в Орловской гимназии, Нижегородском реальном училище. Отсутствие знаний обедняет жизнь его героев, объясняет их зависимость от внутреннего страха, искушения, сплетен и проч. Ряд рассказов посвящен политическому просвещению казаков («Счастье», 1911). Описав, как на сознание молодежи влияют революционные идеи, Крюков обострил вопрос о соответствии или несоответствии преобразований государственного устройства и библейской аксиологии («К источнику исцелений» 1904, «Жажда» 1908, «Шквал» 1909, «Без огня» 1912, «Сеть мирская» 1912).

В-пятых, драматизм судеб казаков был обусловлен исторически сложившимися и обострившимися в 1900-е годы конфликтными отношениями с иноверцами, иногородними и проч. Крюков не идеализировал *межнациональные отношения*. Так, в рассказе «Шаг на месте» он привел сепаратистское рассуждение казака: «Нас русские стесняют. Русских народов выгнать в Рассею, – ну, действительно, нам бы просторнее стало»¹²¹. По поводу этнического самосознания донских казаков А.В. Сопов пишет: «Чувство принадлежности к обособленной группе, осознание своей непохожести, подчеркивание этого – характерная черта казачьей психологии <...> Еще во время Гражданской войны начала XX в. казаки называли красногвардейские части из Центральной России “ваньками”, “иванами”»¹²². В 1910-е годы обострились отношения между донскими казаками и иногородними, которым было предоставлено право на донские земли; как писал И. Родионов: «иногородние обыватели, получив ни за что ни про что

Затем Крюков обучался в Петербургском историко-филологическом институте.

¹²¹ Крюков Ф. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 104.

¹²² Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение. С. 74.

права на чужую собственность в виде земли, сооружений, имуществ и капиталов, вместе с тем имеют то преимущество, что они свободны от отбывания воинской повинности за собственный счет»¹²³. Родионов аргументировал исключительное право казаков на земли тем, что они были отвоеваны кровью. Более того, он настаивал на том, что донская земля не является имперской собственностью, а принадлежала исключительно Войску Донскому. Он напоминал и о такой привилегии казаков, как внутреннее самоуправление. Конфликтные отношения донских казаков с иноверцами описаны в «Гулебщиках» Крюкова. Также о межэтнических конфликтах казаков писали А. Серафимович, П. Васильев, Вс. Иванов. Крюков передавал и антиеврейские суждения казаков («Шаг на месте»); подобные высказывания встречаются в «Тихом Доне» Родионова.

1.5. Отражение политических, общественных позиций Ф. Крюкова в художественной прозе и публицистике

1.5.1. Общественные взгляды Ф. Крюкова в 1900-е годы, их отражение в творчестве

Критицизм – ценностная особенность русской литературы. В произведениях времени первой русской революции выразились оппозиционные настроения Крюкова по отношению к власти. События 1905–1907 гг. обусловили появление в его прозе новых сюжетных ситуаций: забастовка гимназистов (повесть «Новые дни», 1907), бунт казаков против использования их мобилизации в полицейских целях, погромы («Шаг на

¹²³ Родионов И.А. Тихий Дон. СПб.: Типо-лит. т-во «Свет», 1913 (обл. 1914). 236 с.

В «Тихом Доне» И. Родионов поднимал вопрос об исторических отличиях донского казачества от других казачьих объединений; в частности, он напоминал, что получить статус донского казака можно было через статус батрака войска и доблестную службу, примерное поведение, тогда как в запорожские казаки (согласно Н.В. Гоголю) принимались все верующие в Святую Троицу.

месте», 1907), казачьи волнения в станице Усть-Медведицкой («Шквал», 1909), ждущая перемен молодежь, военные суды («Зыбь», 1909; «Мать», 1910; «В родных местах», 1903) и т.д. Причем в ряде публицистических выступлений он привлекал известный литературный материал. Например, в статье «Перевелись ли богатыри» (1910) есть замечания по поводу умственного распутства и бесстыдства современного Иудушки; Крюков задавался вопросом, нашел бы Салтыков-Щедрин слова обличения жестоковейности времени. В «Памяти П.Ф. Якубовича» (1911) жизнь поэта, народовольца, члена редакции «Русского богатства» Якубовича он представил как подвиг борьбы за волю народа. В некоторых произведениях обличалась запретительная реакция станичного, уездного начальства на круг чтения казаков. В очерке «Два мира» (1910), написанном в связи со смертью Л.Н. Толстого, Крюков изобразил раскол общества на темную массу и людей мысли; в пример приводился встреченный на станичной ярмарке старик, уличенный в чтении Л. Толстого: старик предложил атаману почитать книгу Толстого, тот отправил ее начальству, в результате героя очерка допрашивали и «стращали»¹²⁴.

Крюков относил себя к народникам. Известно, что уже в 1905 г. он распространял нелегальную литературу. В следующем году он и подьесаул Ф.М. Миронов привлекались к суду за вольнодумные речи, но были оправданы судом¹²⁵. В 1906 г. Крюков оставил учительскую деятельность и занялся политикой, был избран депутатом Первой Государственной думы от области Войска Донского. Его выступления от фракции трудовиков¹²⁶ в защиту казачьего сословия соответствовали содержанию его произведений.

¹²⁴ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика / Сост., вступ. ст., примеч. Ф.Г. Бирюкова. М.: Советская Россия, 1990. С. 526.

¹²⁵ Об этом: «Донская жизнь». 1906. 6 окт. Ф.М. Миронов (1872–1921) – впоследствии командарм Второй конной армии. См. рассказ Крюкова «Встреча», 1906.

¹²⁶ Локоть Т.В. Политические партии и группы в Государственной Думе. М.: Польза, 1907. 317 с.; Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. 382 с.

Фракция трудовиков – внепартийная организация, созданная депутатами в 1906 г. и представлявшая в Думе интересы как крестьян, так и трудовой интеллигенции народнических убеждений, а также рабочих.

Его речь на заседании Думы содержала резкую критику военной администрации и в целом сложившегося отношения власти к казакам. Крюков видел вину властей в утрате казаками традиционной идентичности.

Во-первых, он осудил отлучение казаков от семей ради позорной службы. Большая часть речи сводилась к тому, что реальная задача казака – не защита отечества, а расписывание «обывательских спин нагайками», «усмирение народа»¹²⁷, несение «тяжелого ярма полицейско-эксекуционной службы»¹²⁸. Крюков приводил примеры политических расправ над казаками, протестовавшими против исполнения полицейских функций. Во-вторых, он заявил о том, что казарменная обстановка, вопиющая муштра и жестокие наказания вытравливали из казака живую жизнь и превращали его в машину для угнетения. Обстановка в казармах, по его словам, создала условия нравственного падения казака, привела к подкупам, пьянству, сопровождалась циничными и хвастливыми песнями и т.п. В-третьих, Крюков указал членам Думы на социальное унижение казака: он всегда нижний чин, не смеющий войти в общественное помещение, если там находится офицер, казак не может без разрешения начальства продать свою лошадь и т.д.¹²⁹ В-четвертых, Крюков поднял проблему необразованности казачьей массы: казакам закрыт доступ к образованию, «ибо невежество было признано лучшим средством сохранить воинский казачий дух»¹³⁰. В-пятых, в речи Крюкова прозвучал вопрос о причинах обнищания казачьих хозяйств, в частности вследствие

¹²⁷ Крюков Ф.Д. Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 520, 522.

¹²⁸ Там же. С. 523.

¹²⁹ «Даже в домашней жизни, в мирной обстановке, – утверждал писатель, – казак не должен забывать, что он прежде всего нижний чин... и всякий начальник может распечь его за гражданский костюм, за обувь, за шаровары без лампас... Что такое земский начальник в сравнении с нашим военным администратором, для которого закон не писан ни в буквальном, ни в переносном смысле слова?... Никакая солдатская муштровка не может идти в сравнение с этим своеобразным воспитательным режимом, сковавшим все существование казака... Всякое пребывание вне станицы, вне атмосферы начальственной опеки, всякая частная служба, посторонние заработки для него закрыты, потому что он имеет право лишь кратковременной отлучки из станицы...». Там же. С. 517.

¹³⁰ Там же. С. 518.

Крюков уточнял: «в 80-х годах несколько гимназий на Дону – все гимназии, кроме одной, – были заменены низшими военно-ремесленными школами, из которых выпускают нестроевых младшего разряда. Даже ремесло, и то допускалось особое – военное». Там же.

того, что воинское снаряжение осуществлялось за счет семьи¹³¹ (один из частых мотивов его рассказов). Крюков обрисовал картину разоренного быта: убогие хаты, съеденная с крыш солома, повалившиеся плетни и т.д.

Экономические проблемы, возникшие в связи со службой казаков, нашли отражение в рассказах и очерках Крюкова. Например, в очерке «На тихом Дону» он писал: «Издержки казака по воинской повинности, в общей сложности, простираются до 1,079 р. 25 к»¹³²; казацкое снаряжение насчитывало около шестидесяти вещей: «Седло с прибором; уздечка с чумбуром, недоуздок, два чекменя и двое шаровар; шинель; папаха форменная; фуражка»¹³³ т.д. В рассказе «Такса» (1914) описан казак Архип, который погибает на службе; по закону оставшаяся после гибели казака лошадь должна быть продана задешево, в результате семья становится беднее. Крюков указывал на несовершенства законов, например закона о таксах, «заведомо не соответствующих существующим ценам и разорительных для осиротевших семей рядовых казаков»¹³⁴.

Смысл выступления в Думе сводился к заключению о том, что казак утратил свою свободу. Крюков требовал отмены сословных и национальных ограничений, выступал за неприкосновенность личности, свободу собраний, демократическую форму самоуправления, сокращение срока действительной службы, справедливое решение аграрного вопроса. Он отстаивал исторически сложившуюся репутацию казака, который дорожит своим званием, «может

¹³¹ Казаки не только имели определенные привилегии, но по своему статусу были сходны со статусом крестьян, поэтому относились как к солдатам, так и к крестьянам. Воинская повинность была личной и отрабатывалась в личном снаряжении, вооружении и на собственных лошадях. После Венгерской кампании 1849 г. обязательная форма обмундирования, вооружения и конского снаряжения была установлена для всех казаков. *Медведев А.И.* Служба Донского Войска в связи с его экономическим положением. М.: Тип. Окружного штаба, 1899. С. 18.

Служивый состав разделялся на три разряда: приготовительный (3 года), строевой (12 лет), запасной (5 лет). Обмундирование казака стоило в среднем 200–235 рублей. *Бирючева Е.С.* Творчество И.Д. Сазанова в контексте русской литературы конца XIX–начала XX века. С.75.

Кроме того, удорожание снаряжения в три раза могло создать серьезные экономические проблемы казачьим хозяйствам, к 1890-м годам донское казачество вступило в период острого экономического кризиса. *Перетягко А.Ю.* О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860–1890 гг. // Новое прошлое. 2018. №3. С. 156-167.

¹³² *Крюков Ф.Д.* На Дону. В родных местах. С. 43.

¹³³ Там же. С. 43.

¹³⁴ *Крюков Ф.Д.* В Глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. М.: АРИО-XXI. 2020. С. 405.

быть, инстинктивно, соединяя с ним те отдаленные, но не угасшие традиции, которые вошли в его сознание вместе с молоком матери, с дедовскими преданиями, со словами и грустным напевом старинной казачьей песни»¹³⁵. Сочетание в речи Крюкова конкретики, четких политических требований, обращения и к хозяйственным вопросам, и к состоянию духа казаков соответствовало специфике публицистики Крюкова.

После роспуска Первой Государственной думы (указом 8 июля 1906 г.) Крюков поставил свою подпись под выборгским воззванием «Народу от народных представителей» (10 июля 1906 г.), в котором содержался призыв к пассивному неповиновению властям (например, не платить налоги, не служить в армии без согласия народного представительства)¹³⁶, за что на три месяца он был заключен в петербургскую тюрьму «Кресты».

К теме ареста за убеждения писатель обратился в рассказах и очерках. Во время своего заключения на «Крестах» с 19 мая по август 1909 г. Ф. Крюков создал серию рассказов, отражающих глубины человеческого сознания: «У окна» (1909), «Полчаса» (1910), «В камере № 380» (1910). Свое отношение к прошедшим событиям Ф. Крюков описал в «Камере № 380»: «Нет, нет... Я никогда, ни одним намеком не обнаружу, что раскаиваюсь, сожалею, малодушествую... Ни в каком случае! Никому!»¹³⁷. Частая в его художественной прозе тема преодоления драматических обстоятельств, сопротивления внешнему давлению вызрела из его положения арестанта. Он изобразил психологическое состояние человека, лишённого свободы, но

¹³⁵ Крюков Ф.Д. Речь на заседании Первой Государственной Думы. С. 519.

¹³⁶ Родионов Ю.П. «Следственное дело по Выборгскому воззванию» как исторический источник // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории / Отв. ред. А.П. Толочко. Омск: Омский гос. ун-т, 2004. С. 155–159.

В воззвании указывались причины роспуска Госдумы; прежде всего встал вопрос о земле: «Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей». Хрестоматия по истории СССР. 1861 — 1917: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. История / Сост. В.Ф. Антонов и др. М.: Просвещение, 1990. С. 327–328.

¹³⁷ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 346.

сохранившего внутреннюю волю. Спасительный фактор в обстоятельствах принуждения – воображение: «Я напрягаю воображение... я требую, чтобы крылатый конь фантазии скорей унес меня из этих каменно-жестких стен туда, “где ветерок степной ковыль колышет”, – а у самого горла скользят по мне, как холодные лапки ящерицы, проворные пальцы надзирателя, и дрожь отвращения судорогой пробегает по всему телу...»¹³⁸. Крюков привел строку из стихотворения А.К. Толстого «Ты знаешь край, где всё обильем дышит...» (1840-е), в котором лирический герой также пребывает во власти воображения – душой он стремится в плодородный край, где природа идилична («реки льются чище серебра», «тростник над озером трепещет», «в вишневых рощах тонут хутора», «нивы золотые»¹³⁹ и т.д.), идилично существование народа (парубки пляшут вприсядку, девушка плетен венок, слепой Грицко поет о прошлом, казачки идут в храм, поет косарь). С психологическим состоянием героя рассказа созвучны и исторические мотивы стихотворения, которые отсылают к действительному, активному прошлому (битва Руси с «ляхами»¹⁴⁰ и др.) В рассказе «Полчаса» сознание и воображение героя-арестанта сфокусированы на нескольких минутах тюремной прогулки. Едва уловимые звуки и запахи выносят его за пределы камеры; все, что появляется на садовой дорожке мрачного двора, включается в воссоздание свободного бытия, жизненная сила которого передана через солнечный свет, крылышки бабочки, запах сена, вызывающий воспоминания о сенокосе и песнях, – и «сладкий восторг и слезы закипают в сердце, в груди уже звенят и трепещут милые, родные мотивы. Волнуют воспоминаниями, просятся наружу знакомые звуки, дразнят забытою радостью»¹⁴¹.

О политических взглядах Крюкова 1906–1907 гг. можно судить по

¹³⁸ Там же. С. 361.

¹³⁹ Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред., вступ. ст. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. Т. 1. С. 57.

¹⁴⁰ Там же. С. 58.

¹⁴¹ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 333.

содержанию его писем к А. Иванчину-Писареву¹⁴². 22 августа 1906 г. он, находясь в станице Глазуновской, сообщал ему об освобождении политических заключенных «посредством взятия в плен местных властей в виде заложников», при этом не последовало ни одного выстрела со стороны казачьих частей; также в письме говорилось о том, что освободительному движению сочувствуют офицеры, митинги проходят «беспрепятственно»¹⁴³; высказывалась озабоченность тем, что в станицах есть нужда в революционной литературе, в том числе в распространении выборгского воззвания. 9 июля он сообщил ему об обыске и аресте рукописей.

В 1906 и 1907 гг. Ф. Крюков стал заметным деятелем Партии народных социалистов (Трудовой народно-социалистической партии)¹⁴⁴, политической целью которой был социализм минуя капитализм¹⁴⁵. Кроме того, идеологи-энесы отрицали насильственную борьбу (террор) как метод политической борьбы. Отметим, что в прозе Крюкова-энеса, например в повести «Зыбь», очерке «После красных гостей» (1919) прозвучала тема враждебности воинской администрации, консервативных казаков по отношению к социалистам, преследования за пропагандистскую литературу.

Впечатления от первой русской революции определили, во-первых, *социальную* проблематику рассказов и очерков; во-вторых, в них прозвучала тема *неоднозначности человеческой природы*, проявившейся в чрезвычайных

¹⁴² А.И. Иванчин-Писарев (1849–1916) – журналист, состоял в редакции журнала «Русское богатство», член «Народной воли».

¹⁴³ Шесть писем Федора Крюкова к Александру Иванчину-Писареву / Публ. А.В. Дубровского, А.Ю.Чернова. https://nestoriana.wordpress.com/2020/01/17/kryukov_6_pisem_ivanchinu/comment-page-1/ Дата обращения 23.09.2022.

¹⁴⁴ Ф.Д. Крюков был идеологом партии, как другие энесы и легальные народники – публицисты Н.Ф. Анненский, В.Г. Богораз, С.Я. Елпатьевский, А.В. Пешехонов, В.И. Семевский.

¹⁴⁵ Народно-социалистическая партия – политическая организация, идеология которой отразила течение общественно-политической мысли народнического толка. Ее основатели – Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов и др. Свою роль в партии сыграли публицисты журнала «Русское богатство» (на рубеже столетий в «Русском богатстве» выплывали идеи и принципы нового народничества). В составе партии в основном была городская интеллигенция, немногочисленные крестьяне. Партийные установки ориентировались на интересы народа.

Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы / Сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов; предисл., коммент. А.В. Сыпченко; отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2003. 624 с.;

Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 192 с.

социальных обстоятельствах, показано *несоответствие* инстинктов идеалам политической борьбы.

В рассказе «Шаг на месте» (1907, с подзаголовком «Картинки казачьей мобилизации») описываются события и настроения людей революционного времени. Главный герой, доктор Брагин, едет в станицу, в которой беспокойно, как везде на Дону и во всей России. Крюков описал нарастание бунтарских настроений земляков: казаки нуждаются в идеологах – ждут студентов-ораторов, но и мечтают «о каких-то особенных забастовках, чтобы сделаться хозяевами!»¹⁴⁶; студенты распространяют антиправительственные идеи, становятся лидерами и агитаторами забастовки; мобилизованные люди ждут уведомления о месте службы и отказываются усмирять внутреннего врага. Словами Брагина Крюков представил разнородную станичную массу, захваченную волной политических перемен, – и благонамеренного, хозяйственного гвардейского вахмистра, принимавшего участие еще в турецкой кампании, и казачка-спорщика, отделившегося от отца «однокольца», обросшего детьми, замученного нуждой и ожидающего мобилизации. Рассказ завершён на оптимистической ноте – верой в то, что жизнь осветит солнце свободы и победит правда.

Вместе с тем уже в этом произведении отразились сомнения Крюкова в безупречности революционной реальности, он изобразил проявление в человеке корысти, стремление поживиться в смутное время чужим добром. Бунтовщики, рассуждая об имущественном неравенстве, принимая участие в забастовках (забастовки были экономически выгодны для бунтовщиков, т.к. многих «поделали хозяевами»¹⁴⁷), выражают свое бунтарство в погромах, ограблении магазинов и лавок. Крюков привел примеры обогащения и состоящих на охранительной службе казаков: «Сарка Мантулиха привезла от своего Семёна платьев этих... калош... лисьёю ротонду!.. Три пары сапог,

¹⁴⁶ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 88.

¹⁴⁷ Там же.

самовар... Некоторые бабенки, на нее глядя, тоже поехали. Приятная вещь...»¹⁴⁸. В казачьем полку мобилизованные предвидят «поживу»¹⁴⁹, офицеры наживаются на фураже. Возмущение казаков и мужиков распространяется и на собственность священнослужителей («У попов у наших, вот, амбары ломаются от хлеба»¹⁵⁰). Оторванные от трудовой жизни, в станицах и хуторах смиренные, казаки на службе пьянствуют, теряют человеческий облик, грязные вваливаются в избы, сквернословят, орут скабрзные песни, дерутся, грозят зарубить хозяев.

Революционные события сопровождаются несправедной «обильной кровью»¹⁵¹ – еврейскими погромами, погромами интеллигенции, сожжением школы и избиением учителей. Скорее всего, в словах героя: «Я, признаться, никогда не предполагал, что в русских людях возможна такая бессмысленно-дикая жестокость <...> К чему это упоение истязательством? Убей, пристрели, придуши моих детей, но не рви же им рот до ушей, не выкалывай глаз... У, истязания были!»¹⁵², «я никогда не думал, что наша революция будет так бессмысленно кровава <...> Конечно, от нашего правительства иного и ждать нельзя. Но все-таки народ... русский народ... ведь мы привыкли представлять его, во всяком случае, в ином виде!..»¹⁵³, – выражена авторская точка зрения. Однако «отвратительным зрелищем»¹⁵⁴ названа и расправа казаков над погромщиками. Зная, что погромщиками руководили провокаторы, герой не снимал вины за кровь ни с правительства, ни с народа, ни с казаков.

Но Крюков привел слова станичника о позорной миссии казаков в усмирении народа, о сочувствии обнищавшему народу. Разделяя бунтовщиков на толпу погромщиков и идейных борцов, Крюков ввел в

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 114.

¹⁵⁰ Там же. С. 89.

¹⁵¹ Там же. С. 93.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же. С. 95.

¹⁵⁴ Там же.

повествование мотив распространения среди казаков политической литературы, участия в митингах, слова «подавленного темного сознания, воспитанного в предрассудках военной касты»¹⁵⁵, потери авторитета попов, военного начальства.

В форме полемического диалога развита тема религиозных истин и насилия. С одной стороны, актуализируется охранительная идеология: нельзя восставать на помазанника Бога, как на Самого Христа, властям повинуются всякая тварь. С другой – в религиозном контексте звучит мысль о сопротивлении народа казакам-карателям («А Христос как говорил? “Взявши меч от меча и погибнет!” Ты как думаешь, они нам потерпят, что мы их жен и детей разоряем?»¹⁵⁶).

Итак, Крюков был *далек от романтизации бунтарских ситуаций*. Уже в первой русской революции он различил как справедливые социально-экономические цели, так и *анархию* и вседозволенность в среде и бунтовщиков, и усмирителей, *отсутствие идеологии*, политически организующей массы. Уже в произведениях 1900-х годов он предупреждал о роли низких человеческих страстей (например, инстинктов крови, разрушения, обогащения воровством) в социальных столкновениях. Можно предположить, что события первой русской революции укрепили Крюкова-реалиста в мысли избегать романтизации казака, усилили его стремление изображать человека с его взлетами и падениями.

1.5.2. Ф. Крюков о Первой мировой войне

Казаки участвовали в русско-японской войне¹⁵⁷, были призваны на

¹⁵⁵ Там же. С. 99.

¹⁵⁶ Там же. С. 101.

¹⁵⁷ «В русско-японской войне принимали участие 4-я Донская казачья дивизия и 3-й донской артдивизион. В состав 4-й Донской казачьей дивизии входили 19-й, 24-й, 25-й и 26-й донские полки». *Захаревич А.В.* Донцы в русско-японской войне (1904–1905) // Донской временник. Год 1994 / Дон. Гос. публ. библ.-ка. Ростов-н-Дону, 1993. Вып. 2. С. 60–63. http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=110&ysclid=198j3afhf6270188639
Дата обращения 14.10.2022.

фронт в Первую мировую войну¹⁵⁸. С началом мировой войны Крюков был представителем комитета третьей Государственной Думы при отряде Красного креста на Кавказском фронте. Во время войны он, патриотически настроенный¹⁵⁹, служил санитаром. Увиденное на фронте составило содержание опубликованных в периодике очерков: «Около войны», 1914; «На войне. В Азербайджане», 1915; «За Карсом (На Турецком фронте)», 1915; «Сестра Ольшвангер (Из закавказских впечатлений)», 1915; «В сфере военной обыденности», 1916) и др. В целом, начиная с Первой мировой войны, объем его публицистики возрос. Большинство созданных во время войны очерков посвящено тылу.

Во-первых, Крюков понимал войну как *рубеж в частной судьбе* казака. Герой рассказа «Ратник» (1915) – молодой казак Костик, которому предстоит мобилизация и отправка на фронт. В нем робость перед предстоящей переменой в судьбе сочетается с любопытством, «легонькой рисовкой, зеленой удалью и самоуверенностью»¹⁶⁰; в ночь проводов быт станицы и станичников, хатки в лунном свете, церковные окна, палисадники представляются ему полными содержания и прелести; он осознает, что завтра ничего этого не будет и никогда не повторится. В этом эпизоде, как и в подобных ему, выражена мысль Крюкова о невозвратном течении жизни. Автор акцентировал внимание на патриотическом чувстве казаков,

С января 1904 г. по август 1905 г. мобилизовали 4887 донцов. Казачьи сотни формировались по принципу землячества – принадлежности казаков к одной станице, что обеспечивало единство действий, боевое слаживание и являлось залогом воинской храбрости. В исследованиях говорится о вооружении донских казаков новыми скорострельными трехдюймовыми пушками образца 1900 г., командование стрельбой должно было проводиться по телефону, однако артиллерийский дивизион был отправлен на фронт без телефонов, обучение было поверхностным. *Рыжкова Н.В.* Донское казачество в войнах начала XX века. *Рыжкова Н.В.* Донские казаки в войнах России начала XX века / Н.В. Рыжкова; Ростов. гос. ун-т. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2003. С. 26.

¹⁵⁸ На фронте воевали 125 тысяч донских казаков. Там же.

¹⁵⁹ Известие о начале Первой мировой войны Ф. Крюков встретил в Глазуновской. Его сосед Д. Воротынский оставил подробные воспоминания, касающиеся взглядов писателя на военные события и казачью среду; так, он писал: «Он организовал молодых людей, чтобы они прошли с ними через станицу с флагами и воодушевляющими гимнами». *Малюкова Л.Н.* "И покотился с грохотом обвал..." Судьба и творчество Ф.Д. Крюкова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 166.

¹⁶⁰ *Крюков Ф.Д.* На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 146.

станичники «неукротимо воинствовали»¹⁶¹, охотно жертвовали на раненых, семьи казаков и солдат, теплую одежду, но ранее проводившие родных на фронт вздыхали и говорили о плаче оставленных мужьями и сыновьями баб. В письме Костика к родителям выражена гордость за ратников-земляков («наши глазуновцы все молодцами»), национальная гордость запечатлена в подписи «русский солдат с Тихого Дона Константин Еремин», но отец, прочитав письмо, замечает, что сын «ничего-то еще не знает»¹⁶².

Во-вторых, в цикле очерков «Около войны» отражен народный взгляд на войну. Крюков, избегая изображения самого факта героизма и жестокого боя, запечатлевая *судьбу народа* через многие детали (в том числе портретные), включая в произведения письма с фронта, передал многоголосие скорби: «Воинский поезд – длинный ряд красных вагонов с лошадьми и людьми – уже был готов <...> в густом, теплом тумане, чуть освещенном оранжевыми пятнами фонарей, толклись голоса провожающих и уходящих. Пырskали лошади в вагонах и там же звенел детский плач»¹⁶³. Крюков заострил вопрос о всенародном смысле войны и *изменении хуторского мировидения*: «деревенское внимание вышло из тесной околицы, чтобы приковаться к более широкому и далекому – к участи родной земли, к судьбам чужих народов, и – может быть – к судьбе всего человечества»¹⁶⁴. С темы всенародного, общечеловеческого содержания войны начинается очерк «В сфере военной обыденности» (1916). Явно продолжая толстовскую мысль о *духе войска*, Крюков писал о том, что дух, настроение – самое загадочное явление войны. Рассуждая о «миллионе живых единиц», о «пестроте национальных и профессиональных типов», задаваясь вопросом о том, что объединяет бойцов, он говорил о едином духе «солдатской массы»¹⁶⁵. Описывая разные типы солдат, Крюков, в частности, остановился на человеке

¹⁶¹ Там же. С. 149.

¹⁶² Там же. С. 163.

¹⁶³ Там же. С. 267.

¹⁶⁴ Там же. С. 264.

¹⁶⁵ Там же. С. 183.

негероического, невзрачного, обыденного вида, подчеркнул его простоту, мягкость и непринужденность его разговора, готовность и к атаке, и к разведке; при этом воин болеет за судьбу всей России. Выведенный в очерке тип созвучен толстовским Тушину и Тимохину.

Однако, находясь на Галицийском фронте с конца 1915 г. до февраля 1916 г., Крюков наблюдал *кризисное состояние армии*. Один из критериев развала российского фронта и российского общества – опять же нарастание низких инстинктов и минимизация моральных устоев. Например, Крюков отметил: «...пропала где-то совесть, свинные и волчьи инстинкты затопили все углы жизни, жадность, хватание кредиток, очерствение приняли характер эпидемии, и даже в патриархальных уголках, где имели еще действительную силу, например, узы родства, денежный поток прорвал и снес даже эти вековые связи»¹⁶⁶ («В сугробах», 1917). Таким образом, в военных очерках, как в произведениях о первой русской революции, отразилось *несоответствие высокой* (в данном случае патриотической) *цели нарастание низких инстинктов* человека.

Показателен следующий мотив, характеризующий состояние российской и германской армий: помимо негативного отношения к немцам как врагам высказывается и уважительное к ним отношение как к носителям цивилизации. Так, красивый молодой казак с простодушными глазами из очерка «У немцев» (1914) отдает должное технической подготовленности врага, называет немцев мужественным и «ядренным»¹⁶⁷ народом.

Итак, в прозе Крюкова военного времени представлена картина состояния российского общества, армии и рядовых, находящихся на фронтах боевых действий. Анализируя общую обстановку, высказывая личный взгляд на события и характеры большого ряда простых бойцов, Крюков, как и в произведениях, написанных в прежние годы, избегал идеализации,

¹⁶⁶ Там же. С. 533

¹⁶⁷ Там же. С. 55.

объективно изобразил сложную и противоречивую реальность.

1.5.3. Революции 1917 года и Гражданская война в прозе Ф. Крюкова

Полагая, что в случае победы Германии обновленная Февральской революцией Россия будет обречена на поражение, он выступил за продолжение войны. Кроме того, с революцией он связывал возрождение казачьей вольности, казачьего Круга. Вместе с тем Крюков высказывал тревогу по поводу дальнейшего развития революции. По содержанию очерков видно нарастание его критицизма по отношению к развитию революционных событий.

Состояние разрушенного мира после отречения государя, неэффективность административных тактик, лидерство босяков, «вчерашних мазуриков и полицейских», растерянность старой станичной власти, «бесконечная цепь обвинений»¹⁶⁸ описаны в очерке «Новым строем» (1917). Реальная ситуация на Дону, в частности в Усть-Медведицком округе, который в 1918 г. стал прифронтовой территорией, с точностью отражена в очерках Крюкова. С 16 апреля по 24 мая 1918 г. в «Свободе России» публиковался очерк Крюкова «В углу», в котором описывалось начало советской власти в январе 1918 г. в слободе Михайловке. В очерках 1918 г. и 1919 г. с документальной точностью и авторским сарказмом описано завоевание красными родной станицы Глазуновской, казачье восстание в Усть-Медведицком округе (май 1918 г.), освобождение и вновь захват красными в 1919 г. Усть-Медведицкого округа («Усть-Медведицкий боевой участок», 1919; «В гостях у товарища Миронова», 1919; «После красных гостей», 1919 и др.)

Крюков, активно участвуя в судьбе донского казачества¹⁶⁹, отразил в

¹⁶⁸ Там же. С. 42.

¹⁶⁹ В марте 1917 г. Крюков вошел во Временный совет Союза казачьих войск от Войска Донского. В апреле 1917 г. он был избран делегатом от станицы Глазуновской на войсковом съезде (Новочеркасск). В июне 1918

очерках и свою жизнь, в том числе плен у красных казаков, которыми командовали его знакомые (Ф.К. Миронов и сидевший с Крюковым в «Крестах» в 1906 г. В.С. Ковалёв), что спасло ему жизнь. Современник Крюкова С. Арефин («Ф.Д. Крюков как политик», 1918), называя его романтиком казачества, вспоминая его деятельность в государственной Думе, пребывание в одиночной камере «Крестов», исполнение обязанностей в центральном комитете народно-социалистической партии, обращаясь к его публицистике в те времена, когда «казачество только что просыпалось», отмечал его неприятие большевизма «с его упрощенными схемами людских отношений, с его “экспроприацией экспроприаторов”», непонимание земляками его политических взглядов: Крюков «попал в разряд “буржуев”, был зачислен в “контрреволюционеры”, и ему пришлось скрываться и, в конце концов, быть арестованным красноармейцами своей же Глазуновской станицы, навербованными из иногородних, сидеть в глазуновской “холодной”»¹⁷⁰.

Вследствие революций 1917 г. и Гражданской войны политическая аксиология Ключева укрепилась по ряду позиций, но и претерпела коррективы.

В прозе Крюкова революционная страна показана в столкновении интересов, материальных целей и эмоциональных состояний, романтического ликования и ностальгии по дореволюционному быту, гражданского чувства и обывательской осторожности, героического и трагического, восторга и страха. Для понимания настроений Крюкова в революционные годы представляется показательными два свидетельства современников.

Во-первых, 2 июля 1917 г. Пришвин пометил в дневнике: «Какой-то

г. он участвовал в восстании против советской власти на Дону, в бою был контужен. В августе 1918 г. он был избран членом Войскового круга Всевеликого Войска Донского (законодательный орган), участвовал в работе его сессий (с августа 1918 г. по декабрь 1919 г.) Работал директором Усть-Медведицкой мужской гимназии (осень 1918 г. – начало 1919 г.).

¹⁷⁰ Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919 С. 309.

Под «романтиком» С. Арефин, скорее всего, имел в виду человека, живущего ради счастья донцов. Крюков назвал романтиком окружного атамана П.А. Скачкова, так как тот мечтал создать из Усть-Медведицы культурный центр, от которого шел бы свет во все казачьи провинции («Камень созидания», 1918).

Линшевич в “Деле народа” осуждает Крюкова за пессимизм, а сам не указывает, чему же светлому в народной жизни следует радоваться»¹⁷¹. Еще до Октября Крюков, таким образом, при всей демократичности своих убеждений усмотрел в революционной действительности причины для сомнений, *симптомы перерастания революции в смуту*. В очерке «Обвал» («Русские записки». 1917. № 2–3) Крюков писал о том, что вместе с восторгом и надеждами обыватель переживает «тошнотные разочарования», «темную бездну страхов»¹⁷². В том же номере был опубликован его очерк «Мельком. Современные тыловые впечатления», в котором он писал об озлоблении, горе, растерянности народа.

Во-вторых, как записал Короленко о Крюкове 25 августа 1920 г.: «После 2-й революции в нем заговорил казак с казачьими традициями, и кто-то из редакции (кажется, Пошехонов) мне писал, что Крюков живет в своей станице и “очень поправел”»¹⁷³.

С Октябрьской революцией критицизм Крюкова перерос в *оппозицию*. Он не принял социальных проектов большевиков, их решения вопроса о земле и их ставки на деревенскую бедноту, он был против антицерковной политики, преследования офицеров, служилых людей, террора, расказачивания, установки на ликвидацию казачьей верхушки. Брестский мир он воспринял как национальный позор. В очерке «О Войсковом круге» (1918) прозвучало адресованное большевикам обвинение в развале государства, расточении национальных ценностей, расхищении природных богатств, неуважении к закону. В 1918 г. П.А. Смирнов передал состояние Крюкова после захвата большевиками Усть-Медведицкого округа: «Для него, приговоренного уже к смерти и чудом спасенного от расстрела, все вопросы были ясны – нужно браться без колебаний за топоры и вилы и очищать родную землю от

¹⁷¹ Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917 / Предисл. В.Д. Пришвиной; коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришиной. М.: Московский рабочий, 1991. С. 322. «Дело народа» – ежедневная газета партии эсеров.

¹⁷² Крюков Ф. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. С. 35. С 1914 г. «Русское богатство» выходило под названием «Русские записки».

¹⁷³ Негретов П.И. В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества. 1917–1921. С. 166.

разбойничьих банд, именованных революционным народом»¹⁷⁴. И так, Крюков был настроен на *сопротивление* советской власти *силою*.

Конфликтность казачьего мира сфокусирована, как это следует из очерка «Новым строем» (1917), на *земельном вопросе*: пока казаки исполняли службу на рубежах России, на Дону разросся слой пришлых мужиков, которые «претендуют на земельку – не только частновладельческую, которая в большей части уже перешла в крестьянские руки, но и на казацкую»¹⁷⁵.

Новая жизнь характеризовалась частым словом «сковырнуть», то есть сместить бывшее начальство, посадить на их место новое, которое потом тоже «сковырнуть». Крюков описал «зуд» безнаказанного разрушения («сковыривания»¹⁷⁶), своеволия, бессмысленного поджога, выдвижения *маргиналов* – «озорных хамов, ничтожных, блудливых и трусливых»¹⁷⁷. Он обратил внимание А. Горнфельда на активность в революционной действительности маргиналов, дискредитировавших саму идею революции и ее последствия: «На гребне волны почти всюду оказывается хулиган, бывший стражник, уголовный, подпольный, адвокатишка. Они ориентируются быстрее, чем добропорядочные граждане, захватывают власть, обманывают, арестовывают, сводят личные счеты»¹⁷⁸. Ему же он высказал свою неуверенность в действенности казачьего Круга.

При этом Крюков отметил «творческое бессилие новой России»¹⁷⁹, *отсутствие созидания* и равнодушие к судьбе родины. Отовсюду звучит слово «свобода»; страна вступила «на путь безвозбранного многоглаголанья», которое автор противопоставил значительности «великого безмолвия» прежней России с ее трагической судьбой и «неразгаданной загадкой

¹⁷⁴ Скачков П.А. Историческая справка к произведению Ф. Крюкова «Родимый край». С. 284.

¹⁷⁵ Крюков Ф. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. С. 41.

¹⁷⁶ Там же. С. 42.

¹⁷⁷ Там же. С. 43.

¹⁷⁸ Письмо от 14.IV. 1917, ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр.356. Цит. по: Бирюков Ф.Г. Бытописатель народной жизни // Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 13.

¹⁷⁹ Крюков Ф. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. С. 55.

сфинкса»¹⁸⁰; звучали «чужие, непродуманные, взятые напрокат» слова, в которых выражены интересы «собственной шкуры»¹⁸¹. Услышанные от агитаторов речи представлялись Крюкову ненастоящими (показателен образ агитатора-провокатора).

Однако Крюков не поддержал¹⁸² и «федералистов», стратегии *отделения территорий Донского казачества от России*¹⁸³.

Еще А.И. Ригельман писал («История или повествование о Донских Казаках», 1778) о том, что донские казаки «мнят будто б они от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов взялись, и для того считают себя природою не от московских людей, и думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть. И по такому их воображению никогда себя московскими не именуют, ниже любят, кто их москалем назовет, и отвечают на то, что “Я де не Москаль, но Русский, и то по Закону и вере Православной, а не по природе”»¹⁸⁴. Во времена Крюкова самостийные настроения сохранялись: «В наших местах под "русскими" понимают иногородних, пришельцев из внутренних губерний, поставляющих главный контингент предпринимателей, кулаков, шибаетов, арендаторов и т. п.

¹⁸⁰ Там же. С. 66.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² В августе 1918 г. Крюкова избирают секретарем Большого Круга, в апреле 1919 г. он принял на себя обязанности редактора «Донских ведомостей».

¹⁸³ На территории Области Войска Донского с 23 марта по 4 мая 1918 г. (номинально по 30 сентября) существовала Донская республика; после отхода Добровольческой армии и казачьих частей на этой территории установлена советская власть (25 февраля 1918 г.) и Донская советская республика (23 марта 1918 г.); в Совет Народных Комиссаров входили Ф.Г. Подтёлков (председатель), М.В. Кривошлыков (комиссар по делам управления) и др..

¹⁸⁴ Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1992. С.17. Д.И. Иловайский в «Истории Рязанского княжества» (1858) писал о заселение в XV в. Придонских степей русскими.

По поводу состава донских казаков беглый подьячий в конце XVI в. описывал: «... А люди они породою Москвичи и иных городов, и новокрещеные Татаровя, и Запорожские казаки, и Поляки, и Ляхи, и многие из них Московских бояр и торговые люди и крестьяне <...> И дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают, и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу». Венков А.В. Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642 гг. М.: Вече, 2017. С. 216.

Согласно точке зрения Л.Н. Гумилева («Зигзак истории»), предки донских казаков – смешавшиеся друг с другом славяне и хазары: со второй половины IX в. хазары заселили территории нижнего Дона, в 860 г. они «приняли православие от св. Кирилла и благодаря этому вошли в состав христианской общины». Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и История природы. М.: Экспрос, 1993. С. 366.

<...> Отсюда вражда местно-националистической окраски к "русским"¹⁸⁵ («Процесс о колдовстве», 1912).

Крюков-государственник считал, что казаки – тип русской народности, но не отдельный народ. Себя он называл русским писателем. Гражданскую войну он считал войной за целостную Россию. В очерке «Войсковой круг и Россия» (1918) саркастически выведен выступающий на казачьем Круге «молодой калмычок», призывающий донцов «защищать донскую землю, но не защищать царскую корону, не навязывать России когти царского орла <...> Нам нужна только донская земля и... вольность казачья...»¹⁸⁶.

Как в предыдущие годы, Крюков писал о *сдвигах в моральных устоях* людей, что усугубляло трагизм времени. Например, еще в Февральскую революцию он подметил кардинальные изменения в сознании и психике человека: «обыватель, искони трепетавший перед нагайкой, вдруг стал равнодушен к грому выстрелов и свисту пуль, к зрелищу смерти и безропотно ложился на штык»¹⁸⁷ («Обвал»). В 1918 г. он, констатируя разрушение казачьего мира («В углу», «В сфере колдовства и мути»), одной из причин назвал анархическое настроение возвратившихся с фронта казаков и последовавшую слепую месть офицерам; как говорит старый казак о вернувшихся фронтовиках: «То не так, другое не по его, своеволие, самоуправие, никакого начальства не надо, насчет Бога загнет – волосы дыбом аж станут»¹⁸⁸ («Камень созидания», 1918). Не была комплиментарной его позиция и в отношении морального духа белогвардейцев, среди которых были, как он считал, спекулянты, корыстолюбцы, прямолинейные и ограниченные пропагандисты.

Разрушение казачьего мира Крюков показал в очерке «В углу» (1918). Реальным материалом послужили события слободы Михайловки. 1918 г.

¹⁸⁵ Крюков Ф.Д. В Глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 312.

¹⁸⁶ Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. С. 116.

¹⁸⁷ Там же. С. 17.

¹⁸⁸ Там же. С. 126.

знаменателен тем, что на Дону была установлена советская власть и прошло отступление сформировавшейся там Добровольческой армии к Кубани (в феврале Добровольческая армия, возглавляемая генералом Л.Г. Корниловым, выступила в первый Кубанский поход); в том же году погиб Корнилов¹⁸⁹. В очерке Крюкова 1918 г. «В сфере колдовства и мути» этот год отмечен «апокалиптическими распрями», «кровавым безумием», «перерождением народа»¹⁹⁰.

Вместе с тем Крюков («В углу») назвал и внутреннюю, характерную причину развала казачьего миропорядка: при всей печали казаков о родном крае их понимание отечества не отличалось глубиной, над патриотическим чувством преобладали меркантильность и отстраненность от государственных перемен. В целом характеризуя станичников как людей непритязательных, трудолюбивых, ровно живших согласно «крепкому порядку» и не знавших «социальных экспериментов»¹⁹¹, Крюков показал разрушение сложившегося веками порядка и установление власти «беснования»¹⁹² – бесконтрольного насилия. Упомянув в начале очерка о лукавом самоуничижении казаков, отзывавшихся о себе, тружениках, как о «навозе в человеческой шкуре»¹⁹³, он на протяжении всего произведения обстоятельно изображал вырождение отшлифованного революционной идеологией казака в такой «навоз».

Втянутые в Гражданскую войну, верхние станицы решили принять новую власть, низовые (юг Дона), напротив, выступили за сопротивление большевикам. Кроме того, обострилось противостояние казачества и крестьянства, которое к «большевистскому эксперименту примкнуло

¹⁸⁹ «Лучшие стороны русской природы сочетались в Корнилове: казак, закаленный в суровых условиях трудовой жизни, и русский культурный человек, рыцарь долга, подвижник, рыцарь без страха и упрека». Крюков назвал Корнилова «великим патриотом», скорбевшим «о растерзанном отечестве», зажигающим «сердца донцов, кубанцев, терцев и лучшей части русского народа». *Крюков Ф.* Великая годовщина // Там же. С. 156, 157.

¹⁹⁰ *Крюков Ф.* Рассказы. Публицистика. С. 560.

¹⁹¹ *Крюков Ф.* В углу // В углу: Начало гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов. Ф.Д. Крюков. М.А. Родионов / Сост., предисл. А.Г. Макарова. М.: АИРО–XXI, 2016. С. 44.

¹⁹² Там же. С. 45.

¹⁹³ Там же. С. 44.

теснее»¹⁹⁴. Раскол особенно проявился с возвращением в станицу казаков-фронтовиков, настроенных против офицеров и так называемых «буржуев» и «кадетов». Охваченные стихией социальной мести, фронтовики разрушили, как писал Крюков, обманное романтическое представление о казаке – стихийном борце за волю или доблестном государственнике. Последующее появление в станице красногвардейцев усилило волну разграбления, ужесточило истребление буржуев¹⁹⁵ и офицеров. Расправа проводилась по критерию образованности: врагами считались священники, учителя, студенты. Трагический парадокс убийств состоял в том, что офицеры происходили из малоимущего рядового казачества, они были, как правило, бывшими народными учителями с демократическими убеждениями. Приведена история убийства «хулиганской оравой»¹⁹⁶ хорунжего Лапина – социал-демократа, плехановца, председателя местного совета депутатов. С усердием истреблялись свои же станичники, с которыми убийцы росли на одной улице.

Мастерство очеркиста проявилось в ровном стиле описания социальной катастрофы и ужаса человека, что подчеркнуто диссонировало с чрезвычайностью самого события. Например: «С улиц убрали трупы, с родственников погибших взяли дань за право получения тел близких им покойников (брали от 50-ти до 100 руб., “смотря по человеку”), вырученные деньги подразделили, пропили, проиграли в карты, награбленное имущество поприпрятали»¹⁹⁷. В ряде эпизодов звучал авторский сарказм, выраженный в уничижительных характеристиках казаков, одержимых революционной идеей: «выплюнул бесстыдное циничное выражение», «мозгляк с заржавленной винтовкой за спиной», «казак с заячьей губой», «разбойники»,

¹⁹⁴ Там же. С. 62.

¹⁹⁵ Ф. Крюков относился к «буржуям»; с приходом красногвардейцев в Глазуновскую он был арестован и переправлен в Михайловку, где располагались революционные силы Дона; его спасло заступничество заведующего военным отделом ревкома Ф.К. Миронова.

¹⁹⁶ Крюков Ф. В углу. С. 66.

¹⁹⁷ Там же. С. 67.

«ни стыда, ни совести, ни присяги!», «в прыщах»¹⁹⁸, «митинги с непрерывным, монотонно-заливистым лаем о буржуях-кровопийцах»¹⁹⁹, «шустрые ребята из агитаторов»²⁰⁰. Реже авторское отношение к событиям проявлялось напрямую – через высокий пафос осуждения. Например, изображая страсть к наживе, расхищение частного и казенного имущества, разграбление винных складов, Крюков писал: «родина, совесть, честь объявлены буржуазными предрассудками»²⁰¹ и т.п.

К темам Крюкова обращались и другие донские писатели. Особое внимание заслуживают произведения, имеющие отношение к тому же 1918 г. С данными в очерке характеристиками раскола казачества коррелируют воспоминания И.А. Родионова «Тамба» (1926), также относящиеся к событиям 1918 г. Автор – из донских казаков, монархист, офицер Добровольческой армии, участник Ледяного похода (февраль–апрель 1918 г.), эмигрант с 1920 г. – описал свое бегство из Новочеркасска (столицы Войска Донского) 12 февраля 1918 г., когда в него входили красные казаки. Продвигаясь в Добровольческую армию, он кружил вокруг дамбы («тамбы»), опасаясь попасть в плен к большевикам. Как говорит казак-партизан Петров, выдать его могут и казаки, и мужики: «Прямо ни на што произошел народ...»²⁰² Если Крюков сосредоточился на описании разрушителей, убийц, грабителей, то Родионов изобразил верного казачьей чести партизана, спасшего и автора воспоминаний, и его семью, и мальчика-партизана.

О разрушении уклада жизни, развале крепкого «лошадиного царства»²⁰³ донских конезаводчиков – повесть П.Н. Краснова «Степь», написанная, как и очерк Крюкова «В углу», в 1918 г. Краснов, как Крюков, рассказал о влиянии пришедших с фронта большевиков на сознание казаков и крестьян, о

¹⁹⁸ Там же. С. 50.

¹⁹⁹ Там же. С. 67.

²⁰⁰ Там же. С. 68.

²⁰¹ Там же. С. 57.

²⁰² Родионов И.А. Тамба // В углу: Начало гражданской войны глазами русских писателей. С. 78.

²⁰³ Краснов П.Н. Степь // Там же. С. 13.

разграблении собственности «буржуев», арестах конезаводчиков, убийствах офицеров и «мальчиков-кадетов»²⁰⁴. Как в очерке Крюкова, в повести Краснова экспроприаторы из народа пребывают во власти социалистических идей и чужих речей («Потому как теперь все равны, всеобщая революция провозгласила равенство демократии всего мира, и социалистические проблемы решены властью советов, выявленных народом, земля и капитал стали всеобщим достоянием»²⁰⁵). Как Крюков, Краснов придал их портретам уничижительные черты («с круглым тупым лицом», «тонким носом, как у хищной птицы», «тупая мысль копошилась в его мозгу»²⁰⁶ и т.п.) Аргументу конезаводчика Тополькова: «Эта земля не моя, а войсковая, и лошади на ней – достояние государства», – противостояла жажда мести и наживы. Как сказано в повести, «вся степь загорелась мятежом, как пожаром»²⁰⁷. От расправы Топольков решает спастись в степи, не находит укрытия ни в чужих домах, ни в зимовниках и возвращается в свою разоренную усадьбу. Ему осталась надежда на помощь Господа и на то, что «степь выручит»²⁰⁸.

Актуальная тема трех произведений – развал казацкого миропорядка – сочетается с вечной темой жизни и смерти отдельной личности. Также в них звучит сквозная тема художественной прозы Крюкова – границы личной свободы.

В очерках Крюкова описаны *многочисленные персонажи*; внимание автора сосредоточено как на личности, так и на людской массе; активны полилоги, монологи, массовые сцены (митинги, пассажиры в вагонах, вереницы телег с людьми и т.п.). Сюжетные ситуации, детали образа жизни персонажа содержат материал с *высоким повествовательным потенциалом*, с возможностями к выстраиванию истории героя; например, в плотности фактов одного абзаца скрыта история народа и человека: «Миронову, видно, было не

²⁰⁴ Там же. С. 38.

²⁰⁵ Там же. С. 25.

²⁰⁶ Там же. С. 24.

²⁰⁷ Там же. С. 26.

²⁰⁸ Там же. С. 43

до реформ. Впереди предстояла Усть-Медведица, его родная станица. В третий раз он вел на нее красных товарищей. Семь месяцев назад он едва унес ноги из этих самых мест, к которым его сердце было прикреплено многими нитями и жаждой отмщения, и честолюбием, и обычной тоской усталого человека, познавшего цену окружающему его товариществу»²⁰⁹. Семантическая насыщенность приведенного фрагмента формируется рядом скрытых (внесценических) событий и ситуаций: походы на станицу, стыд поражения, череда чувств, связывающих героя со станицей, как результат неких событий и межличностных отношений и проч. Частотны большие предложения, максимально наполненные информацией (событиями, персонажами, пейзажами, топонимами, отсылками к другим текстам и проч.). Например: «На этом дилижанчике я и усть-медведицкий окружной атаман П.А. Скачков, возвращаясь с Круга, вступили от Суровикина, с железной дороги, из сферы цивилизации, так сказать, в глубь первобытного степного простора с пыльными, воспетыми в песнях шляхами, дороженьками – “шириною в три шага, длиною конца краю нет”, с оврагами, балками, кургашками и норами сусликов и редкими хуторами, схоронившимися от степных ветров в ярах по Куртлаку и другим каким-то безыменным речкам-ерикам»²¹⁰. В пределах одного произведения сочетаются и авторские впечатления от увиденного, и мысли, и собственно события. Например, подзаголовок очерка «Камень созидания» (1918) – «Впечатления и заметки». Ряд очерков выполнен как «запись для памяти»²¹¹ с хронологической последовательностью; например, очерк «Свежо придание» (1919) имеет подзаголовок «Из Медведицкой летописи».

Можно предположить, что очерки Крюкова представляют собой документально-художественную основу для будущего произведения

²⁰⁹ Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. С. 222.

²¹⁰ Там же. С. 124.

²¹¹ Там же. С. 134.

большого жанра²¹². Свои творческие силы тех лет писатель направил на публицистику, но известно, что в Глазуновской (из Петрограда Крюков уехал в июле 1917 г.) он работал над романом о казачестве, начатым в 1912 г.

К отмеченной выше специфике очерков следует добавить образность языка. Особое внимание отдано лаконичным и четким, но художественно выполненным *портретам*: «Василиса была необычайная серьезная смуглянка с широкими черными бровями. Лишь ростом всего – с кнутик», «Это были старички переписей половины 90-х годов. Вид их, седобородых, солидных, тяжелых, с обмотанными головами и руками на перевязях, с костылями, был трогателен до умиления», «Белый старичок с червеобразными бровями шагает рядом со мной»²¹³ и т.д. Художественная изобразительность свойственна *пейзажам*: «булано-коричневая степь», «Солнце с минуту глядит на нас одним пурпурным краешком, потом тихо ныряет в розово-пыльный океан за синими, далекими холмами», «В серой мгле осенней ночи тонет степь»²¹⁴ и т.п. Частая в рассказах и повестях *акустическая* образность также создает художественную картину донского мира: «Степной простор звучит элегией раздумья и печали <...> долетают тихие вздохи протяжной одинокой песни <...> как гул землетрясения и в нем пиликанье гармошки», рассказ «сонно шелестит среди сумеречного степного простора», «Шуршит наш “дилижанчик”. Гремит, звенит какими-то гайками и железками», «Шуршал в безбрежной мгле ночи тарантасик», «печальной музыкой звенели в памяти стихи», «Звенела музыка. Поток радостным и бодрым неслись серебряные звуки», «шли ряды, сливая гулкий шаг со звенящим зовом трубы», «Звенела музыка разливисто и звонко», «скрип бесконечных обозов»²¹⁵. [Примеры

²¹² В написанном в 1919 г. очерке «После красных гостей» Крюков писал: ««Может быть, придёт когда-нибудь время – беспристрастный, эпически спокойный повествователь с достаточной полнотой и последовательностью изобразит ту картину, которую сейчас в силах передать лишь сухой протокол, картину крестных мук Дона Тихого <...>. Может быть, отойдя на расстояние, в исцеляющую даль времени, будет создано целостное отображение великой туги народной, беды казачьей. // Сейчас это сделать нет сил». Там же. С. 218.

²¹³ Там же. С. 122, 123, 126, 132.

²¹⁴ Там же. 123, 127, 128.

²¹⁵ Там же. С. 127, 128, 130, 132

приведены из очерка «Камень созидания»].

Экспрессивность доминантных мотивов достигается *лексическими повторами*; например, в начальных абзацах очерка «После красных гостей» повторяются слова с корнем «труп»: «трупный запах», «трупы лошадей, трупы быков», «трупы обгорелых железнодорожных зданий», «трупы сожженных паровозов»²¹⁶. В очерках последних лет усилена публицистическая жесткость, используется темп *нагнетения*, выразительный *антиэстетизм*, *однотипные эпитеты* (например, в том же очерке: «Видно, что предметный урок нового социального строя был жесток до беспощадности. Голод, сыск, устрашение, равнение на всех по оголению и разутости здесь, в “красном Вердене” Совдепии должно было оставить особенно яркий и выпуклый след»; «Из всех гнойных струпьев, оставшихся от большевизма, самый злокачественный и отвратительный – этот след распущенного погружения в свальный грех, утратившего всякую сдержку стыда и стеснения»²¹⁷). Для языка очерков характерны новые сравнения, например: «Простой, ровный, как шуршание песка под колесами, рассказ Семибратова»²¹⁸ и др. Стиль Крюкова в меру метафоричен: «Плыли из мглы безмолвной ночи мысли», «ночь загадочно безмолвна», звуки «разливались ликующим и звонким плеском»²¹⁹.

Именно в публицистике родился символ судьбы донского казачества – татарник («Цветок-татарник», 1919). Образ вместил в себя авторскую трактовку жизненной силы казаков: «органическая неспособность казачьей природы приладить себя к атмосфере того социального опыта, который тов. Троцкому безвозвратно удалось проделать над Россией и который у нас на Дону напоролся на жизнестойкость и упорство цветка “татарника”, – кто не помнит прекрасной интродукции к “Хаджи-Мурату” Льва Толстого?»²²⁰.

²¹⁶ Там же. С.213.

²¹⁷ Там же. С. 214, 228.

²¹⁸ Там же. С. 127.

²¹⁹ Там же. С. 129, 130, 131.

²²⁰ Там же. С. 247.

Символизация татарника достигается посредством прямого указания на его ассоциативный смысл, а также через повторы, через аллюзию на образ из «Хаджи-Мурата» (Крюков дает сноску с обширным цитированием произведения Л.Н. Толстого).

*

Творчество Крюкова являет пример традиционного реализма. Характеры героев, сюжеты, детали жизнеподобны. Проблематика произведений актуальна, обращена к современности. Крюков – бытописатель, обратившийся к сложнейшим общественным темам, вопросам бытия в целом и существования личности. Его герой – рядовой казак (или казачка), переживающий личные драмы.

Произведениям Крюкова свойственны автобиографизм, широкое этнографическое содержание, обусловленное изображением жизни донского казачества с ее цельностью и противоречиями, сочетанием региональных и российских проблем, общечеловеческих ценностей.

Социальная проблематика произведений сочетается с изображением сложной человеческой природы. Постоянные темы прозы Крюкова – природная жизненная сила казака, его самосознание, содержание личной и военной жизни, границы личной свободы, противоречия внутреннего мира, выраженные через сдержанный психологизм. Казак в прозе Крюкова представляет собой естественный тип героя, а также человека поступка и долга. Во многом поведение, жизненные ценности донского казака определяются его высоким самосознанием. Сюжеты строятся на вариативности конфликтов – от внутренних до внешних.

Сквозная тема родного края охватывает широкий спектр понятий и явлений (дом, станица, степь, российская государственность, семья, вера, обычаи, быт и хозяйственные проблемы, культура, язык, межэтнические

отношения, межличностные отношения, традиции пения и воинских игр, трудовые навыки и проч.). Разрушение целостности комплекса родного края происходит извне (революции 1917 г., Гражданская война) и изнутри (в результате ментальных сдвигов, моральных утрат).

В прозе, обращенной к Первой мировой войне, прозвучали проблемы кризиса армии, частной судьбы казака-воина, но и толстовские темы духа войска, непретенциозного, естественного героизма, свойственного человеку из народа.

Революционные события привнесли в рассказы, повести, очерки Крюкова новые темы: забастовки гимназистов, казачьи волнения, революционная агитация в станицах, падение морали, проявление низких инстинктов, апология вседозволенности, раскол казачества, военные действия. Вследствие Октябрьской революции в политической аксиологии Крюкова обозначилась идея сопротивления злу силой. Писатель выступил против разрушения российского государства, социальной политики большевиков, их антицерковной направленности. Авторская позиция Крюкова соотносится с решением темы донского казачества в произведениях П. Краснова, И. Родионова, И. Шмелёва.

Во время Первой мировой войны, особенно в революционные годы творческим приоритетом Крюкова стал жанр художественного очерка. Документальная, историческая точность, политическая определенность, ясность авторской позиции синтезированы с лиричностью описания, ярко выраженным авторским началом. Художественная изобразительность проявляется в сюжетной, пейзажной, портретной специфике повествования, акустической образности, повторах, сравнениях, метафорах, символизации.

Глава 2. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. КРЮКОВА

Ценностные ориентиры обусловлены целями и смыслом существования человека или общества и напрямую связаны с общими экзистенциальными вопросами о свободе, жизни, смерти, страдании, радости, труде, памяти, долге и проч. Ценностные ориентиры донского казака (казачки) конца 1890-х–1910-х годов в целом соотносятся с общечеловеческими, но и имеют свою социальную и национальную конкретику. В художественной литературе приоритетно изображение прежде всего личностных ценностей²²¹, личность при этом вступает в диалогические отношения с группой личностей, социумом и т.д. В произведениях Ф. Крюкова индивидуум представлен с его групповыми и родовыми связями, в конфликтных или гармоничных отношениях с объективным миром, что, например, отличает реалистичное восприятие писателем человека и в целом жизни от миропонимания экзистенциалистов, сводивших экзистенцию (обретение себя) к единственно личностному существованию, осложненному враждебным миром объективации, трагизмом, бессмысленностью существования перед лицом смерти, чувством абсурдности своей жизни, как Сизифова труда²²².

Противостояние персонажей Крюкова обстоятельствам может быть активным и пассивным, касаться частной жизни и общественной; его последствия – победа или поражение вплоть до гибели персонажа. По сути, характеры персонажей Крюкова подтверждают мысль Н.О. Лосского: «свобода есть необходимое условие абсолютной полноты бытия и

²²¹ Ценность как универсальное понятие сочетает существование личности, мира, природы, общества, потому в изучении понятия «ценности» включены подходы онтологический (принадлежность личности бытию), гносеологический (изучение процесса познания), антропологический (направленность саморазвития личности: «Ценности оказываются воплощением индивидуальных смыслов и значений, высшей формой манифестации личности в мире»), праксеологический (изучение волевого акта, активности человека), герменевтический (понимание мира личностью). *Баева Л.В.* Экзистенциальная природа ценностей: Дисс. ... докт. филос. наук. Волгоград, 2004. С. 26–27.

²²² *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Пер. с фр. // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 222–319.

предельного совершенства»²²³, но сюжеты Крюкова выражают реальность, в которой свобода довольно часто ограничена обстоятельствами: «тварные существа ограничены; своими единоличными силами ни одно из них не может осуществить абсолютную полноту бытия»²²⁴. Как правило, рассказы, повести, очерки Крюкова посвящены проблеме *достаточности или недостаточности человеческого фактора* в реализации конкретных задач и достижении полноты бытия.

Яркая константная характеристика персонажа в произведениях Крюкова – личная свобода, активная действенная позиция, жизнестойкость. Крюков так сформулировал свое понимание природы казака: «и я чувствую, как крепнет во мне уверенность в неистребимости казачьей жизнеспособности и жизнерадостности. Никакие лишения, никакая нужда не согнет ее, эту удивительную натуру, выкованную веками в условиях боевой и трудовой жизни <...> Пережитые испытания лишь укрепляют эту веру»²²⁵ («Камень созидания»).

2.1. Темы жизни и смерти в произведениях Ф. Крюкова²²⁶

Подавляющее большинство повестей и рассказов Крюкова представляют собой сплав социальной актуальности и вечных вопросов существования человека; доминирующее место в содержании его художественной прозы занимает сложный внутренний мир героев, что отразилось и на содержании очерков.

²²³ Лосский Н.О. Ценность и бытие (Бог и Царство Божие как основа ценностей) // Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Сост. А.П. Полякова, П.В. Алексеева, А.А. Яковлева; примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1994. С. 275.

²²⁴ Там же. С. 347.

²²⁵ Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. С. 128.

²²⁶ Основные положения параграфа изложены в статьях автора диссертации: Гао Хань. Концепция жизни и смерти в прозе Ф. Крюкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 5–2. С. 151–154; Гао Хань. Категория трагического в художественной прозе Ф. Крюкова // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 1(49). С. 142–150.

Психология героев, отношение Крюкова к сохранению или разрушению семейной, станичной, трудовой, служебной традиции представлены как повествование о типичном и сугубо личностном факторе жизни человека. При явной индивидуальности характеров большинство героев сходны мировоззренчески, психологически, по бытовой культуре, социальной принадлежности, месту, занимаемому в семье или социальной среде, то есть представляют собой устойчивый тип.

Значимость рассказов и повестей сложно оценить лишь в рамках темы семейного и станичного уклада донских казаков. Казачий менталитет²²⁷ – постоянный предмет изображения, но в нем сфокусированы и универсалии человеческого бытия. Через сюжеты, персонажей, пейзажи, казачьи обычаи, диалоги, лирические вставки писатель выражал свое понимание жизни человека и смысла смерти. При этом, в отличие от философов, популярных среди русской творческой интеллигенции 1900-х–1910-х годов, Крюкова не привлекали мировоззренческие абстракции, он обращался к узнаваемой и повседневной конкретике рядового человека.

Особую тему его прозы представляет выбор между жизнью и смертью. Острота постановки этой темы объясняется конфликтностью общественных отношений и участием казаков в войнах (японской, германской,

²²⁷ Под ментальностью имеются в виду представления о личности, ее аксиологии, в частности коммуникации с обществом и микросредой, онтологических и экзистенциальных смыслах, включая понимание добра и зла, времени, жизни и смерти, свободы и другие составляющие картины мира, унаследованной от предков и изменяющейся в современных условиях. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.; *Гуревич А.* Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 454–456; *Иванова И.И.* Национальная ментальность и национальная философия // Общечеловеческое и национальное в философии / Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.); II международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ. ред. И.И. Ивановой. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/ivanova-ii/nacionalnaya-mentalnost-i-nacionalnaya-filosofiya> (дата обращения: дата обращения: 14.06.2023); *Куюба О.А.* Природа и структура этнического менталитета // Философия и общество. 2004. № 4 (37). С. 89–106.

В публицистике Крюкова времени революции и Гражданской войны актуализировался такой аспект менталитета и в целом существования человека, как «свое» (станичное, традиционное, родовое) и «чужое» (революционная идея). В «Донских рассказах» М. Шолохова, напротив, появляется персонаж, для которого семейное, родовое становится чужим, тогда как революционные идеалы, советский уклад – своим. *Алексеева О.А.* Специфика художественного пространства в ранних рассказах М.А. Шолохова // Филологический журнал. 2007. №1. С. 183–187; *Семёнова С.Г.* «Донские рассказы»: От поэтики к миропониманию // Новое о Михаиле Шолохове: Исследования и материалы / РАН, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 207–281.

Гражданской).

Как отмечалось выше, персонажи Крюкова наполнены *жизненной силой*. Показательно авторское отношение к герою рассказа «Гулебщики», Крюков сосредоточен на его исключительных физических возможностях: «Багор заливался соловьем: богачейший – сильный, гибкий и высокий»²²⁸. В рассказе «Зыбь» выведен такой же психотип казака: «Никишка Терпуг, песенник, удалой боец и забубенная голова. Улица и песни – его радость. Его стихия – кулачный бой. Тут он – артист, щеголь, герой, подкупающий даже противников смелостью мгновенного натиска, ловкостью удара, красотой и благородством приемов»²²⁹. Природной исключительностью наделен и отец героя: «на редкость здоровый, силач, гуляка, весельчак»²³⁰.

Витальная экспрессия, во многом сформированная бескрайней степью и широким Доном, представлена как природная данность. В любви Терпуга и Ульяны («Зыбь») проявляется изначальная жажда полноценной жизни. Страсти казаков и казачек выходят за пределы нравственных рамок, но при этом не сопровождаются авторским осуждением, физиологические детали не оскорбительны, они передают подлинность и глубину чувства: «Когда чуть слышный стон или вздох томительного счастья, радостной беззащитности, покорности коснулся его слуха, он прижался долгим поцелуем к ее трепещущим, влажно-горячим губам»²³¹. Неудержимость натуры человека соответствует энергии живой природы: «Упрямо-неустанно букали водяные бычки: бу-у... бу-у... бу-у... Заливисто хохотали лягушки. Звонко сверлили воздух короткими коленцами какие-то таинственные, маленькие водяные жители»²³². Еще пример – рассказ «Из дневника учителя Васюхина (Картинки станичной жизни)». Главный герой, учитель приходского училища,

²²⁸ Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. М.: АИРО-XXI, 2021.С. 35.

²²⁹ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 215.

²³⁰ Там же. С. 207.

²³¹ Там же. С. 224.

²³² Там же. С. 221.

погружается в мир станицы с ее «невыразимой красотой на всем»²³³, сильными эмоциями, казацкими песнями, естественными влечениями. Отношения с красивой и своевольной казачкой Катей открывают ему подлинный смысл счастья; прежние мысли об однообразии его учительского существования вытеснены блаженством нахлынувшего чувства. Даже болезнь, обрекающая его на угасание, уже не может лишить его жажды жизни: «Лучше и интереснее жизни ничего нет на свете, какая бы она ни была – скорбная ли или весёлая, трудная ли или привольная... И как хочется мне теперь жить, быть здоровым, работать, учить и самому учиться»²³⁴.

Вместе с тем в произведениях Крюкова есть изображение *личного трагизма*. В ряде сюжетов витализму героев противоположны события и состояния, уничтожающие и унижающие человека, ограничивающие его свободу: страх перед расплатой за плотский грех, самоубийство, арест, страдание, тревога, смерть и т.п. Смерть, согласно мысли М. Хайдеггера, – всегда присутствующий «экзистенциальный феномен»²³⁵, при этом феномен личный, но личностью не выбранный. Однако в большинстве ситуаций (за исключением войн, боевых схваток) герои Крюкова сами разрешают ситуацию, сложившуюся между жизнью и смертью.

В рассказе «Душа одна» передан ежедневный и еженощный страх матери за отправленного в военный поход сына. Крюков, описывая ее скорби и мольбы («сама становилась в темный уголок перед темным образом Богородицы Аксайской и в безмолвных слезах изливала Царице Небесной безмолвную, горькую жалобу свою материнскую»²³⁶), строит повествование на психологических деталях, сочетании реальности и снов; выражая к героине эмпатию, он минимизирует эмоциональную дистанцию между ней и собой. Тревога усугубляется открытым финалом сюжета – мать не получает

²³³ Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя. С. 46.

²³⁴ Там же. С. 49

²³⁵ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. С.240.

²³⁶ Крюков Ф.Д. На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 175.

известий о сыне, тем самым в ней живы и надежда на его возвращение, и бесконечный страх за него. В «Гулебщиках» рассказывается о постепенном движении главного героя к смерти: молодой казак участвует в набеге на аул и погибает. Крюков и в этом рассказе прибегает к эмотивному принципу повествования: «Он упал... И боль, так невыносимо давившая темя, вдруг отлегла. Ее сменил покой приятный, легкий покой. Ничего не слышал Филипп, ничего не чувствовал, кроме этого глубокого сладостного покоя и тишины»²³⁷.

Сюжет, в котором плотское искушение приводит к смерти, представлен в «Казачке» (1896). Любовная история замужней казачки передана через восприятие образованного, с развитой эмпатией студента Ермакова. Однако Крюков, описав дружеские, доверительные отношения героев, подчеркнул и их закрытость: Ермаков, по-юношески восхищаясь красотой женщины, не подозревает в ней ту, которая решается на измену мужу с неким станичником, а она не раскрывает ему всей правды о себе. Вместе с тем ее самоубийство открывает ему онтологические истины о жизни и смерти, в герое возрастает ощущение полноты и радости бытия, любви к жизни.

По-видимому, Крюков стремился понять, в чем заключена *целесообразность смерти*. Показательны две ситуации. Одна – гносеологическая: Ермаков познал смысл своего существования. Другая – характерологическая, раскрывающая эмоциональные пределы существования человека. Приведем пример. Вспоминая о маленьком босоногом Панкратке – «охотнике за осколками», который не прятался от снарядов в подвале, а мчался под грохот канонады от воронок к выбоинам, рассказчик записал: «Есть неожиданная и своеобразная прелесть в этом сочетании неистребимой жизненной энергии и близкого веяния смерти»²³⁸ («Цветок-татарник»). Таким образом, смерть дает людям возможность *осознать ценность жизни через*

²³⁷ Крюков Ф.Д. Гулебщики. С. 73.

²³⁸ Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. С. 248, 249.

осознание ее конечности. При этом герои Крюкова не задаются вопросом о существовании души за пределами земной жизни.

Однако *массовые смерти* во время войн с их «безмолвными обугленными руинами хуторов и станиц, горестными братскими могилами и одинокими холмиками под новыми крестами, в траве белеющими костями...»²³⁹ («После красных гостей») не вполне укладывались в процитированную выше мысль о «своеобразной прелести» сочетания витальных и смертных смыслов бытия и скорее говорят об абсолютной гуманитарной катастрофе, *лишенной бытийного и цивилизационного смысла*. Взрывы на родине Крюкова диссонируют с теплым осенним вечером, звуками гармоник и кажутся «нелепейшим недоразумением и бессмыслицей»²⁴⁰; часто звучит вопрос: «Ну, когда она кончится, эта погибель?»²⁴¹ («Усть-Медведицкий боевой участок»). В этом случае смерть осмыслена как эпически-фатальная данность: в борьбе старого и нового строя люди неизбежно и помимо своей воли втянуты в «огромный маховик истории»²⁴².

В публикациях интеллектуалов 1900-х–1910-х годов массовые смерти, кровопролития, которыми отмечена российская реальность, объяснялись либо с точки зрения отвлеченного разума, либо библейской жертвой, либо политическими и социальными обстоятельствами. Как пишет Н.М. Солнцева: «Авторитетен круг мыслителей, морально мотивировавших войны, осмыслявших их как естественное цивилизационное явление. К XX в. идея уместности войны лежала на поверхности»²⁴³. Высказывались мысли «об очистительной и искупительной силе Первой мировой войны»²⁴⁴, например о войне – гигиене цивилизаций (Т. Маринетти. «Программа футуристической политики», 1913»; В. Маяковский. «Война и мир», 1915–1916) и благе (Ф.

²³⁹ Там же. С. 233.

²⁴⁰ Там же. С. 249.

²⁴¹ Там же. С. 251.

²⁴² Там же. С. 249.

²⁴³ Солнцева Н.М. О вкусе поэтов к крови // Stephanos. 2017. №6 (29). С. 154.

²⁴⁴ Там же.

Ницше. «Так говорил Заратустра», 1885), соединении религии и современности, когда смерть в боях Первой мировой войны – аналогия смерти Иисуса Христа на кресте (В. Розанов. «Христово Воскресенье», 1915), а кровь, пролитая в революционные годы, – «всемирное причастие»²⁴⁵ (Н. Клюев. «Красная песня», <1917>). Крюков не искал ответа на вопрос о смысле массовых смертей ни в религии, ни в философии. И в рассказах, и в очерках военного времени для Крюкова далеко не последним был взгляд земляков на смерть. В очерке «Около войны» (1914) он задался вопросами, что дает сражающимся казакам силу пережить лишения и ради чего они идут на смерть. Крюков отмечал, что у казаков на первом месте была забота о семье, большинство не умирали за общественные, религиозные и политические идеалы.

Крюков выражал свою жалости к бойцам; показателен в очерке «Усть-Медведецкий боевой участок» эпизод обстрела пленных расположившимися на противоположном берегу Дона красными, или упоминание о гибели юных бойцов Донской армии, или слова об угасании раненых на больничных койках; в строках «В знойном бреду лежат в землянках и кибитках взрослые – некуда приклонить голову»²⁴⁶ («Здесь и там», 1919) выражена мысль о личной и коллективной катастрофе. Вместе с тем Крюков акцентировал внимание на лихости юных казаков, их пренебрежительном отношении к смерти (ситуация, отмеченная в Панкратке из «Цветка-татарника»), гордости стариков за сражающуюся с красными молодежь. Приведем цитату: «Люди простые и мужественные, люди, в которых сохранилась здоровая казачья кровь, знают ныне только одно слово вперед!»²⁴⁷ («Единое на потребу», 1919). Так ментальностью казаков *снижался трагизм смертельной ситуации.*

²⁴⁵ *Клюев Н.* Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 353.

²⁴⁶ *Крюков Ф.Д.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. С. 257.

²⁴⁷ Там же. С. 280.

Изображая казачий менталитет, Крюков опирался как на знакомую ему реальность, так и на мировую гуманитарную мысль. В круг его чтения входил А. Шопенгауэр²⁴⁸. Соотношение таких противоположностей, как трагизм смерти и витализм казаков, в определенной степени можно соотнести с мыслью Шопенгауэра о том, что «вся природа, включая человека, есть выражение ненасытной жажды жизни, но в самой жизни человеку суждено претерпевать страдания»²⁴⁹; при этом желание большего – причина еще больших страданий; если земная жизнь и воля к жизни конечны, то ценность смерти – в переходе к бесконечности существования, бессмертной воле. Таким образом, согласно выводу Шопенгауэра, смерть – явление индивидуальное, тогда как род не знает смерти.

Смерть для персонажей Крюкова не является настоящей целью существования, а жизнь не ничтожна, что опять же характеризует ментальность казаков. В «Здесь и там» их бегство от красных, исход из родных станиц – с продвигающимися по широкой степи бесконечными обозами, скотом, домочадцами – сравнивается с библейским переселением, таким же трагическим, predetermined и исторически знаковым, но авторская мысль сфокусирована на коренных свойствах казаков: скорбь превозмогалась «здоровым инстинктом самосохранения», верой в одоление беды, надеждой на пропитание и кров, «жизненной упругостью»²⁵⁰.

Итак, проблема жизни и смерти решается Крюковым неоднозначно. В сюжетах о частной судьбе гибель осмыслена им как трагедия личности, приоткрывающая другим полноту и великолепие живой жизни. В описании массовых смертей доминантно сочетание их фатальности и исторической

²⁴⁸ О круге чтения Крюкова, его интеллектуальном багаже можно судить по авторам, упомянутым в его публицистике, в связи с чем Ю. Кувалдин пишет: «ежедневно для совершенствования мастерства записывал хотя бы одну строчку, абзац, и прочитывал на ночь хотя бы одну страницу Чехова или Достоевского, Канта или Шопенгауэра». *Кувалдин Ю.А.* Терпи, казак, ты же – атаман // НГ EXLIBRIS. 2005. №4. С. 3.

²⁴⁹ *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление / Артур Шопенгауэр; [перевод с немецкого Ю. Айхенвальда]. М.: АСТ, 2020. С. 287–288. Цит. по: *Самусёв И.С.* «Воля к жизни» Артура Шопенгауэра, или пролегомены «Воли к власти» Фридриха Ницше // Сб. тезисов докладов 56-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов. Минск: БГУИР, 2020. С. 200.

²⁵⁰ *Крюков Ф.Д.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. С. 256.

обусловленности, вместе с тем Крюков высказался об их полной бессмыслице. На авторскую позицию прежде всего влияет признание витальной силы казаков.

2.2. Бытовая повседневность как драма жизни

В прозе Крюкова показан ежедневный быт донских казаков, описаны психотипы героев. Как правило, их повседневность в той или иной мере описана как жизненное испытание – физическим трудом, военной службой, нищетой, семейными отношениями и проч. Их динамичным характерам созвучно динамичное время. Образы казаков вписаны в узнаваемое пространство станицы, степи, реже – города. В личные и социальные конфликты вовлечены разные слои общества – от простых станичников и призванных на военную службу до лавочников, атаманов, учителей. Особенно выделяются рядовой казак как социальная, хозяйственная, военная основа в иерархии казачества, казак-интеллигент, казачка. Среди героев нет ярких божиих людей (в отличие, например, от написанного в 1919 г. рассказа Вс. Иванова «Анделушкино счастье», персонажи которого – прииртышские казаки).

Изображение повседневности простых станичников и исключительные обстоятельства, в которые они объективно попадают или которые иницируют своим же поведением, создает картину народной жизни, отражая тем самым и «персональную онтологию автора»²⁵¹. Ценностные (явные и скрытые) ориентиры героев Крюкова разнородны, что проявляется, например, в типе труда, материальном положении семьи, характере, интуициях, образовании, физических потребностях, целях, но и сходны,

²⁵¹«персональная онтология автора, его интуитивно-философское самоощущение овеществляется в материи смысла, находит себя в устройстве сюжета, психологии персонажей и символических подробностях придуманного мира». *Карасев Л.В.* Флейта Гамлета: очерк онтологической поэтики. М.: Знак, 2009. С. 9. Так же: *Карасев Л.В.* Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 398 с.

особенно в мечтах о лучшей жизни. В рассказах Крюкова выведены хлеборобы, воины, ремесленники – станичники, которых забота о хлебе ставит перед выбором между терпением и бунтом.

Константная ценность и необходимость рядового казачества – *труд*. Как правило, персонажи рассказов Крюкова – труженики; в большинстве произведений они трудятся на земле.

Показателен рассказ «Будни» (1911), написанный как полилог станичников, представляющих разные психотипы. Основное место в повествовании отдано диалогу хлебороба Муравина, хозяина более двенадцати десятин земли, и хозяина плотницкой артели Лактиона – собственника пятнадцати сажень земли. В монологах и репликах переданы частные и общие проблемы трудовой жизни. Их актуальность, отсутствие в сюжете центрального события, незаконченность персонажных линий придают повествованию очерковый характер; последовательная аргументация, жизненная мотивировка, авторские отступления, отвечающие публицистической специфике текстов Крюкова, во многом созвучны положениям его доклада на заседании первой Государственной Думы.

Основной вопрос быта казаков – хозяйственный. Сквозной мотив рассказа – цифры, через которые подсчитываются траты казака, переданы споры о «легких» и «тяжелых» деньгах, ремесленном и земледельческом труде, харчах без мяса, недороде, отсутствии кормов, «жалком хлебе», «тощем, сморщенном зерне», «сорной мякине»²⁵². Один из персонажей – плотник Матвей: в прошлом солдат, он усмирлял таких же, как сам, но, вернувшись домой, жил на тридцать три копейки в день, вынужден был на свои деньги снаряжать сына на службу, отсидел в тюрьме.

Центральная тема рассказа – диссонанс экономического состояния семей и природного потенциала казаков; голодной нищете автор противопоставляет такие личные качества, как мастерство, талант, артистизм,

²⁵² Крюков Ф.Д. Будни // Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 12.

любовь к труду, мечтательная душа, чувство красоты, даровитость, самокритицизм. Так, плотник Лактион в восприятии рассказчика – художник. Примером служит сильный певческий голос «согбенного нуждой»²⁵³ Ивана Шорша. Рассказчик высказывает мысль о силе национального характера: «откуда этот неиссякаемый запас способности весело, бездумно, беззлобно воспринимать жизнь, предавая забвению ее обрыдливые и удручающие подробности?»²⁵⁴. Вопреки хозяйственным трудностям рассказчик верит в целесообразность жизни: «Как ни плох год, а вид гумен со скирдами золотистой соломы – пусть прошлогодней – все-таки успокаивает глаз»²⁵⁵. В рассказе сформулирована авторская философия жизненного оптимизма: «Звучит пестрыми голосами жизнь, бьется, отстаивает себя, сдаваться не хочет»²⁵⁶.

Характерам персонажей соответствует культура их речи. Крюков активно использовал народно-бытовую лексику, в частности ассоциации, экспрессивные интонации. Например, пострадавший от женской неверности Матвей обращается к Ивановне: «В свете льва злее, змеи лютее? – Баба!»²⁵⁷, на что Ивановна парирует: «Кабы у тебя баба-то была, был бы и ты человеком на белом свете <...> Не человек, а омрак»²⁵⁸. Вместе с тем язык персонажей, живой и подчеркнуто выразительный, не вульгарен.

Но Крюков описывает и типичные для станичников пороки, обостряющие драматизм их бытия. Например, услышав, как в Швеции борются с алкоголизмом, они приходят к выводу о том, что русскому народу без пьянства нельзя. С одной стороны, казаки мечтают о «справедливом устройстве жизни», с другой – в рассказе говорится о «раздоре да сварах», «темной злобе», о тех, «кто посильнее, норовит столкнуть рядом бредущего,

²⁵³ Там же. С. 22.

²⁵⁴ Там же. С. 23.

²⁵⁵ Там же. С. 33.

²⁵⁶ Там же. С. 33.

²⁵⁷ Там же. С. 29.

²⁵⁸ Там же. С. 30.

вырвать кусок, подслужить сытому, продать брата родного»²⁵⁹, о предательстве («нашелся-таки злодей Иуда в своей же семье»²⁶⁰), семейном развале, выраженном в снохачестве, рукоприкладстве, неверности, жестокости – показателях «человеческого одичания»²⁶¹, изумившего рассказчика страшными подробностями. Обыденность обид и унижений объясняет откровение Ивановны об изменах мужа; по ее мнению, «бабы всегда страдающая сторона»²⁶². Если хозяйственные неурядицы автор объясняет, как правило, внешними (конкретными, но и фатальными) обстоятельствами, то межличностные конфликты – результат проявления личной воли. Особенно пагубно она проявляется между супругами.

Семейные отношения для казака – несомненная ценность, но во многом хозяйственного или физиологического порядка. Вслед за Крюковым к теме угасания семейных ценностей в консервативной казачьей среде обращались и другие прозаики, что подтверждает насущность самой проблемы. Например, в произведениях М. Шолохова и Вс. Иванова деградация семейной морали, отмена родовых запретов развита и в контексте социальных потрясений, и как показатель характера. Так, в рассказе «Про казачку Марфу» (1926) Вс. Иванов описал трагедию яицкой казачки Марфы – матери шестерых сыновей, вернувшихся с германского фронта, вступивших в Уральскую армию В.А. Толстова и приговоренных В.И. Чапаевым к расстрелу («казаков дивно перерубил и начал над всеми суды судить», «истреблять их без пощады»²⁶³). В кульминационном эпизоде рассказа Марфа вымаливает у красного командира помилование для одного сына, за которое она воюет в Красной дивизии, командует ротой, отмечена боевыми наградами. Заплатив красным

²⁵⁹ Там же. С. 12.

²⁶⁰ Там же. С. 22.

²⁶¹ Там же. С. 30.

²⁶² Там же.

²⁶³ *Иванов Вс.* Тайное тайных / Подгот. Е.А. Папковой. М.: Наука, 2012. С. 70, 71. По предположению Е.А. Папковой, эпизод созвучен роману Д. Фурманова «Чапаев» (1923): «в 18 году – как же ты там без расстрелов-то будешь? Захватил офицеров в плен, а охранять их и некому, каждый боец на счету – в атаку нужно, а не на конвой, – всю пачку так и приканчиваешь... Да все едино, – они нас миловали что ли?» Там же. С. 467. [Фурманов Д. Чапаев. М., Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 160.]

долг за жизнь сына, она возвращается в станицу. Хозяйство сына поднялось, но он считает, что мать – лишний рот. История героини заканчивается ее уходом из родного дома. В ряде произведений Крюкова корнем зла показан сам человек, в большинстве его рассказов события происходят до 1917 г. и конфликты разгораются прежде всего на бытовой или любовной основе. Например, в «Буднях» прозвучала бытовая причина разладов – это ранние браки, обусловленные стремлением укрепить хозяйство семьи; писатель отметил и силу привычки, смирение перед семейными обстоятельствами: «Супруги сживаются, плодят детей, работают над созиданием хозяйственного благополучия»²⁶⁴.

Но в «Буднях» Крюков описал и *рост политического сознания* казаков, которое вносит в их жизнь социальные конфликты. Показательны следующие детали повседневности: они хотят выписать газету «в складчину», чтобы читать ее «всей улицей»²⁶⁵, высказывают мысль о «роковой неправде»²⁶⁶ общества, разделенного на угнетаемых и господ, у которых в собственности степи, луга и леса. Острота социального недовольства объясняется жертвами войны (в рассказе говорится о калеке, вернувшемся с фронта) и «великим позором»²⁶⁷ в русско-японской войне.

Поставлен вопрос о сложном экзистенциальном и социальном выборе. Так, Маметкул, получивший политическое образование в тюрьме, говорит о долготерпении народа, который не станет бунтовать, даже если его привязать веревкой за шею. Точке зрения персонажа соответствует отступление автора о «безглагольном»²⁶⁸ народе. Казаку предстоит сделать выбор между присягой и «упорным ожиданием перемен»²⁶⁹, между идеей и родственными связями: Маметкул рассказывает о сотенном командире, готовом стрелять в брата ради

²⁶⁴ Крюков Ф.Д. Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 31.

²⁶⁵ Там же. С. 22.

²⁶⁶ Там же. С. 24.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же. С. 34.

²⁶⁹ Там же. С. 25.

верности присяге. Так в рассказе прозвучал мотив, впоследствии развернутый М. Шолоховым и Вс. Ивановым. В рассказе Иванова «Про двух аргамаков» (1926) описан конфликт братьев – яицких казаков, один из которых большевик, «спаситель социализму»²⁷⁰, другой бьется за веру под началом генералов; противостояние разрешается гибелью одного брата от руки другого.

Отмеченные выше ценностные ориентиры подтверждаются большим корпусом текстов. Например, донские казаки из рассказа «Галуны» (1910) не расстаются с надеждой изменить и жизнь, и свою судьбу через упорный труд. Казак Чичеров рассчитывает исправить бедственное положение своей семьи службой, сторублевым пособием на коня, трудовым довольствием в 75 рублей и ежемесячными кормовыми в 3 рубля. История Чичерова – центральная в сюжете. Герой приезжает в отпуск, решает или сохранить деньги на приобретение ветряка, или пустить их в торговлю. Однако препятствием выступает поступок члена семьи: деньги уносит сестра жены Чичерова. От отчаяния героя спасает надежда на помощь горних сил, с молитвой он обращается к иконе.

В большинстве рассказов персонажи, устремленные к преодолению зла (несвободы, нищеты и проч.), проходят через испытания. Ссылный казак Ефим Толкачев из рассказа «В родных местах» (1906) семнадцать лет проводит в Сибири, где стремится обустроить жизнь свою и приехавших к нему жены, двоих сыновей: он строит избу, берет надел, приобретает трех лошадей. Его скромное благополучие разрушается рядом обстоятельств. Знакомый киргиз предлагает обменять его лошадь на двух украденных лошадей; Ефим отказывается, киргиз исчезает, вскоре распространяется слух о его убийстве, и Ефима, его сыновей арестовывают; после десяти месяцев тюремного заключения выясняется, что киргиз жив. Ефим отпущен на свободу, но судьба продолжает испытывать его: умирает жена, сыновья

²⁷⁰ Иванов Вс. Тайное тайных С. 68.

проводят дни в пьянстве и попадают в тюрьму, хозяйство оскудело. Герой возвращается на Дон, но смена обстановки не освобождает его от бытовых тягот: брат отказывается платить долг, Ефим становится участником ярмарочной драки, его вновь арестовывают. В финале рассказа герою удается сбежать из заключения, но событийная сгущенность сюжетной линии раскрывает тему обреченности казака на удары судьбы. Ефим признает над собой волю рока и называет свою жизнь волчьей – волка ноги кормят.

Если в «Буднях» указано на социальную несправедливость, сопровождающую жизнь трудового казачества, в «Галунах» решающим обстоятельством бед казака из низов показан человеческий фактор, то в рассказе «В родных местах» жизненные неудачи во многом обусловлены роковой предопределенностью. Так в одном сюжете сплетены постоянные мотивы труда, испытаний, рока, личного выбора, семьи, надежды. Вместе с тем истории, описанные в трех рассказах, объединяет тема *веры в изменение судьбы* либо через обретение казаком нового сознания, либо через помощь высших сил, либо через личную волю.

2.3. Мотив бунтарства в прозе Ф. Крюкова

В «Будни» Крюков ввел истории о подавлении бунтов винтовками, высказывания идти штурмом за казачьи права, мотив личной готовности сопротивления злу силою. Как говорит Маметкул: «ежели бы всеобщая забастовка, – бросил бы все: и жену, и детей, и хату, и леваду... Все!»²⁷¹. В ряде рассказов появляются герои-бунтари, через которых Крюков выразил мысль о необходимости активной социальной позиции простого труженика. Согласно точке зрения Н. Бердяева, личность прежде всего проявляется в «победе над тяжестью мира, торжестве свободы над рабством»²⁷².

²⁷¹ Крюков Ф.Д. Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 28.

²⁷² Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Париж: YMCA-press, 1972. С. 23.

Крюков, писатель-реалист, исходил из того, что в жизни человека и общества есть добро и зло. Такой взгляд на мироустройство соответствует онтологической теории ценностей его современника Н.О. Лосского: бытие «есть добро и зло»²⁷³. При многообразии типов зла²⁷⁴ в произведениях Крюкова о бунтарях поступки и реплики персонажей направлены прежде всего против *зла социального*. Создававший рассказы в годы Серебряного века, Крюков в понимании зла – традиционалист, не принявший эстетизации зла, изображения его притягательным и противостоящим однообразной повседневности. На названную антитезу указывает Л. Свендсен²⁷⁵; он же описывает зло как многообразное, многогранное явление. Кроме того, Свендсен не соглашается с представлениями о необъяснимости зла и справедливо полагает, что зло (помимо своей абстрактности) проявляется в конкретных формах (голод, убийство и проч.) и является человеку непосредственно; вместе с тем он допускает отсутствие смысла в большинстве случаях проявления зла. Для Крюкова зло – не объект эстетики, а судьбоносная проблема со своей конкретикой, непосредственно касающейся человека и вполне объяснимой. Противостояние злу – сюжетобразующий мотив большинства произведений Крюкова.

Условия зарождения социального самосознания рядовых казаков, выраженного либо в *стихийном бунте*, либо в *организованной борьбе*, – сквозной мотив повести «Зыбь» (1909).

Крюков через бытовые, звуковые, пейзажные детали описал трудовые будни казачьей станицы на переходе от голодной зимы к весне: с восходом солнца пространство заполнялось звуками кочетов, овец, гусей, арб с сеном, возов с мешками зерна, кнута и проч.; старая кобыла предчувствовала

²⁷³ Лосский Н.О. Ценность и бытие (Бог и Царство Божие как основа ценностей). С. 287.

²⁷⁴ Лосский помимо трех видов зла, рассматриваемых философами, – метафизического, нравственного, физического, называет виды зла душевной жизни, социальное зло, сатанинское и др. Там же. С. 347.

²⁷⁵ Свендсен Л. Философия зла / Пер. с норв. Н. Шинкаренко. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 353 с. Свендсен указывает на четыре стратегии происхождения зла: сверхъестественная сила зла управляет человеком; поведение собственно человека – зло; влияние на человека внешних обстоятельств; человек делает свободный выбор в пользу зла.

двухнедельную изнурительную работу на тяжелой пашне; детально изображена скудная, истощенная, голая земля. Главный герой – двадцатилетний Никифор Терпуг. С одной стороны, он испытывает радость хозяина собственной пахотной полосы, самостоятельного труда, с другой – осознает плачевное состояние семьи: пара молодых быков и корова ушли на снаряжение брата Родиона в полк; жена Родиона нанялась в работницы к попу-вдовцу, мать-старуха – на поденную, физически тяжелую работу. Сам Никифор приучен к труду с раннего возраста. У семьи есть единственная старая седая кобыла, чей вид символичен для характеристики бедняцких хозяйств: ее бока «были желтые от навоза, шея местами облезла, а спина – острая, как пила»²⁷⁶. Такой же серой, унылой предстает в рассказе жизнь Никифора Терпуга, в образе которого Крюков изобразил положение бедняцкого казачества.

Как в приведенных выше рассказах, так и в «Зыби» бедственное хозяйственное состояние семьи Терпуга противопоставлено его богатой, яркой натуре: он трудолюбив, силен, увлечен книгами, знаменитый в округе песенник и кулачный боец, в бою смел и артистичен. Крюков ввел в повествование большое поэтическое отступление о красоте и смысле кулачных боев, в котором Терпуг представлен опытным, беззлобным бойцом, уважающим противника; описана мужественная красота героя, упоенного боем.

Эмоционально Терпуг восстает против несправедливого порядка жизни, безгласного и смиренного существования народа, но сам продолжает терпеть. Он и его приятель урядник Егор Рябоконеv ведут разговоры об антицерковной позиции Л.Н. Толстого, о Гарибальди, социальной пассивности казаков и проч. Терпуг задается вопросом, с чего начать переустраивать жизнь, и Рябоконеv обещает дать ему роман «Андрей Кожухов» (1889; русский перевод

²⁷⁶ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону С. 204.

– 1898, изд. в Женеве). В упоминании романа С. Степняка-Кравчинского²⁷⁷ (1851–1895), по сути, содержится ответ на вопрос Терпуга. Написанный революционером-профессионалом, народником, террористом, убийцей шефа жандармов Н.В. Мезенцова, переправлявшийся в Россию небольшими партиями «Андрей Кожухов» стал культовым произведением, его читательская аудитория была широка – от сормовского рабочего П. Заломова (прототип Павла Власова из романа М. Горького «Мать», 1906) до Л. Толстого. Обращение Крюкова к этому роману можно рассматривать и как указание на цели борьбы: в 1900-е годы общественным идеалом автора «Зыби» был социализм.

Крюков описал казачье общество в эпоху общественных надежд. Если символом надежды на урожай была облезлая церковка, а Терпуг, редко обращавшийся к Богу за помощью, по-детски искренне просил Его о дожде, то чаяние коренных перемен было связано с книгами. Большое место в повествовании отведено разнородным читателям – от голодранцев до раскольничьего батюшки и станичного казначея. Станичники собирались в мастерской слесаря Памфилыча, который получил много книг от сына – рижского околоточного. Их содержание возбуждало в персонажах негодование, сопровождалось обсуждениями, спорами, в том числе о власти. В среде богатых казаков и голытьбы остро стоял вопрос о земле. Причем Крюков отмечает такие особенности казачьей повседневности, как недоедание и лишения, но и упорное накопление, ростовщичество, воровство и другие грехи, через которые добывался достаток и устанавливался порядок жизни. Не менее принципиален спор о том, насколько общественный порядок соответствует ценностям Святого Писания, и казаки приходят к мысли об устоявшемся беззаконии, которым нельзя объяснить богоустроенный мир.

²⁷⁷ Дальцева М.З. Счастливый Кит: Повесть о Сергее Степняке-Кравчинском». М.: Политиздат, 1979. 335 с.; Маевская П. Слово и подвиг. Жизнь и творчество С. М. Степняка-Кравчинского». Киев: Наукова думка, 1968. 227 с.; Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М.: Худож. литература, 1973. 540 с.

Крюков, отразив многополярность казачьего мира, сделал акцент на неоднозначности решения вопроса о формах борьбы. Если начитанный Рябоконеv отстаивает силу идеи и роль партии в достижении справедливости, то призывающий к забастовке Семен Копылов сводит борьбу к разрушению (как иронично замечает Рябоконеv, разгрому монополии, краже лошадей).

Отметим важный мотив повести – революционные идеи соотносятся персонажами с религиозными, что соответствовало реальности («Христианское братство борьбы» В. Свенцицкого и В. Эрнa, впоследствии идеи голгофских христиан). Копылов ассоциирует себя с пророком Илией и мечтает, чтобы рядом с ним был бы некто, сходный с пророком Енохом, – тогда он показал бы миру настоящие громы и молнии. Имеется в виду толкование о том, что Илия и Енох будут посланы к людям до пришествия Спасителя, будут пророчить 1260 дней, станут свидетелями апокалипсиса и, убитые зверем из бездны, но ожившие («вошел в них дух жизни от Бога». Откр. 11: 11), будут взяты живыми на небо. Громы и молнии, которыми грозит Копылов, отсылают, скорее всего, к следующим словам Откровения Иоанна Богослова: «И если кто захочет обидеть, то огонь выйдет из уст и пожрет врагов их; если кто захочет их обидеть, тому надлежит быть убиту» (Откр. 11: 5).

Книги ставят перед Терпугом новые вопросы, порождают новые мысли и смутные мечты, которые открывают ему прекрасный мир, несозвучный его старой хате под пропревшей крышей и непрерывной работе. Он мечтает о новом Ермаке или Разине, о схватке со злой силой в чистом поле, а станичники предрекают ему арест, Сибирь или Сахалин. Ранее он принимал мысли Рябоконева на веру, но, вслушиваясь в слова Копылова о дани, которую надо взять с купцов, попов и прочих богачей, соглашается с ним, с его стремлением действовать и не ждать, когда народ накопит силы.

В реальности романтические мечты Терпуга об опасности, подвиге, набеге и расправе искажены анархо-бытовым экспроприаторством: он и

Копылов присваивают товары купца Рванкина, по сути грабят содержимое его лавки, забирают выручку в бакалейной лавке купца Дуванова. Крюков отмечает поддержку Терпугу и Копылову со стороны казачества, недовольного купцами, заодно и налогами, иногородними, в целом «русью»: «Когда в станице к вечеру узнали, что Терпуг и Копылов добыли товару и денег у купцов, то прежде всего удивились и прониклись невольным уважением к героям, точно им удалось перешагнуть, наконец, заколдованную черту»²⁷⁸.

Побег из-под стражи возвращает Терпугу чувство казачьей вольницы, гордости и бесстрашия, рождает в нем презрение к преследователям. История Терпуга заканчивается его гибелью от ударов в затылок: «Терпугу вдруг показалось, что он споткнулся и с шумом покатился по старой крыше своей хаты вниз, а внизу, возле капустного рассадника, кружились и ворковали три голубя. Он ткнулся лицом в землю и сейчас же напряг все силы, чтобы вскочить на ноги, но лишь судорожно подергал задом и зацарапал землю руками...что-то хрустнуло. Кровь показалась над ухом. Терпуг стремглав полетел в бездонный, темный погреб, в котором было пусто и немо...»²⁷⁹.

Повествователь сохраняет авторский нейтралитет, что усиливает впечатление от поступков и реплик героев. Скорее всего, определенную роль в таком стилевом решении мог сыграть М. Горький, редактировавший и опубликовавший «Зыбь» в «Знании». Имея в виду финальный эпизод, Горький посоветовал Крюкову занять позицию стороннего наблюдателя: «Пусть герой, в гневе и ярости, звезды гасит дуновением своим, а вы, автор, останьтесь и при сем зрелище в сторонке. Может быть, со стороны-то и в трагедии увидится смешное, а в комедии – трагическое. Вообще не следует вмешиваться в столкновение своих героев – они же суть ваши читатели – они сами по себе»²⁸⁰.

²⁷⁸ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 244.

²⁷⁹ Там же. С. 265.

²⁸⁰ Письма М. Горького к Ф.Д. Крюкову. 1909 г. / Публ. Б.Н. Двинянинова // «Русская литература». 1982. №2.

Итак, в повести «Зыбь» отражены две тактики борьбы – партийная и стихийная. Основная часть повести «Шаг на месте (Картинки казачьей мобилизации)» (1907) отдана подробному изображению нарастания стихийных массовых погромов, предпринятых призванными на военную службу казаками. Крюков указывает на условия созревания бунтарских настроений.

Помимо *экономических* проблем, связанных с бедняцкими хозяйствами, назван ряд других мотивов, побуждающих к бунтарству. Спецификой казачьей жизни 1900-х годов было *недовольство* определенной части казаков *службой, исполняемой в полицейских целях*. В повести «Шаг на месте» поставлена поднятая Крюковым на заседании первой Государственной Думы проблема использования казачьего ресурса для подавления массового сопротивления, о чем рассуждают два брата-интеллигента из казачьей среды: «Мы – усмирители. Масса еще не представляет себе, какая позорная роль на нас возложена»²⁸¹. Оба, предвидя исторический перелом, высказываются о переменах в сознании современных казаков, которых из поколения в поколение приучали «мыслить по швам»²⁸². Как замечает один из них, «но кое-кто уже шевелится»²⁸³.

На страницах «Истории войска Донского» (1909) П. Краснова роль казачества в подавлении общественных недовольств оценена, напротив, как героическое противостояние внутренним врагам. П. Краснов делает акцент на том, что казаки более чем на два года были оторваны от семей и усмиряли бунтовщиков, жертвуя своими жизнями; особенно тяжелое сопротивление было в западных губерниях, в крупных городах; 24 января 1906 г. войско Донское было пожаловано грамотой императора за служение отечеству, преданность престолу; подтверждались все прежние права донских казаков,

С.96.

²⁸¹ Там же. С. 96.

²⁸² Там же. С. 97.

²⁸³ Там же.

неприкосновенность угодий, владений и проч.

Вместе с тем Краснов отмечает появление на Дону «презренных людей»²⁸⁴, подбивающих донскую молодежь к волнениям. При этом он, имея в виду необходимость борьбы с агитаторами, обращается к тексту Евангелия: «лучше было бы для них, если бы им навесили жернов на шею и потопили в морской пучине, нежели совратить детей, как делали они...»²⁸⁵ (Ср.: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской»). Мф. 18: 6).

В подтверждение мысли о грядущих переменах Крюков вводит в повествование историю мобилизации казаков для подавления противоправительственных выступлений²⁸⁶. На конкретном примере показан, во-первых, переход казаков от бытового недовольства к политическим лозунгам и, во-вторых, их неготовность к борьбе за социальные идеалы.

Так, казаки поднимают «форменный бунт»²⁸⁷ из-за сбоя раздачи фуража; задержка с выступлением в связи с неясностью пункта назначения приводит к истощению кошелька («приходилось жить с копейки»²⁸⁸); сторублевое пособие побуждает к моральному падению («взятые от плуга, от труда, в станицах и хуторах смиренные и приличные, здесь теряли человеческий образ, жили по-скотски, в грязи, в полной праздности, одичавшие от пьянства,

²⁸⁴ Краснов П.Н. История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М.: Вече, 2007. С. 428.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Согласно «Уставу о воинской повинности Донского казачьего войска» (1874) в мирное время запрещалось выводить мобилизованных второй и третьей очередей за пределы Донской области. В повести идет речь о третьей очереди мобилизации; использовать казаков предполагалось в Курской губернии. Отказ казаков от исполнения полицейских функций считался редким; вместе с тем известны случаи неповиновения: в 1906 г. Донская казачья сотня (г. Бахмут) выступила на защиту митинга рабочих, вступив в бой с драгунами кавалерийского полка; казаки четвертой Донской казачьей дивизии вступились за восставших крестьян Старицкого уезда Тверской губернии, открыв огонь по армейской части; сотня третьего Донского казачьего полка (г. Вильно) встала на защиту рабочих и т.д. Особенно протесты против использования казаков в подавлении противоправительственных действий активизировались с учреждением первой Государственной думы.

Ср. с цитатой из рассказа «Шквал» (1909): «Они публично говорили, что не следует второй и третьей очереди идти внутрь России, а следует только охранять ее от внешнего врага и границы... Но почему они умалчивают о том, что внутренний враг нарушает спокойствие России и приводит ее к разорению?..» (Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 185).

²⁸⁷ Там же. С. 114.

²⁸⁸ Там же.

безобразные и жалкие»²⁸⁹). Человеческий образ теряют и офицеры: экономия на фураже позволяет им пьянствовать, не стесняться себя в расходах, отдаваться азартным карточным играм. Их недостойное поведение вызывает иронию и презрение у рядовых, которые для начальства – «темень, со-ор! <...> скотина»²⁹⁰. Крюков вводит в повесть эпизоды, которые говорят об озлоблении рядовых казаков. Следующий шаг в действиях казаков выражен в эпизоде митинга: оратор-фельдшер обращается к «товарищам-станичникам»²⁹¹ с призывом превозмочь трусость и отказаться охранять богачей от голодного народа. Слова оратора вызывают сочувствие даже у полицейского урядника – у него мобилизовали двоих сыновей. Третий этап – забастовка полка, которая, однако, заканчивается расхищением магазина и погромами винных лавок: «Было что-то заразительное, захватывающе-увлекательное в этой работе разрушения»²⁹².

Крюков как член партии народных социалистов осознавал неготовность казаков к изменениям социальных и политических основ Российской империи. Их бунтарские инициативы изображены как стихийное выражение темперамента, воинственного характера, индивидуального максимализма. Показательно душевное состояние погромщика: Кондрат Попов «не чувствовал, в сущности, ни настоящей злобы, ни сознательного протеста против службы или начальства, но у него дух захватывало от радости, когда стали разрушать эту удивительную для него, роскошную обстановку, бросаться на “ура” за летавшими из-за стойки бутылками, сбивая с ног друг друга и падая. Пьяные, неистово кричащие, хохочущие, растерзанные люди из кожи лезли, желая показать себя. Кондрата несколько раз опрокидывали, топтали»²⁹³.

Но Крюков не сводил причин разгрома чужой собственности только к

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же. 116.

²⁹¹ Там же. С. 119.

²⁹² Там же. С. 126.

²⁹³ Там же. С. 126-127.

азарту и чувству вседозволенности. Он назвал комплекс факторов, побуждавших рядовых казаков к недовольству устоями. Стимулом грядущего политического просвещения казаков он считал *специальную литературу*, которую привозит в станицу один из персонажей, а также прокламации, собирающие станичников на митинги. Значительную роль в политическом образовании народа Крюков возлагал на молодую интеллигенцию: «Ждут студентов, мечтают в то же время о каких-то особенных забастовках, чтобы сделаться хозяевами»²⁹⁴. При этом, как в других произведениях Крюкова, в «Шаге на месте» сами казаки стремятся разрешить общественно-политические споры, обращаясь к религиозной аксиологии. Кроме того, Крюков указал и на *этноментальную* самодостаточность казаков, отстаивающих охранительную идеологию: вслед за предложением выгнать из «Рассеи» хулителей власти следует призыв выгнать всех русских.

Одной из причин пробуждения в казаке критического отношения к традиционному порядку вещей называется *русско-японская война*; как пишет Крюков в публицистическом отступлении, воспитанное в казармах и на смотрах чувство гордости было оскорблено: «Старые устои пали <...> Маленькая земелька, маленькие люди, не нашего Бога, били нас и как били! Сперва в станице думали: бьют потому, что казаков мало у Куропаткина. Но послали казаков – и казаков били...», «И через это нас и маленькая земля Япония побила»²⁹⁵. Стыд за империю, показанный Крюковым, созвучен отношению казаков к поражению в войне, описанному П. Красновым в «Истории войска Донского». Так, приведенная выше цитата коррелирует со словами Краснова об ужасе станичников, узнававших, что «маленький японец бьет нашего солдата и мы отступаем <...> Старые казаки плакали и не понимали, что же сделалось с нашими войсками, что погубило нас»²⁹⁶.

Но отметим принципиальную разницу в отношении персонажей

²⁹⁴ Там же. С. 88.

²⁹⁵ Там же. С. 99, 119. Теме казака в русско-японской войне посвящен также рассказ «Станичники» (1906).

²⁹⁶ Краснов П.Н. История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. С. 424.

Крюкова и казаков Краснова к властям. В прозе Крюкова звучит сарказм казаков, адресованный генералам, которые «удирали» с позиций и бросали солдат «на пропащее», «понабрали с собой девок, воровали, пьянствовали»²⁹⁷. Кроме того, на митинге прозвучали слова о трусости, молчании, терпении, «рабском страхе»²⁹⁸ перед властями, обращенные к самим казакам и всей России. Краснов, напротив, писал об утешении казаков – рождении в императорской семье наследника престола, который в тот же день был назначен атаманом казачьих войск.

Таким образом, повесть в определенной степени представляет собой художественную аналитику; в ней представлена авторская систематизация причинно-следственных связей «казаки – несозревшая новая идеология – формы противостояния – экономический фактор – политика власти». Однако вопреки критическому отношению автора к уровню общественного самосознания казаков, их моральному и духовному состоянию («Нынешняя служба привила половине их сифилис, привычку к безделью, уверенность в безнаказанности...» и т.п.) в возвышенной тональности финальных абзацев выражена надежда на «свободную, полную жизнь», на то, что «солнце свободы и правды взойдет»²⁹⁹.

О пробуждении политического сознания казаков, связанном с первой русской революцией, Крюков написал рассказ «Шквал» (1909). Авторское обозначение «очерк» подчеркивало актуальность и подлинность происходящего.

Описанные события отнесены ко времени до и после роспуска Государственной Думы первого созыва (9 июля 1906 г.), они отражают реальную ситуацию, сложившуюся в среде Донского казачества. Вдохновленные общей ситуацией в империи (появлением Манифеста императора от 17 октября 1905 г., даровавшего гражданские свободы,

²⁹⁷ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 99.

²⁹⁸ Там же. С. 119.

²⁹⁹ Там же. С. 137.

избирательные права³⁰⁰), персонажи «Шквала» составляют свой «наказ». По сути, Крюков описал события, действительно произошедшие в окружной станице Усть-Медведицкой: 17 мая 1906 г. на станичном сходе решался вопрос об имущественном состоянии и семейном положении мобилизованных казаков-льготников, иначе – об их призыве для несения внутренней службы, против чего выступили станичники; кроме того, сход составил «Наказ Усть-Медведицкой станицы донским казакам», в котором шла речь об отказе охранять помещичьи имения, фабрики, по сути – нести полицейскую службу. Такой же «наказ» был составлен в станице Усть-Быстрианской; в нем же содержались политические требования (провозглашение конституционной монархии, придание Думе статуса высшего законодательного органа).

В рассказе Крюкова станичники и в «наказе», и на сходе, и на митингах высказываются против их использования в подавлении противоправительственных действий, выступают за выборность всех должностных лиц, обсуждают расходы из госбюджета на содержание должностных лиц и прочее. В «наказе» казаки требуют не только свободы слова, собраний, союзов, но и передачи власти государя и министров Думе. Особенно радикально звучит требование республики, что вызывает недоумение у генерала Якова Иваныча; «свободу воли» он называет «бессмысленной ерундой»³⁰¹; он говорит: «Ведь нельзя же республику», «мы не должны быть республиканцами!»³⁰²

Экономическая и политическая ситуация во многом передана через сознание Якова Иваныча – консервативно мыслящего человека, оказавшегося на пике общественных волнений и тщетно пытавшегося мягкими мерами

³⁰⁰ От Области войска Донского в Думу вошли 12 депутатов, 6 из них – представители собственно казачества. Партийная принадлежность донских казачьих депутатов следующая: двое – кадеты, один – примыкающим к этой партии, двое – в составе прогрессистов («Прогрессивной партии мирного обновления», один – членом так называемой «трудовой группы» (трудовиков). Наиболее известные – кадет, учитель Новочеркасской женской гимназии В.А. Харламов, товарищ прокурора Таганрогского окружного суда М.П. Араканцев, писатель Ф.Д. Крюков.

³⁰¹ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 151.

³⁰² Там же. С. 150, 154.

наладить казачьи хозяйства, вернуть преданность казаков императору, «отстоять священную помещичью собственность»³⁰³. Не имеющий ни одной десятины собственной земли и всю жизнь прошедший в строю, Яков Иваныч проклинал старое барство, но он был человеком присяги. Слова студента-оратора «сыпались и сверкали, как бисер, острые, неуловимые, занозистые, и впивались тонкими, отравленными стрелами прямо в сердце»³⁰⁴.

Крюков показал тщетность попыток генерала. В условиях бунтов наивны его призывы молиться за урожай, заняться травосеянием и искусственным орошением, вспомнить о славе и храбрости преданных власти предков, быть верными службе; наивно его стремление противостоять погромам, устроенным мобилизованными, а также гимназистам с красными флагами, «эпидемии митингов»³⁰⁵, в которых участвовали простые станичники и офицеры, попы, старики, купцы, молодежь, его дочь. «Он напоминал о заветах предков, подгонял, увещевал, предписывал и описывал»³⁰⁶, он упрекал донских депутатов Думы в том, что они предложили «спустить со службы мобилизованные полки»³⁰⁷, но собственные слова представлялись ему невыразительными и тусклыми.

Внимание Крюкова сосредоточено на психологическом состоянии генерала, его смятении, понимании безрезультативности усилий ввести потоки жизни в прежние берега. Автор часто использовал эмоциональную лексику, передающую неадекватные, чрезвычайные состояния героя: «Когда пришла смута, генерал несколько растерялся, как и все генералы в то время», «страх висел над ним темной, качающейся глыбой», «но такое предположение рождалось где-то в далеких тайниках испуганной души и отравляло жизнь медленным ядом мучительного беспокойства», «он терпеливо выпил чашу

³⁰³ Там же. С. 149.

³⁰⁴ Там же. С. 156.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Там же. С. 145.

³⁰⁷ Там же. С. 184.

неприятностей»³⁰⁸ и т.п.

Слух о роспуске Думы всколыхнул и объединил казаков. Генерал не узнал прежде почтительной и податливой толпы. Он убеждал себя в том, что станичный сбор – как готовый к ярму табун быков, но увидел перед собой молодого, улыбающегося, со смысленными глазами казака – уполномоченного хутора, услышал крики возбужденной толпы и требование оратора выпустить составителей «наказа» – доктора, священника, есаула, хорунжего, арестованных по предписанию войскового наказного атамана. Следующий поступок генерала подтверждает мысль автора о силе объединенного общей идеей коллектива: Яков Иваныч принял разумное решение – отправил телеграмму-ходатайство об освобождении арестованных.

В последующих событиях Крюков описал формы расправы: «милейший Яков Иваныч»³⁰⁹ смещен, его место занимает готовый к репрессиям генерал Угорь; священник лишен сана, бакалейщика арестовали за запрещенную брошюру; у доктора во время обыска находят нелегальную литературу «Записки революционера» (1902, 1906) (очевидно, что речь идет о работе П.А. Кропоткина), среди нелегальной литературы обнаружены «Журнал для всех»³¹⁰, статьи Л. Толстого, «Былое»³¹¹, доктору предписали оставаться в пределах местности. Воодушевление народа сменилось скукой будней.

Показателен рассказ «Счастье» (1911), один из мотивов которого – проникновение в простонародную среду идей социализма. Главный герой, молодой казак Сергунька, увлекается чтением книг и сочинением стихотворений. Композиционно рассказ делится на три части. В первой

³⁰⁸ Там же. С. 148. Курсив – *Гао Хань*.

³⁰⁹ Там же. С. 196.

³¹⁰ Ежемесячный журнал, издавался в Петербурге с 1896 г. по 1906 г. Задуман как журнал для народа. В состав номеров входили научно-популярные и литературные публикации, а также политические обозрения. Закрыт в связи с появлением материалов о стачечном движении.

³¹¹ Предполагаем, что имеется в виду ежемесячный журнал «Былое», посвященный истории российского освободительного движения (в 1900–1904 гг. шесть номеров сборника «Былое» изданы в Лондоне, Париже, Женеве). Выходил в 1906–1907 гг. (также в 1917–1926 гг.) объемом 20 п.л., тиражом 30 000 экземпляров. Обозначенный Крюковым как нелегальный, это был первый легальный журнал по названной тематике, однако просуществовал год, был закрыт в 1907 г. *Лурье Ф.М.* Хранители прошлого: журнал «Былое». СПб.: Лениздат, 1990. 255 с.

показано непонимание средой, в частности семьей, страсти героя к книгам, а не к церковной грамоте. Во второй Сергунька предстает признанным станичниками поэтом; его ценят за гражданскую лирику, сатирическую по отношению к станичной власти поэму, тогда как чистая лирика оставляет их равнодушными. В третьей герой изображен арестованным и заключенным по приказу генерала в «каталажку»; именно в тюрьме Сергунька предстает человеком, размышляющим о внутренней свободе.

Из ряда рассказов видна роль *казахьей интеллигенции* в изменении сознания рядовых казаков. С образами образованных казаков связаны мотивы просвещения народной среды, распространения запрещенной литературы, формирования жизненной стратегии. К станичной интеллигенции прежде всего относятся врачи и учителя. Кроме того, простые станичники ждут правдивого изложения событий и формулирования общественных задач от гимназистов, которым Крюков отводит существенное место в революционной агитации, несмотря на то, что собственно гимназическая жизнь представляется ему скучной и статичной, убивающей свободомыслие и интерес к знаниям, «унижающей личность, притупляющей мысль», культивирующей смирение и «рабы инстинкты»³¹² («Картинки школьной жизни», 1904).

Роль интеллигенции в жизни казаков объясняется ее политическими и гуманными устремлениями. Сюжет рассказа «Из дневника учителя Васюхина» (1903) сфокусирован на личности молодого человека, умершего от чахотки и оставившего после себя личный дневник. Повествовательная форма рассказа (дневника) в рассказе усиливает эффект достоверности. Вернувшись из города в станицу, Васюхин приобщается к станичной жизни. Он – авторитет и «живая газета» для казаков, а также лекарь, юрист; отец считает его человеком необыкновенной учености (первое время обращается к

³¹² Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО–XXI. С. 62.

нему на «вы»), мать его «дичится»³¹³.

В то же время Крюков акцентирует внимание на личности учителя, различиях в менталитете образованного человека и непосредственных в своих суждениях казаков: «я неизменно и постоянно чувствую, что что-то отрезало меня от моего народа, что на меня он смотрит уже не как на своего, со мной говорят не просто и не откровенно»³¹⁴. Герой слышит непринужденный хохот, крепкое слово, наблюдает за вольным отношением казаков и казачек, и в нем «вспыхивает кровь»³¹⁵. Пребывание на родине укрепляет в нем любовь к подлинным ценностям, естественности чувств; его преждевременный уход из жизни сопровождается словами: «Лучше и интереснее жизни ничего нет на свете, какая бы она ни была – скорбная ли или веселая, трудная ли или привольная...»³¹⁶. Подобная психологическая ситуация описана в рассказе «Казачка» (1896). В белом кителе и летней студенческой фуражке, приехавший из Петербурга в станицу Ермаков воспринимается как ученый человек со стороны. Он также ощущает себя в среде казаков «чужим, неумелым и ненужным», даже завидует непринужденности казаков, их «вольному, грубоватому обращению»³¹⁷ с красивыми казачками. Сменив китель на казачью одежду, изменив прическу, надев набекрень фуражку, он, по происхождению казак, не может, тем не менее, ментально ощутить себя казаком. Восхищаясь казачьим образом жизни, Васюхин и Ермаков пребывают по другую сторону культурного рубежа.

По справедливому выводу С. Пинуса, в этих рассказах интеллигент связан с народом «на основе кровной любви», тот и другой полюбили простую казачку, причем взаимно, но у обоих «эта связь роковым образом порывается», потому что они любят казачий мир, который Пинус обозначает

³¹³ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика С. 32.

³¹⁴ Там же. С. 73.

³¹⁵ Там же. С. 19.

³¹⁶ Там же. С. 100.

³¹⁷ Там же. С. 40.

понятием «быт», но они боятся ему отдаться, как и «быт не отдает себя им во власть»³¹⁸. Действительно, Ермаков слушает казачью песню и остро осознает свою чуждость простому казачьему быту, а Васюхин заносит в дневник мысль о том, что все же не захотел бы стать одним из встретившихся ему казаков, хотя ему нравится и их веселье, и их труд, и их естественность.

Итак, Крюков обратился к актуальной для российской жизни 1900-х годов проблеме отношений интеллигенции и народа. Можем предположить, что она имела смысл и для него лично. На страницах рассказов и повестей Крюков вывел лучшую часть интеллигенции, непосредственно связанной с казачьей средой (что отличает его героев, например, от Штокмана из «Тихого Дома» Шолохова). Однако обозначенный Крюковым в 1900-е годы барьер между социальными низами и интеллигенцией предварял тему его публицистики 1917–1919 гг., в которой описывалась расправа красных казаков над казачьей интеллигенцией («В углу» и др.). В 1900-е годы Крюков также изобразил анархическую, разрушительную направленность казачьих бунтов, объяснив ее политической необразованностью, но и показав ее источники в инстинктах доминирования и приобретательства.

2.4. Религиозные мотивы в произведениях Ф. Крюкова

2.4.1. Незыблемость устоев и неизбежность перемен в религиозном аспекте («Шквал»)

В ряде произведений Крюкова верность казаков государственным устоям подкрепляется религиозным постулатом, трактуемым как утверждение неизменности порядка вещей, прежде всего постоянства института власти. Предполагалось, что религиозная мотивация существования традиционной власти неоспорима и является сильным контраргументом в споре с революционно настроенными казаками. Генерал из рассказа «Шквал»

³¹⁸ Пинус С. Бытописатель Дона. Опыт характеристики литературного творчества Ф.Д. Крюкова. С. 328.

обращается к станичникам: «всякая власть от Бога есть, и даже в Священном Писании говорится, что кто против власти, тот противится Богу...»³¹⁹. Скорее всего, генерал опирается на послание апостола Павла к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим.13: 1–2). Возможен другой источник – первое послание апостола Петра: «Ради Господа подчиняйтесь всякой власти, установленной людьми, будь то императору как высшей власти, или наместникам, назначенным им, чтобы наказывать делающих зло и поощрять делающих добро» (1Пет. 2:13–14). Однако Крюков переводит приведенную библейскую максиму *в актуальную полемическую плоскость*. Во-первых, студент-ветеринар дает ей демократическое, антиправительственное толкование: если власть от Бога, министры не должны «обкрадывать народный сундук»³²⁰. Во-вторых, купец Детистов сомневается, соответствует ли реальная власть воле Бога, если молодежь призывает встать «за угнетенных ярмом нужды»³²¹.

Более того, купец Детистов устанавливает иерархию библейских ценностей и противопоставляет апостольскому утверждению о неизменности власти мысль пророка Исаяи о приближении справедливых времен и суда над беззаконием: «время благовестить нищим и сокрушенным сердцем, время прозрения слепых, время суда и скорого обличения надменных счастливых, делающих беззакония чародеев и прелюбодеев?..»³²² Купец Детистов вольно цитирует пророчество о благовествовании Мессией Лета Господня. Приведем библейскую цитату: «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы,

³¹⁹ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 154.

³²⁰ Там же. С. 155.

³²¹ Там же. С. 181.

³²² Там же.

проповедовать лето Господне благоприятное и день мщения Бога нашего, утешить всех сетующих» (Ис.61:1–2). Так Детистов выказывает свою веру в то, что «молодое поколение идет по дороге, указанной Богом»³²³. Суждение персонажа об истинности пути молодых казаков, а также казацкой интеллигенции созвучно мотивации революционного выбора персонажей из романа М. Горького «Мать», мыслям Пелагеи Ниловны.

Купец Детистов обращает внимание станичников на эпизод из Ветхого Завета о народах-овцах, оставленных пастырями «на расхищение» и сделавшихся «пищей всякого зверя»³²⁴, и о воле Бога взыскать с пастырей за все, исторгнуть овец из челюстей зверей. Очевидно, что персонаж цитирует строки из Книги пророка Иезекииля, где говорится о том, что пастыри «слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью» (Иез. 34: 4); что овцы «оставлены были на расхищение и без пастыря сделались овцы Мои пищей всякого зверя полевого, и пастыри Мои не искали овец Моих, и пасли пастыри самих себя, а овец Моих не пасли, – за то, пастыри, выслушайте слово Господне» (Иез. 34: 8). Крюков слышит в библейских словах предвестие бури и призыв к казакам подняться за Думу. Смысл приведенного эпизода из рассказа Крюкова отчасти соответствует смыслу эпизода общения Рыбина («Мать») со священником, который рассказывает мужикам о том, что люди – это стадо, которому нужен пастух, что народу надо терпеть и молиться богу; Рыбин возражает: «народ молится много, да, видно, время нет у бога, – не слышит»³²⁵. Однако, в отличие от персонажа Крюкова, Рыбин, по сути, предъявляет претензии Господу.

Итак, религиозные аспекты станичной жизни осмысливаются в политической проекции и консерваторами, и теми, кто желает перемен. Более

³²³ Там же.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Горький М. Мать // Горький М. Собр. соч.: В 16 т. Т. 4 / Сост., общ. ред. Н.Н. Жегалова. М.: Правда, 1979. С. 177.

значимы в прозе Крюкова вопросы качества веры, душевной потребности в сопричастности к Божьему замыслу и осознания своей зависимости от Его воли. Психологический портрет персонажей включает в себя помимо испытаний и сильнейших переживаний выбор пути и устремление к всеисцеляющей силе.

2.4.2. Ф. Крюков о вере народа («К источнику исцеления», «Жажда»)

В проза Крюкова, как в произведениях «У Троице-Сергия» (1930) А. Куприна, «Богомолье» (1931) И. Шмелёва, создан образ богомольца-паломника. В названных произведениях усматриваются черты жанра паломнических хождений в сочетании с особенностями путевого очерка³²⁶. *Жажда Божьей милости*, надежда на помощь святых изображена в рассказе «К источнику исцелений» (1904). Крюков передал ощущение безысходности горя и силы веры народа, полученное им летом 1903 г. во время паломничества к открытию мощей преподобного Серафима Саровского.

Взгляд повествователя обращен на паломников, идущих по пути к месту упокоения святого Серафима Саровского³²⁷. Символический обобщающий смысл придан бедным деревенькам, бегущим вдоль дороги голодным и выпрашивающим хлеба детям, телегам с богомольцами, смиренно плетущейся к монастырю толпе («Они шли не спеша, размеренным, экономным шагом, серьезные, молчаливые, и равнодушным, усталым взглядом смотрели на проезжающих. На всех лицах застыло общее деревянное выражение бледной, неясной скучной думы. Взор жадно искал среди них

³²⁶ Баяна Х. Троице-Сергиева Лавра в художественном восприятии писателей XX века (А.И. Куприн, И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев). Дисс. ... канд. филол. н. М., 2019. 195 с.

³²⁷ Рассказ написан в 1904 г. – вскоре после главной службы в связи с открытием мощей преподобного Серафима в Сарове (июль 1903 г.).

молодого, красивого, бодрого лица и – не находил»³²⁸). Крюков вводит в повествование краткие описания паломников, среди которых кричащая от боли шестилетняя девочка и ее мать, белокурые люди с задумчивыми лицами, старики и старухи с котомками за плечами, калеки. Главные герои рассказа – больной четырнадцатилетний Егор и сопровождающий его отец – атлетического сложения столяр с Георгием в петлице.

Крюков описывает пребывание паломников в монастыре – их посещение исцеляющей купальни, святого источника, могилки и кельи святого, покупку иконок с изображением отца Серафима. Через акустические образы передана печаль «живого людского моря»: доносившееся из храма пение, отрешенное от земной суеты, сливалось с говором толпы, тихим плачем, покорными мольбами, звуками скорби, «истеричными воплями»³²⁹, стонами, окриками. Символичны полифония и единение поднимающихся в высь звуков, исходящих от трудовой, жаждущей утешения толпы: «Тяжелый, мерный, правильно чередующийся такт издали напоминал звук большого сита, сортирующего зерно, затем выростал, раздвигал другие звуки и постепенно заполнял воздух»³³⁰.

В сюжет включен традиционный мотив возвращения персонажей-паломников домой. Открытым остается вопрос о чуде: помогло ли Егору паломничество в святое место? Как пишет К.Г. Исупов: «паломник возвращается другим человеком – с иным моральным статусом и с ощущением обновленного внутреннего строя души. <...> это как бы пережитый в одиночку опыт Апокалипсиса (пересечение границы грешной жизни и выход в очистительное пространство “иной земли” под “иным небом”»)³³¹.

³²⁸ Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С. 303.

³²⁹ Там же. С. 311.

³³⁰ Там же.

³³¹ Исупов К.Г. Странник и паломник на фоне ландшафта // Исупов К.Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: РХГА, 2010. С. 482.

Вместе с тем Крюков отражает *разницу в народном отношении к Богу и Церкви*. В рассказе «Жажда» (1913) описано зависимое от прихожан материальное положение священнослужителей, что сказывается на качестве церковной службы. С одной стороны, в жизни станицы есть тяжелый труд рядовых казаков («Копоятся люди на ней [земле – Г.Х.], как муравьи, темные, серые люди, отдают ей свои скудные силы и несложные помыслы и ждут, с упованием и тревогой ждут»³³²), их надежда на силу молитвы о дожде, с другой – традиционный церковный обряд, величие крестного хода и надежда отца Дорофея, отца Ивана, дьячка Силыча на денежную выручку от молебна. Отец Иван, видя наполненный молящимися храм, вместо договоренности о расценке за службу предлагает свободное пожертвование («наброс»), что в итоге приносит минимум дохода. Религиозные константы бытия соприкасаются с бытом как землеробов, так и Церкви. Вспоминается, как на Пасху было собрано на 96 рублей меньше, чем в прошлом году, как не смогли сторговаться за предыдущее молебствие в полях. В результате отец Дорофей исполняет службу нехотя и сухо, не читает акафист проникновенно, считает, что вместе служить за скудный сбор «жирно будет»³³³ и предлагает отцу Ивану разделить службу между ним и собой. Унизительно выпрашивание отцом Иваном пожертвования у старого хорунжего Степана Фомича.

Красоте крестного хода двухсот верующих со старыми хоругвями и иконами на фоне лазурного неба вызывает религиозный восторг повествователя: «Дивен мир Господень!»³³⁴, противоположный меркантильности прихожан.

В «Жажде» Крюков задается вопросом о той силе, которая способна повести людей за собой, о сроках появления в обществе того, кто принесет с собой «пламенный свет»³³⁵. Характеристика времени дана в полилоге персонажей,

³³² Там же. С. 337.

³³³ Там же. С. 333.

³³⁴ Там же. С. 337.

³³⁵ Там же. С. 346.

из которого видно разрастание террора, недоверие властям, распространение революционной литературы. Так в произведениях Крюкова частная жизнь сочетается с общественной и религиозной; по сути, речь идет о наступлении нового времени («Вот какой дух века пошел!»³³⁶), в котором человеку невозможно укрыться от политических вызовов ни в храме, ни в доме. В «Жажде» нет четко сформулированного автором ответа на поставленный вопрос о силе, способной организовать народ и направить его на достижение справедливого мироустройства, но обозначены критерии такого мироустройства и звучит мысль о неизбежности перемен.

2.5. Образы казачек в произведениях Ф. Крюкова

2.5.1. Статус женщины в казачьем сословии

(общая характеристика)

Место женщины в системе ценностей казачьего мира – вопрос, к которому обращаются историки, социологи, литераторы. В больших семьях казаков начала XX в. еще сосуществовали три-четыре поколения, что объясняется работой на земле и военной службой³³⁷. Свою роль в семейной иерархии играла глубокая традиция.

Во-первых, донское казачество – патриархальное сообщество³³⁸. Быт, семейные отношения, военная и хозяйственная жизнь, религиозные взгляды, иерархия и самоорганизация в казачьей среде были регламентированы строгими нормами, сохранившимися к началу XX в. Доминатором в казачьих семьях являлся мужчина – исполнитель внутренней и внешней политики власти, охранитель государственных интересов. Как отмечал Я.Н. Щапов, в Древней Руси труд мужчины, независимо от места проживания – в южных степных, лесостепных местах, – обеспечивал семью материально, женщина

³³⁶ Там же. С. 340.

³³⁷ Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 2008. №4. С. 78.

³³⁸ Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Учебное пособие / Под ред. проф. А.П. Скорика. Ростов-на-Дону: Терра, 2005. С. 91.

занималась хозяйством, рожала детей и вскармливала их, при этом регулирования деторождения не было³³⁹. Такое распределение обязанностей и впоследствии лежало в основе русской православной культурной системы, отвечало укоренившейся в ментальности казаков национальной психологии³⁴⁰.

Во-вторых, казак доминировал в семье изначально, то есть с начала истории казачества: он был бессемейным и добывал себе жену во время набегов. Как писал А.И. Ригельман, рожденных от таких женщин детей «зашивали в мешок и топили, впоследствии мальчиков оставляли в живых», казак был хозяином женщины, мог ее продать, «за чужеложество и за иные вины» женщин топили или «убивственно мертвили»³⁴¹.

Однако статус казачек отличен от положения женщины в общерусских крестьянских, купеческих, мещанских семьях. К XVIII в. роль казачки все же приблизилась к равноправному с мужчинами: это был тип хозяйки, управляющей жизнью дома во время воинской службы мужа.

Образу женщины было отведено достаточно скромное место в древнерусской литературе³⁴², но изображение женщины занимало сильную

³³⁹ Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. №10. С. 216–219.

Также: Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси (X–XVII) // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни до начала нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 305–345.; Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии М.: Ладомир, 2002. 526с.

³⁴⁰ Боднева Н.А. Казачья семья как социальный институт формирования личности // Общественные науки. 2007. №3. С.106.

³⁴¹ «не имели жен: и терпеть их не могли; но как стали за добычею отходить, то в промыслах своих доставали от Турок, Кумык, Крымцов, Кубанцев, Черакес, от разных горских Татар и из прочих мест всякую пажить и людей, в том числе и женский пол, оных стали брать за себя и сожительствовать с ними, через что стало их умножаться»; «Сказывают же, что когда стали посягать жен, то, по общему приговору, младенцев, родившихся у них, сперва в воду бросать уставлено было, для того чтобы оные отцов и матерей для промыслов их не обременяли. Потом обществом же приговорили, дабы мужеска пола младенцев вживе оставляли, а женскаго роду в воду метали, что донесколько времени и велось». Ригельман А.И. История или повествование о Донских казаках. М.: Университетская типография, 1846. С. 9. Изданное в 1846 г. сочинение Ригельмана сочело исторически достоверные факты с преданиями.

³⁴² Ф. Буслаев, описав идеальные женские характеры в произведениях древнерусской литературы, отмечал, что многие достойные женщины остались неизвестными: «Русская женщина имеет полное право жаловаться на невнимание к ней старинных грамотников, и особенно женщина из простого крестьянского быта». Буслаев Ф. Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф. О литературе: Исследования. Статьи / Сост., вступ. ст., примеч. Э.Л. Афанасьева. М.: Худож. литература, 1990. С. 264.

позицию в русской классической литературе, в произведениях XX в.³⁴³ В русской прозе XIX в. и XX в. изображалась вольнолюбивая казачка, отдающаяся страсти, нарушающая порядок семейного сосуществования. Уже в «казачьей» прозе³⁴⁴ Н. Гоголя были созданы разные типы малоросских казачек. В «Тарасе Бульбе» (1835) он изобразил «бедную старушку», которая «не смела ничего говорить»³⁴⁵, но в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (1832) есть самодостаточные Солоха, Оксана, Ганна, Хавронья Никифоровна, кумова жена, свояченица головы и другие, кто побуждал казака на неординарный поступок или портил ему жизнь; в некоторых даже таился скрытый и явный демонизм³⁴⁶. В «Казаках» (1863) Л. Толстого появилась самодостаточная, властная Марьяна. В «Тихом Доне» М. Шолохов показал Ильиничну, в характере которой материнская забота сочетается не только с терпеливостью, но и житейской мудростью, и мужественностью; из униженной отцом и мужем Аксинья становится сильной, самостоятельной, отстаивающей у судьбы свое право на любовь и бесстрашной перед расправой; Дарью Шолохов охарактеризовал как грешную, мстительную женщину, описал ее девиантное поведение, она решается и на расстрел кума, и на самоубийство; Наталья, нарушая христианские нормы жизни, совершает отчаянные поступки (попытка самоубийства, аборт). И. Сазанов заострил вопрос о женской психологии, акцентировал внимание на душевных потребностях казачки: «У всякой свое горе. Муж что? Ему от бабы одно нужно, а она души просит. Ей и попеть, и поплакать хочется. В ней тонкости много...»³⁴⁷ («Как червь

³⁴³ В художественной литературе описаны основные явления, связанные с судьбой женщины в России, коррелирующие с вопросами, изучаемыми исторической наукой. *Пушкарева Н.Л.* Женщина в русской семье X–начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений. Дисс. ... докт. истор. наук. М., 1997. 357 с.

В диссертации анализируется статус женщины в обществе и семье, исследуются аспекты социокультурный, правовой, этнографический, демографический, религиозный, психологический, этический, сексологический жизни.

³⁴⁴ *Денисов В.* Изображение казачества в раннем творчестве Гоголя и его «Взгляд на составление “Малороссии”» // Гоголеведческие студии. Вып. 5. М.: НЕЖИН, 2000. С. 203–208.

³⁴⁵ *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. / Общ. ред. С.И. Машинского, Н.Б. Храпченко; примеч. С.И. Машинского. М.: Художественная литература, 1976. Т. 2. С. 34.

³⁴⁶ *Синцова С.В.* Гендерная проблематика «Вечеров на хуторе близ Диканьки» как результат взаимодействия фольклорных и литературных традиций // Вестник ТГПУ. 2011. 1(23). С. 262–267.

³⁴⁷ *Сазанов И.Д.* Как червь ползущий // Избранное / науч. ред. и сост.: А.Х. Гольденберг. Волгоград: Изд-во

ползущий», 1911).

В прозе, посвященной жизни казачества, во-первых, отражен статус молодой женщины в условиях патриархального мироустройства; во-вторых, изображен ее сильный, волевой характер, нарушающий патриархальные запреты. В основу сюжета положен конфликт между личной волей и традиционными семейными нормами. Второй женский тип – мать, чье изображение в основном сводится к проявлению материнства.

Крюков описал личностное самосознание казачки, обретение ею внутренней свободы вплоть до нарушения моральных норм.

2.5.2. Материнство в семейной аксиологии

Материнство представляет собой непререкаемую ценность; как пишет С.С. Аверинцев, в жизни женщины «материнство естественным образом занимает <...> гораздо более существенное место, чем отцовство – в жизни самого человеколюбивого, доброго и ответственного мужчины. Каждый из нас, кто был в младенчестве вскормлен материнской грудью и утешен материнской лаской, получил первоначальное посвящение в высокие тайны»³⁴⁸. В матери С.С. Аверинцев видит образ «пренепорочного Материнства Пресвятой Девы»³⁴⁹. В исследовательских работах встречаются такие характеристики изображения материнства, как «умение быть матерью», «воспитательница нравственности и морали», «тонкий психолог»³⁵⁰.

ВГСПУ: Перемена, 2013. С.115.

³⁴⁸ Аверинцев С.С. Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // Аверинцев С.С. София – Логос: Словарь. Киев: Дух и Литера, 2000. С. 354.

³⁴⁹ Там же. С. 355. Далее С.С. Аверинцев усиливает семантику образа матери – видит в нем ассоциацию с ветхозаветным пониманием милости Божьей: «Слово, означающее в Ветхом Завете милость Божью, образовано от корня, означающего, собственно, материнскую утробу; память об этом сохранена в дикийном славянском словообразовании “благоутробие”. Пророк Исаия, между всех пророков пророк милости, вновь и вновь прибегает для описания Божьей ласки к метаморфозе материнства <...> Милость Божья, по Исаие, – материнская, и даже более материнская, чем материнская». Там же.

Также о сакрализации материнского начала, образе материнства и культе Богородицы-Софии: Рябов О.В. Русская философия женственности. Иваново: Юнона, 1999. 360 с.

³⁵⁰ Сальникова В.В. Языковой образ матери в автобиографических повестях о детстве // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. №9. С. 345, 346. Статья посвящена

С.С. Аверинцев акцентирует внимание на русском выражении «жалеющая свое дитя»³⁵¹.

Согласно лингвистическим исследованиям, в русской лингвокультуре лексема «мать» – синоним прежде всего лексемы «родительница» (почтительная коннотация), при этом в художественных текстах наиболее распространены лексемы «мать», «мама», «матушка», «маменька», менее – «мамуся», «маманя», «маман»³⁵². В рассказе «Гулебщики» главный герой называет свою мать «мамушкой»: «Мамушка любила его, и он любил мамушку, но с затаенной скорбью догадывался, что мамушка, такая суровая и строгая на вид <...> никогда он не знал своего родителя и никогда мамушка ему ни слова не говорила о нем»³⁵³. Эта же лексема использована в «Офицерше», в этом же рассказе использована редкая уменьшительно-ласкательная форма «мамунюшка». В рассказе «Мать» (1910) автор больше использует слово «матушка».

В произведениях Крюкова продолжена литературная традиция изображения доброй, любящей, великодушной, прощающей, страдающей матери, выведенной на страницах произведений Н. Некрасова («Орина, мать солдатская», 1863; «Мороз, Красный нос», 1863; «Кому на Руси жить хорошо», 1876 и др.), представленной Ф. Достоевским в образе Пульхерии Александровны («Преступление и наказание», 1866), Л. Толстым – в образе графини Ростовской («Война и мир», 1868) и др. В начале XX в. образ матери убедительно изображен М. Горьким («Мать», 1906) и впоследствии создан в лирике С. Есенина («Письмо матери», 1924 и др.), поэме Н. Клюева «Песнь о великой матери» (между 1929 и 1934), «Тихом Доне» Шолохова, поэме А.

произведениям С.А. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (1856), Н.Г. Гарина-Михайловского «Детство Тёмы» (1891).

³⁵¹ Аверинцев С.С. Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи. С. 355.

³⁵² Атрощенко Е.О. Функционирование концепта «Мать» в русской художественной прозе XIX века // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина. 2014. №97. С. 1209–1233. Такой смысл лексемы «мать», как кровное родство, не является обязательным: слово «мать» может относиться к той, которая кормит, учит, воспитывает и проч.

³⁵³ Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. С.31.

Ахматовой «Реквием» (1960-е) и др.

В книжной литературе образ матери из простонародья берет начало в «Казачьей колыбельной песне» (1838) М. Лермонтова. В стихотворении Лермонтова реалистическое восприятие материнского чувства казачки соотнесено с фольклорным. В строках «Богатырь ты будешь с виду / И казак душой. / Стану целый день молиться / По ночам гадать»³⁵⁴ соединены две темы – материнской заботы и материнской задачи воспитать «богатыря», ее благословения сына на подвиг. В жизни матери казака постоянно представление о сословном долге сына, что отражено в песнях донских казаков, издававшихся в начале XX в. (Р.А. Хрещатицкий. «Войска Донского казачьи песни», 1906; составленные Н.Н. Голубинцевым «Песни донских казаков», 1911; «Донские казачьи песни, исполняемые Войсковым певческим хором на празднике Лейбгвардии казачьего Его Величества полка по случаю столетней годовщины Лейпцигской битвы (1813–1913)», 1913). В традиционных казачьих «служивских»³⁵⁵ песнях описывается эпизод отъезда героя на воинскую службу. В момент ухода раскрывается эмоциональное состояние казака и матери: «Там шли-прошли с Дону служивые, / они молодые. / Как за ними идут две мамыши, / мамыши родные. / Не ходите, родные мамыши, / следочком за нами / Не топчите, родные мамыши, / кавыл-травку своими ногами»³⁵⁶. В первой части романа «Тихий Дон» (1928) приведена песня: «Не сохами-то славная землюшка наша распахана... / Распахана наша землюшка лошадиными копытами, / А засеяна славная землюшка казацкими головами, / Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами. / Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами, / Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, / материнскими слезами»³⁵⁷. Шолохов использовал

³⁵⁴ Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: в 2-х. Т.2. Стихотворения и драмы / Ст. Э.Э. Найдич. Л.: Сов.писатель, 1989. С. 26–27.

³⁵⁵ Капля О.В. Исторические и «служивские» песни литературного происхождения в культуре Донского казачества (По материалам фольклора) // Культурная жизнь Юга России. 2011. №2 (40). С. 62–64.

³⁵⁶ Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. С.133.

³⁵⁷ Шолохов М.А. Тихий Дон. М.: Издательство АСТ, 2015 С.5.

народную песню, в которой передана судьба семьи – казака, вдовы, отца, матери.

Согласно точке зрения С. Аверинцева на отношения между родителями и детьми, их связанность плотью и кровью претерпевает неизбежное «снова и снова перерезание пуповины», поскольку «тому, что вышло из родимого чрева, предстоит стать личностью», и это «составляет испытание и для родителей и детей»³⁵⁸. Однако в подавляющем большинстве русской литературы запечатлены гармоничные отношения между матерью и сыном при сохранении ими своей самости.

В рассказах Крюкова «Гулебщики» и «Мать» создан образ нежной, терпеливой матери-заступницы. Призвание героини «Матери», Григорьевны, – защищать сына. Крюков описал драматическую ситуацию, отличную от традиционной и не связанной с воинским долгом: ее семнадцатилетний сын Роман ради забавы украл револьвер своего деда, во время ярмарки устроил погром со стрельбой в харчевне мещанина Букетова; дело было передано в военный суд; как казаку, ему грозила смертная казнь. Разрешила трагические обстоятельства мать: продав скотину и одолжив денег из станичной кассы, она нашла адвокатов, и смертный приговор был изменен на шесть лет и восемь месяцев каторги и лишение казачьего звания.

Повествование начинается с эпизода поездки Григорьевны в острог и строится на динамичном описании ее душевных переживаний, смене психологических состояний – от надежды на чудо прощения до тревог, зависти к не знающим бед, обращению к Заступнице – Божией Матери и «далекому и неведомому»³⁵⁹ Богу. Крюков описывает ее отчаяние во время встречи с перемещавшимся в губернскую тюрьму сыном, ее проявление воли к спасению сына, чувство сиротства в губернском городе, острую жалость ко

³⁵⁸ Аверинцев С.С. Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи. С. 347.

О психологическом барьере между поколениями Аверинцев пишет как о наиболее трудном, он сравнивает его «с пропастью, отделяющей мужской мир от женского, и со рвом, прорытым между различными семейными традициями». Там же.

³⁵⁹ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 236.

всем арестантам, радость при виде сына в тюремном дворе, озноб во время молитвы в храме и сменившее его равнодушие и т.д.

Таким образом, рассказ Крюкова в целом представляет собой тип эмотивного текста³⁶⁰, в котором эмоции – сквозной повествовательный мотив, композиционно скрепляющий эпизоды; в нем психологические переживания героини мотивируют все ее поведение и сознание. Эмотивность рассказа Крюкова проявляется в эмотивной лексике, сюжете, образах, передающих характеры персонажей, их коммуникацию, внутренний мир.

Каждое событие Крюков сопровождает изображением чувств Григорьевны через авторский комментарий, несобственно-прямую речь, монологи и реплики матери, ее молитвы, фразы, произнесенные во сне. Художественно результативными выступают лексика, синтаксические конструкции, интонации. Чувства матери обозначаются такими оценочными словами, как «жадно», «бережно», «рыдание», «хмуро», «немошно», «горько», «жалостливо» и др. Такая лексика связывает сознание с эмоцией³⁶¹. Она образует «микрополе» импульсивности на бессознательном, рефлексивном уровне. Как заключает С.В. Коростова: «Эмотивное высказывание, актуализирующее языковые средства выражения эмоционального состояния говорящего, в том числе импульсивы, отражают воспринимаемую ситуацию и ее эмоциональную оценку»³⁶².

Из стилистических средств продуктивны эллипсисы, восклицательные предложения, обращения, лексический повтор³⁶³. Функции повторов в рассказе коррелируют с назначением повторов в фольклорных песнях, акцентируют чувства, повышают градус выразительности. Повторяющиеся

³⁶⁰ С точки зрения В. Шаховского, есть эмотивный текст (для него характерны «эмотивные вкрапления») и эмотивный тип текста (в нем «представлены все „этажи“ эмотивности языка и все каналы <...> языкового выражения»). *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. С. 183.

³⁶¹ *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 208 с.

³⁶² *Коростова С.В.* Микрополя эмотивности: языковые проекции в русском художественном тексте // Русистика. 2018. №4. С. 416.

³⁶³ *Гореликова М.И., Магомедова Д.М.* Лингвистический анализ художественного текста. М.: Русский язык, 1989. С. 33.

слова относятся к одному тематическому уровню. Они либо приведены подряд, создавая конструкцию удвоения – эпаналепсиса, например: «не плачь, не плачь... слезами не поможешь ведь»; либо повторяются по принципу прибавления – анадиплосиса, например: «тяжело было говорить, тяжело молчать», «спит город. И судьи спят. Лишь вот она не сомкнет глаз. А сын ее? Не спит и он»³⁶⁴.

Ради выразительности Крюков прибегает к эллиптическим предложениям, в повествовании через лаконичность, сжатость достигается живость и динамичность. Эллипсису, как правило, сопутствует инверсия. Например: «Мать, жалкая, растерзанная, изнемогающая в отчаянии. <...> Слез не было у нее, все выплакала»³⁶⁵. При этом Крюков не использует тропов, предпочитает автологический стиль.

В художественном тексте восклицательные предложения выполняют три основные функции: эмотивную, средство создания художественного образа, средство связности текста³⁶⁶. Среди всех типов предложений восклицательное отличается богатой эмотивной функцией. В рассказе восклицательным предложениям также придан смысл обращения. Например: «Царица небесная!.. Заступница... Мати Божия!..»³⁶⁷; «Ромушка! родимая моя чадушка! сердечная моя! да распечатай ты свои уста, промолви мне хоть единое сло-вечушко!..»³⁶⁸ и др.

В интонационном рисунке Крюков использует особенности жанров плача и молитвы. Плачу соответствуют такие стилевые приемы, как уменьшительно-ласкательные суффиксы, обращения, инверсии, повторы, постоянные эпитеты. Собственно мотив плача повторяется на протяжении повествования. Мать расплакалась, увидев сына в устинском остроге: «Слезы,

³⁶⁴ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 233.

³⁶⁵ Там же. С. 252.

³⁶⁶ Керова А.В. Восклицательные предложения как средства выражения эмотивности // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2016. №21 (760). С.179.

³⁶⁷ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 267.

³⁶⁸ Там же. С. 258.

непослушные и досадные, туманили взор»³⁶⁹. Впоследствии деталь слез повторяется: «Побежали непослушные слезы»³⁷⁰. Слезы появляются в снах матери: «Судьи вы, судьи, ученые вы господа! Бога вы, знать, забыли, креста нет на шее у вас, в грудях сердца не осталось! За что вы купырь мой зеленый стрескать хотите? Какая корысть вам из его головушки? Не грех вам лютым горем матерей, отцов сушить?..»³⁷¹. Она плачет, находясь на горке и глядя на тюремный двор: «Где-то он есть тут, ее сынок ненаглядный? Чует ли его сердечушко, что матушка его родимая вьется, как пташка, перед темной его темницей?.. И долго заливалась она горячими слезами»³⁷². Слезы в повествовательной системе рассказа передают как апогей трагических переживаний героини, так и точку катарсиса в композиции повествования. Так, в конце рассказа мать плакала от радости, узнав, что ее сын не приговорен к смертной казни: «Непослушные бежали слезы по щекам, но она улыбалась и спешила передать всю свою радость»³⁷³.

Одно из назначений религии – духовное утешение. Православие глубоко воздействовало на русскую национальную культуру, что отмечено практически во всей прозе Крюкова. Григорьевна считает, что житейские испытания соотнесены с Божьей волей; свои страдания героиня соотносит со страданиями Богородицы. Обращаясь к Ней, она произносит: «Ведь сердце твое тоже прошел нож лютой скорби...» и потому надеется на Ее милость: «Заступись, Пресвятая Владычица! Ты – обидимых заступница, ты – изнемогающих оплот... О, заступись, заступись!..»³⁷⁴. Речи Григорьевны соответствует текст повествователя: «Крепко-крепко стиснула руки. Всем существом порывалась прижаться к стопам Владычицы, которая все может, – раскрыть истерзанную, высохшую грудь перед ней, язвами окровавленного

³⁶⁹ Там же. С. 232.

³⁷⁰ Там же. С. 233.

³⁷¹ Там же. С. 264.

³⁷² Там же. С. 257.

³⁷³ Там же. С. 260.

³⁷⁴ Там же. С. 266.

сердца своего тронуть ее»³⁷⁵. Так молитвенная речь героини усиливается деталями поведения, которые опять же характеризуют эмотивную природу текста. Кроме того, состоянию матери созвучно состояние природы. Показателен эпизод, в котором она смотрит со слезами на небо, «закутанное облаками, низкое, немое»³⁷⁶.

Эмотивный тип повествования подкреплен свойствами ряда других персонажей. Крюков вводит в сюжет эпизод встречи Григорьевны с женщиной на горке у стен тюрьмы, назначение его – придать чувствам главной героини обобщающий характер: «На этом кургашке много нашей сестры пересидело... Кабы ветер развеял эту гору да раскрыл бы все слезы материнские – речушка бы из берегов вышла...»³⁷⁷. Использованная гипербола подчеркивает близость поэтики рассказа фольклорной традиции. Обобщению служат рассказы свекрови о первом муже, которого «прямо со службы в Сибирь угнали»³⁷⁸, и о знакомой, с которой произошла та же драма. Вставная история свекрови предваряет последующее повествование о пребывании Григорьевны в городе, хождение по учреждениям, ее повторяющееся сидение на той же горке («кургашке»), ее плачевые – в фольклорной традиции – интонации («Сели на кургашке, голосом закричали: дружки вы наши милые, соколы ясные! Наши пташки возле вас кричали, голосами вас кликали, а вы под крепкими замками сидели, голосочков наших не слышали, к нам не вырвались!.. И с чем мы, горькие, к старым приедем, что расскажем им?..») ³⁷⁹. По отношению к Григорьевне незнакомка – эмотивный психотип; также искреннее сочувствие ей выражает встретившийся по дороге из острога казак; подлинным сочувствием отмечено отношение к ней адвокатов.

В композиции эпизодов использован прием антитезы, его назначение –

³⁷⁵ Там же. С. 267.

³⁷⁶ Там же. С. 236.

³⁷⁷ Там же. С. 257.

³⁷⁸ Там же. С. 253.

³⁷⁹ Там же. С. 254.

усилить мотив обреченности героя на суровое наказание. Хлопотам деда за внука противопоставлена непримиримость старого генерала с «оловянными глазами»³⁸⁰; этапному тракту противопоставлен по принципу «чужое – свое» пейзаж станицы, ее «церковки», гумна, шесты с скворечницами, курени, крыши, улочки, плетни – «все старое, хорошо знакомое, родное»³⁸¹; противоположны приснившиеся Григорьевне ее речь, обращенная к судьям, и ответный смех судей, а также повторяющиеся наяву ее просьбы, обращенные к судьям, и их равнодушие.

Героиня в рассказе «Гулебщики» – старуха Панкратьевна. Ее отношения с сыном Филиппом (Филюшкой) определены лексемами «сердешный», «соколик», «кормилец», «мамушка». В дополнение к созданному в рассказе «Мать» образу в «Гулебщиках» показано тревожное материнство в сочетании со строгостью. Хозяйственность Филиппа – он пашет землю, сеет пшеницу, добывает ясырь – не умаляет его вины, когда он после драки пьяным возвращается домой; мать проявляет нетерпимость: «Ах, кобелев ты сын! кобелев ты сын! <...> и в кого ты уродился, шалава ты этакая? А!...», «В людях дети, как дети, а ты, висляй ты этакий, лишь на страмоту гож!.. Ах, горой тебя положи!..»³⁸². Амбивалентность материнской этики выражена в противоположных коннотациях одной детали: в соответствии с ситуацией Панкратьевна и с нежностью расчесывает волосы сына, и в наказание треплет их. Для характеристики тревоги Панкратьевны характерна следующая деталь: мать помолилась за сына и долго стояла у двери, провожая его глазами, пока он не скрылся из виду.

Если в рассказе «Мать» Крюков описал чувства матери-заступницы, то в «Гулебщиках» доминантной в характеристиках материнства выступает воспитание сына, в целом отвечающее нормам православия. Так, перед дорогой Филипп молится, сорок раз сосчитывает «Господи помилуй».

³⁸⁰ Там же. С. 238.

³⁸¹ Там же. С. 251.

³⁸² Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. С. 37.

Воспитательный элемент в характеристике матери дан также в рассказе «Офицерша». Сближает сюжеты «Матери» и «Гулебщиков» трагедия сыновей: Филипп гибнет. Страх Григорьевны и Панкратьевны за судьбу сына выражен через мотив вещих снов: героине «Гулебщиков» снится сон о выпавшем зубе. Обе обречены на дальнейшее существование в материнском одиночестве. Если у Григорьевны есть надежда на встречу с сыном, то намерению Филиппа жениться на черноокой черкешенке, чтобы вместе позаботиться о матери, сбыться не суждено.

Трагизм или драматизм матери, погруженной в тревоги о сыне, – повторяющаяся тема «донской» литературы. В рассказе «Душа одна» показана жизнь станицы во время войны: «Сорок человек потеряла станица в каких-нибудь три недели»³⁸³. Рассказ посвящен психологическому состоянию Марии – матери воюющего молодого казака, живущей ожиданиями о судьбе сына, ежедневно переживающей и надежду, и ужас («крик этот материнской муки, как крик лебеди раненой, резнул по сердцу казака»³⁸⁴). Крюков задается вопросами, чем является для казака война, что она дает его семье и ему самому, каков масштаб разрушения семейного уклада, какой удар война наносит по духу народа и по жизнеспособности личности, как глубока травма матери.

Тема матери-казачки впоследствии была развита в прозе М. Шолохова. Женщина в его рассказах поставлена в трагические обстоятельства. Мать в «Алешкином сердце» (1925) переживает смерть детей от голода. В «Калошах» (1926) кульминация перенесена в финальный эпизод, в котором описан ужас матери, чей сын деньги от проданного бычка потратил на обнови для себя и сладости для станичной красавицы, обрекая семью на голодную смерть. Шолохов описал потрясение матери через лаконичные натуралистические детали: «она ползла за ним на коленях, от толчков мотала

³⁸³ Крюков Ф.Д. На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 403

³⁸⁴ Там же. С. 408

вывалившимися из прорехи узенькими иссохшими грудями, синяя, давилась криком», при этом называя его «родименький», «сы-ну-у-ушка»³⁸⁵.

Трагизм в решении темы материнства усилен обстоятельствами социальных коллизий, столкновением красноармейцев и казаков, отстаивающих свой образ бытия. В «Донских рассказах» любовь матери к сыну возвышается над взаимным истреблением людей, героиня не принимает чью-либо стороны и в каждом видит достойного ее сочувствия. В ряде рассказов мать выказывает жалость по отношению к тем, кого казачество считает врагами. Например, в «Бахчевнике» (1925) она подкармливает пирогами пленных красногвардейцев, за что ее зверски избивает муж – комендант станичного военно-полевого суда. В «Коловерти» (1925) она – свидетельница раскола семьи, гибели мужа и двоих сыновей, сочувствующих большевикам, и возвышения сына, воюющего против большевиков и нарушающего кровные связи: «Я, мамаша, как офицер и верный сын тихого Дона не должен ни с какими родственными связями считаться. Хоть отец, хоть брат родной – все равно передам суду»³⁸⁶. Ей «всех одинаково жалко»³⁸⁷. В «Чужой крови» (1926) «дед» и «старуха» лишаются сына, воевавшего с большевиками и сложившего голову в бою на Кубани. В основу сюжета положена парадоксальная ситуация: жалось побуждает их выходить тяжело раненного казаками врага – «продотрядника»; жалость переходит в заботу и любовь. Для них он – «сынок», «родимый». Они повторно переживают родительское горе, когда спасенный ими «продотрядник» возвращается на родину, в свою среду уральских рабочих.

Образ матери в «Донских рассказах» значимый, но не центральный, тогда как в ряде произведений Крюкова в нем сфокусирован весь их смысл и сюжет.

³⁸⁵ Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. / Предисл. Ю. Лукина, Примеч. Л. Вольпе. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1. С. 292.

³⁸⁶ Там же. С. 188.

³⁸⁷ Там же.

2.5.3. Сюжет о жалмерке

Согласно выводам Н.Л. Пушкаревой («Женщина в русской семье X–начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений», 1997), в конце XIX в. и начале XX в. исследователи истории «женского вопроса» (М. Дитрих, Е. Лихачева, Е. Щепкина и др.) объясняли зависимое положение женщины влиянием патриархальной культуры, даже православия. Но все же было отмечено и возрастание в женщине самосознания. Существовая в пределах семейных норм, женщины осознавали свое место и границы своей самореализации в коммуникации с членами семьи. В переломном изменении сфер социализации женщины, как пишет Н.Л. Пушкарева, отмечается два периода: первый связан с началом обмирщения общественных воззрениях во второй трети – середине XVII в.; второй объясняется сближением в XVIII в. России и Запада, чему способствовали политика Петра Первого и дальнейшее царствование женщин, хотя образ жизни крестьянок не претерпел существенных изменений. При этом насилие мужей над женами было обычным явлением как в дворянской среде, так и в крестьянской.

Если в образе матери выражена аксиология семейной жизни казаков, то молодая казачка-жалмерка³⁸⁸ – пример самодостаточной, свободной личности, не соответствующей семейному консерватизму. Вместе с тем в прозе Крюкова описана двойственность психологических состояний героини: желание грешить, личная свобода жалмерки, выраженная в утолении плотской страсти, диссонирует с осознанием неизбежного наказания – физического насилия вернувшегося с военной службы мужа. Свободный образ жизни жалмерок описан и в рассказах, и в «Тихом Доне» Шолохова³⁸⁹.

³⁸⁸ В казачьем диалекте – солдатка; от *жолнір* (солдат); заимствовано от ст.-франц. (*solde* – жалованье, плата), пришло в укр. через польск., чеш. языки, обозначало наемного солдата. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 61.

³⁸⁹ Лексема «жалмерка» часто упоминается в прозе М. Шолохова, в ряде произведений ей придан эпитет «гуляющая». Наказанием жалмерке был позор, маркированный испачканными дегтем воротами, что отражено

В рассказе Крюкова «Офицерша» (1912) главная героиня – жалмерка Варвара. Название представляет собой сильную позицию текста³⁹⁰, содержит информацию о героине и фокусирует точку зрения автора. Крюков придает заглавию ироническую коннотацию, источником иронии показаны земляки, землячки героини – свидетели ее судьбы: вторая сноха, зная о грехах Варвары, иронично называет ее офицершей; в ожидании мужа Варвара, неверная жена, меняет тип поведения со станичниками, старается соответствовать званию офицерши; муж бросает Варвару с детьми и уезжает в город, что ставит ее в положение квази-офицерши; Варвара соглашается на сожительство со старым офицером, опять же оказываясь в ложной ситуации. Таким образом, заглавие раскрывает и тип отношений между персонажами.

«Офицерша», как и «Мать», относится к типу эмотивной прозы: доминатор повествования – психологические состояния Варвары. Экспрессия чувств сопряжена с острым переживанием плотской стороны бытия, что впоследствии ляжет в основу характеров героев «Тихого Дона» М. Шолохова³⁹¹. Чрезвычайность ситуации объясняется возвращением домой дослужившегося до офицерского чина мужа Варвары. В начальных эпизодах повествования задан контраст между погруженной в трудовые будни семьей и Гаврилом Юлюхиным – «офицериком молодым»³⁹². Вербальный фотопортрет Гаврила идеализирован, подчеркивает его высокий статус в казачьей среде.

В структуре текста фотопортрет мужа и письмо с известием о его возвращении в станицу – отправная точка развернутого описания

в «Тихом Доне» (эпизоды с Аникушкиной бабой, Дарьей Мелеховой). Давыдова О.А. Жалмерка – казачья солдатка // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6(2). С. 158–161.

³⁹⁰ Арнольд М.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 223–238.

³⁹¹ «Текст “Тихого Дона” поражает прежде всего особым восчувствием *физической* стороны мира, жизни природы и человеческого тела <...> *Внутреннее*, душевное при этом чаще восстает из *внешнего* и физического.<...> Все плотяно, материализовано <...> без прямого душевного обнажения». Семёнова С.Г. «Тихий Дон» Михаила Шолохова: от поэтики к миропониманию // Семёнова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 290.

³⁹² Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 259.

противоположных эмоций героини: тревоги, связанной с беременностью от другого мужчины, и пережитого наслаждения (например: «Смеялась Варвара. И песни пела... Боролась и дралась, отбиваясь от бесцеремонных объятий казацких. Порой, мгновенным облаком, набегало раздумье, вспоминалась беда, висевшая над головой, но гнала она прочь черные мысли»³⁹³).

Крюков использует традиционное линейное построение сюжета с включением ретроспективного эпизода отношений Варвары и любовника. История Варвары уплотнена событиями, повествовательная амплификация – основное средство изображения состояний героини. Сюжет рассказа включает следующий событийный ряд: получение известий от Гаврила и трехмесячное ожидание его проявления в доме; встреча Варвары с молодым Карпо Тиуном, их поцелуй (ретроспективно); беременность Варвары, визит к матери, догадка матери о ее беременности; встреча с Карпо Тиуном, который дает Варваре два рубля для вытравления плода; первый визит к Ильинишне; второй визит к Ильинишне и вытравление плода; визит фельдшера; выздоровление Варвары; возвращение в станицу служивых казаков; встреча Гаврила с родителями и званый обед в доме Юлюхиных; ночной диалог Варвары и Гаврила; встреча Гаврила с жалмеркой Надорой и ревность Варвары, избиение Варвары Гаврилом; Гаврил отказывает отцу в деньгах; решение Гаврила покинуть семью и последующий отъезд в Ковно; знакомство Варвары со старым офицером. Сюжет заканчивается открытым финалом, смысл которого очевиден – Варвара соглашается стать экономкой-сожительницей старого офицера. Итак, сюжет рассказа многособытиен, в повествовании сочетаются динамические и статические ситуации, соединение семантических полей эпизодов происходит благодаря переходу главной героини от одного к другому.

С одной стороны, сюжет характеризует повседневность донских казаков. В современном литературоведении повседневность осмыслена как

³⁹³ Там же.

«основа, влияющая на все сферы человеческого бытия»; «реалии быта, обыденное сознание, материально-предметная среда, окружающая человека, осознаются обществом как особая культурная ценность»³⁹⁴. С другой стороны, в повседневности происходят неординарные события (любовная страсть и измена, физическое насилие над женщиной, аборт), придающие жизни персонажей чрезвычайность или экспрессивность. Повседневность героини протекает в столкновении противоположностей – ее гедонизма и физических, душевных мук.

В рассказе дано корректное авторское эксплицитное сопровождение как событий, так и тревог героини. В структуре повествования точка зрения автора и «повествовательный голос»³⁹⁵ в целом совпадают. Способ рассказывания регулирует объем художественного материала: Крюков в основном сконцентрирован на существенных событиях, деталях, репликах, не использует дублирующую информацию.

Ж. Жанетт выделяет нулевую, внутреннюю и внешнюю фокализацию. Нулевая фокализация означает повествование по типу «взгляда сзади» – от лица всеведущего автора, объем его текста преобладает над сказанным персонажем. При внутренней фокализации повествователь сообщает столько же, сколько известно персонажу. При внешней фокализации повествователь рассказывает меньше, чем знают персонажи, читатель может видеть действия главного героя, но не может знать его мыслей и чувств³⁹⁶. В течение повествования тип фокализации может меняться. В структуре рассказа «Офицерша» доминирует внешняя фокализация, тогда как внутренняя фокализация второстепенна (согласно выводу Жанетта, полностью внутренняя фокализация может реализоваться только как внутренний

³⁹⁴ Гончаренко Е.В. Философско-эстетическая категория повседневности в истории литературы // Художественная антропология: Теоретические и историко-литературные аспекты / Под ред. М.Л. Ремневой, О.А. Клинга, А.Я. Эсалнек. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 136.

³⁹⁵ Усманова А.Р. Фокализация // Постмодернизм: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. М.: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001. С. 890.

³⁹⁶ Жанетт Ж. Повествовательный дискурс // Жанетт Ж. Фигуры: В 2 т. / Пер. Перцовой Н. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 71.

монолог).

В «Офицерше» внутренняя фокализация реализована в таких описаниях психологического состояния героини: «Варвара сперва ждала известий с нетерпением, тревожилась, ходила несколько раз на почту, спрашивала: не было ли ей письма и не попало ли оно, часом, в руки свекру, боялась, что получит Макар письмо и утаит, не передаст ей»; «Сладкая тоска, желания смутные, песня в груди... Томно сердцу... Зовет, в звуках выливает истому оно. / ...Сердце злое, сердце ретивое... Не дает сердце мое покою...»³⁹⁷. Показателен эпизод, в котором Варвара, оставленная мужем, оказывается перед выбором принять или не принять недвусмысленное предложение старого офицера: «Варвара молчала. Чувствовала, что с нетерпением глядят на нее и мать, и Марья. Знают, зачем нужна она загулявшему старому офицеру. А ведь надо: копейки за душой нет... Но тошно сердцу, идет борьба в душе...»³⁹⁸.

Внешняя фокализация организует внешний сюжет рассказа. Например, лаконично сообщается, что муж Варвары ушел из семьи, уехал работать в город, пообещав писать письма и присылать деньги. В открытом финале повествователь исчезает, но история продолжается; фокализация через открытый финал, по Жанетту, перемещается в сознание (воображение) читателя. Для эмотивного типа текста продуктивны оба варианта фокализации.

Изображая внутреннее состояние героини, Крюков отдает предпочтение косвенной речи. Переломным в повествовательной стратегии становится сообщение о беременности Варвары, после чего автор сочетает косвенную речь с несобственно-прямой. Например: «Шла, а ноги еле несли ее. При одном воспоминании о том, как Ильинишна, громко сопя носом, кряхтя и рыча, давила ей живот, при этом воспоминании как будто чьи-то

³⁹⁷ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 264.

³⁹⁸ Там же. С. 317.

пальцы медленно, с болью отдирали кожу на голове и на спине, и боль останавливалась в ушах... Подкашивались ноги... Хотелось бросить и платок, и водку, лечь ничком посреди улицы и выть отчаянным голосом: мамунюшка родимая! зачем ты меня на светпустила, несчастную!..»³⁹⁹.

В психологии, этнографии, социологии страх и стыд – ограничители, «накладываемые на естественное поведение человека»⁴⁰⁰, регуляторы определенной культуры, накладываемые на члена социума. В рассказе вопрос о страхе, стыде, расплате решается вне патриархальной морали. Фокусируясь на изображении тревог, вызванных не самим грехом, но страхом перед расплатой за грех, разоблачением и последующим физическим страданием, Крюков не высказывает суждения о поведении как главной героини, так и других персонажей. Авторская точка зрения сближается с позицией женских персонажей.

Измены мужу интерпретируются как выражение и природной страсти женщины, и проявления воли героини, задавленной семейным укладом («в сердце много любви и жадного желанья взять из короткой жизни вольной всю ее пьяную радость, головокружительную, безоглядную...»⁴⁰¹). Стыд как поведенческий критерий казачками, как правило, не учитывается. Примечательно, что и свекровь, и мать Варвары скрывают ее поведение от Гаврилы. Помимо Варвары в станице были другие жалмерки, не раскаивавшиеся в изменах, например Устяшка или Надорка. Показателен диалог Варвары и «старой жалмерки» Надорки, которая откровенна в своем цинизме: «Мужа-то я вокруг пальца оберну!.. В гульбе уж как хошь, не утерплю, обману: кто понравится, с тем и иду...», «Муж... Есть чего бояться!

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ *Лотман Ю.* О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // *Лотман Ю.* Чему учатся люди: Статьи и заметки / Предисл. П. Тороп; сост. С. Салупере, П. Тороп. М.: Центр Книги Рудомино, 2010. С. 371.

Как считает Ю. Лотман, «характер ограничений, накладываемый на “нас” и “них”, <...> глубоко отличен. Культурное “мы” – это коллектив, внутри которого действуют нормы стыда и чести. Страх и принуждение определяют наше отношение к “другим”». Там же. С. 371–372.

⁴⁰¹ *Крюков Ф.* На Дону. В родных местах. С. 266.

Мой из полка писал, грозил: “Не перенесет моя казачья кровь обиды, приду – жизнь порешу неверной жене!..” А пришел – и вот, живем покуда...»⁴⁰². Градус наслаждения минимизирует ужас наказания: «Плетка дело терпимое. Бил сукин сын. Все тело в синяках было, суставчики и кости ныли... Ну, да бей не бей, а трехлетнюю волюшку не выбьешь. До гробовой доски ее не забуду – пожила! С милыми да в охотку...»⁴⁰³. Диалог сопровождается смехом обеих казачек. Крюков отмечает, что Варвара грешила и до связи с Карпо Тиуном: «Был это не первый грех ее, но все сходило с рук благополучно»⁴⁰⁴.

Такая же характеристика образа жизни жалмерок дана в раннем рассказе «Казачка» (1896): «гуляют себе – горя мало!», «забалуется, заведет дружка, а там глядь – вот и прибавка... А уж это последнее дело: и перед людьми срамота на весь век, и муж истиранит до конца»; супружеская неверность – «самое обыкновенное явление в казачьей среде»; казак Рудин пришел со службы – засек беременную жену до полусмерти, «и никто не заступился»⁴⁰⁵.

Таким образом, утверждение о том, что «половое влечение как потребность принадлежит природе, но после того, как оно подчиняется дополнительным запретам <...> природная функция уступает культурным»⁴⁰⁶, в рассказах Крюкова предстает не безусловной нормой: дополнительный запрет не реализуется на уровне сознания.

В «Офицерше» поставлены насущные вопросы, по-своему разрешающиеся в философии и психологии.

Во-первых, согласно точке зрения А. Шопенгауэра, любовь к жизни – «самая могучая и деятельная из всех пружин бытия»⁴⁰⁷. Для ее изображения Крюков вводит в текст многочисленные витальные детали поведения,

⁴⁰² Там же. С.268.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Там же. 266.

⁴⁰⁵ Крюков Ф. Д. Рассказы. Публицистика. С. 52, 56, 58, 59.

⁴⁰⁶ Лотман Ю. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры. С. 371.

⁴⁰⁷ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 98.

управляемые естеством – полом. Например: «Он поймал ее рукой за шею и привлек к себе. Началась веселая недолгая борьба. Вырываясь и хохоча, Варвара сбила с него фуражку, спутала волосы, успела сыпнуть горсть ржавых листьев в лицо, и когда он опять ухватил ее, уперлась обеими руками ему в грудь. С минуту, молча, тяжело дышащие, усталые, глаза в глаза глядели они друг другу, вечные и милые враги, влекомые неодолимой силой друг к другу. Он притянул ее к себе, и, обессиленная, задыхающаяся, она замерла, когда он, обхватив ее шею, прижался губами к ее плотно сжатым зубам...»⁴⁰⁸. Приведенный фрагмент текста иллюстрирует тезу Шопенгауэра о том, что половой инстинкт «поглощает половину сил и мыслей молодого человечества»⁴⁰⁹. Рассуждая о «муках полового томления», Н. Бердяев утверждал, что «с полом связана вся наша жизненность», что «утверждать пол в любви – значит утверждать полноту и совершенство индивидуальности»⁴¹⁰.

Индивидуальность героини выражена через ее естественность, коррелирующую с оплотненностью изображенного Крюковым мира. Константное в повествовании выражение биологических интенций, природности женщины («Сердце злое, сердце ретивое... Не дает сердце мое покою...», «Молодой... И сердце уж ждет его, любит, зовет...»)⁴¹¹ маркирует ее жизненную силу. Этому же способствует природный контекст, который автор придает чувствам героини: «милые птицы! хорошо вам теперь парочками летать!», «прозвенел крик казарок – диких гусей – нежный, призывный, радостный», «клейкие листочки на солнце сверкают, белыми кажутся, точно первый цвет ароматный»⁴¹².

Сведения о стилевых предпочтениях Крюкова в описании любовного чувства содержатся в письме к А.И. Тинякову. Редактируя присланную ему

⁴⁰⁸ Крюков Ф На Дону. В родных местах. С. 265.

⁴⁰⁹ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. С. 224.

⁴¹⁰ Бердяев Н. Самопознание: Избранное. М.: Мир книги; Литература, 2006. С. 22.

⁴¹¹ Крюков Ф На Дону. В родных местах. С. 264.

⁴¹² Там же.

новеллу Тинякова, в которой описаны любовные отношения, он указывает на такие недостатки, как растянутость и повторы (хотелось «перекрестить, т.е. вычеркнуть некоторые места»), излишняя чувственность: «Описания любви и любовных объяснений Вам совершенно не удалось: много сентимента и мало простоты <...> Музыка слов и словосочетаний Вас слишком увлекает, и – правду сказать – Вы мастер музыкальности фразы, но символы и тонкости оттенков Вам плохо удаются, хотя Вы и пробуете для выражения их новые, на мой взгляд – рискованные средства»⁴¹³. В изображении влюбленности Крюков предпочитал простоту (речь идет, скорее всего, о непосредственности) в сочетании с оттенками чувств.

Крюков сосредоточен исключительно на изображении побуждающей к эмоциям органики, что отличает его произведение от сходных семейных ситуаций, описанных в «Донских рассказах». До «Тихого Дона», в котором Шолохов также развил тему природности, страсти, супружеской неверности донских казачек (влюбленная Аксинья Астахова, гулящая Дарья Мелехова), был написан рассказ «Двухмужняя» (1925), в котором есть сюжет об измене жалмерки мужу, но еще нет крюковского и шолоховского ощущения физической, плотской силы жизни. В рассказе измена мотивирована фактором незнания. Героиня по имени Анна получает весть о гибели мужа, сражавшегося с красноармейцами: «Какие из-за моря, от Врангеля, вернулись казаки, гутарили, что помер в Туретчине»⁴¹⁴. Эти обстоятельства побуждают ее преодолеть сомнения и уйти к Арсению. Шолохов описывает внутренний конфликт Анны: она живет с Арсением, рождает от него сына, но в ней сильно чувство долга по отношению к вернувшемуся мужу. Героиня возвращается к мужу, терпит (как в случае с Варварой) от него унижение и побои: «С каждым ударом, падавшим на неподвижное, согнутое на полу тело жены,

⁴¹³ Октябрь 1903. ОР ПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 447, ед. хр. 22 (4498), л. 1, 2. Там же Крюков дает совет: «учиться, работать и присматриваться ко всему, что Вас окружает». О работе Крюкова над своими черновиками говорит фраза из следующего письма Тинякову: рассказ «набросал вчера, но над ним много предстоит работать». ОР ПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 447, ед. хр. 22 (4499), л. 1.

⁴¹⁴ Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 218.

сильнее злобою закипал Александр, бил размеренней, старался попасть ногою в живот, грудь, в закрытое руками лицо. Бил до тех пор, пока не взмокла потом рубаха и устали ноги»⁴¹⁵. В отличие от рассказа Крюкова, Шолохов сочетает интимную линию повествования и социальную. Арсений принял советский уклад, последующее возвращение Анны к нему показано и как перемена в личной судьбе, и как вступление в новую жизнь станицы, он встречает ее словами: «Знал, что ты вернешься в коллектив»⁴¹⁶.

Во-вторых, для истории Варвары актуальна мысль Шопегауэра о том, что даже при полном удовлетворении желаний человек не получает полной свободы от страданий: «И замирало сердце от ужаса и отчаяния. Гвоздем сидела в голове мысль неотвязная о грядущем позоре неминуемом, непереносном. Спать разучилась, на ум еда не шла. Душили кошмары по ночам: черное небо валилось на голову, в бездонный темный погреб падала стремглав, косматые старухи беззубыми ртами шамкали, ругая ее, пальцами показывали, издевались...»⁴¹⁷. С возвращением мужа Варвара терпит его побои. Крюков натуралистично описывает избиения: «Забыв о своем офицерском звании, Гаврил Юлюхин бросился на жену, сшиб ее с ног и, под громкий хохот толпы, бил ее, визжащую и барахтающуюся, и кулаками, и лакированными своими сапогами...»⁴¹⁸.

В-третьих, под давлением обстоятельств жизнь героини Крюкова корректируется соответственно моральным нормам. Г. Маркузе начинает свой труд по философии психоанализа «Эрос и цивилизация» (1955) с поставленной 3. Фрейдом проблемы «обуздания человеческих инстинктов» как «основания цивилизации»⁴¹⁹ и делает сходный вывод: «цивилизация начинается с отказа от первичного стремления к целостному

⁴¹⁵ Там же. С. 233.

⁴¹⁶ Там же. С. 234.

⁴¹⁷ Крюков Ф. Офицерша // На Дону. В родных местах. С. 265.

⁴¹⁸ Там же. С. 299.

⁴¹⁹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М: АСТ; Ермак, 2003. С. 7.

удовлетворению потребностей»⁴²⁰. Как отмечалось ранее, Варвара принимает традиционный порядок семейных отношений и в конечном итоге, руководствуясь разумом, соглашается с предложением старого офицера.

«Первичное стремление к целостному удовлетворению потребностей», столкнувшись в житейскими нормами среды, как показывает Крюков, может иметь трагические последствия. Коллизия свободы личностных потребностей и обстоятельств описана в рассказе Крюкова «Казачка». В отличие от Варвары, жалмерка Наталья расплачивается за единственную («кутнула раз»⁴²¹) измену самоубийством. Ее судьба представлена в описании повествователя и восприятии станичного интеллигента – студента Ермакова, на каникулы приехавшего в станицу из Петербурга и передавшего ей подарки от служившего в Петербурге мужа. Наталья – эталон женской красоты, ее портрету отведено достаточно много места. В ее поведении, как в героине «Офицерши», героинях «Тихого Дона», ярко проявляется жизненная энергия. Она – источник зависти станичников. В ее грехопадении и самоубийстве существенную роль сыграли пересуды среды.

В «Казачке», в отличие от «Офицерши», Крюков выстраивает иной тип конфликта – он перекладывает ответственность за супружескую неверность исключительно на станичное окружение героини. Как сказано в рассказе, «народ ныне скандальный стал», «тупое равнодушие и полное безучастие ко всему», «Ежели кого не оговорят, не они будут! Брешут, как собаки!»⁴²². Станичники сообщают мужу о неверности Натальи, мажут ее ворота дегтем, свекор и свекровь невестку «из дому грозят выгнать»⁴²³. Письмо мужа родителям полно упреков и пронизано чувством стыда: «Слышу я, дорогие мои родители, дурные вести об ней, доходят до меня письма, от которых стыдно мне глядеть на белый свет, и товарищи надо мной смеются»⁴²⁴. В

⁴²⁰ Там же. С. 13.

⁴²¹ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 58.

⁴²² Там же. С. 43, 45, 47–48.

⁴²³ Там же. С. 49.

⁴²⁴ Там же. С. 48.

письме приведена аллегория-дендроним на запрет: говорится о дереве, которое надо пересадить к старым деревьям, чтоб они заглушили его, после возвращения домой он сделает так, что дерево засохнет и перестанет плодоносить.

В результате коллективной травли Наталья, сильная и свободная личность, бросает вызов среде – реализует беспочвенные слухи о себе, высвобождает подавляемое ею желание: «Горе взяло меня, сердце закипело! Коль так, и пускай будет так!..»⁴²⁵. Как писал Л. Шестов, «преследуемый Эрос <...> никогда не отрекался от себя»⁴²⁶. Крюков изображает сложный психологический узел, в котором сплелись осознание своей самости, страх (осенью вернется муж – «плеть принесет»⁴²⁷) и стыд («легче помереть»⁴²⁸). Ситуация усугубляется беременностью Натальи; как замечает станичная старуха, она стала ходить к знахарке, «а грех это, смертный грех!»⁴²⁹. Наблюдая за состоянием Натальи, Ермаков не понимал глубины ее терзаний, задавался вопросом: совесть ее мучает, или она просто хочет укрыться от людской молвы, или знает, что скрыть грех уже невозможно. Высшая эмоциональная точка в истории Натальи – натуралистические детали ее мертвого тела.

В рассказах Крюкова казачка, наделенная жизнеутверждающей силой, в конечном счете не является независимой личностью. В его произведениях женщина, с одной стороны, «половое существо»⁴³⁰, с другой – социальное. Сюжеты моделируются через столкновение силы пола (по выражению Н. Бердяева, «пол есть стихия»⁴³¹) и силы его ограничителей. Через внешний и внутренний конфликты Крюков ставит психологический вопрос о пределах

⁴²⁵ Там же. С. 51.

⁴²⁶ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2004. С. 78.

⁴²⁷ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 52.

⁴²⁸ Там же. С. 58.

⁴²⁹ Там же. С. 56.

⁴³⁰ Бердяев Н. Смысл творчества // Бердяев Н. Эрос и личность. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 28, 87. С. 86–150.

⁴³¹ Там же. С. 90.

выживаемости в драматических обстоятельствах.

2.6. Место этнических отношений в жизни казаков

(«Гулебщики» Ф. Крюкова и «Степные люди» А. Серафимовича)⁴³²

Согласно исторической науке, Дон, равнины изначально привлекали кочевников, среди осевших в степи народов называют скифов, сарматов, готов, гуннов, хазар, половцев, монголов, татар и др.; когда один народ доминировал, другой адаптировался к образу жизни хозяев степи, сохраняя свои обычаи; казаки – последние, взявшие под свой контроль донскую степь⁴³³.

Отношения казаков с населявшими степь и предгорье Кавказа иноверцами – не частая тема «донской» прозы. В «Гулебщиках»⁴³⁴ описывается участие молодого казака Филиппа в набеге на черкесский аул и его гибель от калмыцкой пики. В казацкой среде обычным предприятием считалось ограбление аулов вдоль Кумы. При этом особой потребности в грабеже не было: материальной нужды герой не знал, он был по-богатырски сильным и в работе спорым. В рассказе описана вербовка гулебщиков: на майдане старый казак кидал вверх шапку и сзывал охотников на «гульбу» – добычу «ясыря». Назван еще один повод для набега: добыча жены-черкешенки (татарки). Причем казаки не видели различия между этническими обозначениями «черкешенка» и «татарка»; для них, как во времена М. Лермонтова («Бэла»), «татарин» и «мусульманин» – синонимы. Герой рассказа Крюкова, не получив признания станичных казачек,

⁴³² Основные положения параграфа изложены в статье автора диссертации: *Гао Хань*. «Гулебщики» Ф. Крюкова и «Степные люди» А. Серафимовича: художественная интерпретация этнических отношений // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2023. Т. 33, вып. 4. С. 884–888.

⁴³³ *Дзюбан В.В.* Взаимоотношение русского государства и казачества: культурно-исторический аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. №5–6. С. 80–85.

⁴³⁴ События рассказа «Гулебщики» (1892) происходят во времена Петра; еще один рассказ, посвященный историческому прошлому (Булавинскому восстанию), – «Шульгинская расправа» (1894).

намеревался украсть чернооую черкешенку, как это водилось в среде казаков. Если мать назвала его бесстыдником и велела перекреститься, то для казаков не было проблемы в различии вероисповедания.

Отношения казаков с иноверцами выстраивались по принципу пищевой цепочки: они нападали на аул, когда черкесы покидали его ради грабежа, но объезжали калмыцкий улус – казак для калмыка представлял добычу. Так называемый «ясырь» состоял прежде всего из табуна, который гнали к Астрахани и там выгодно продавали персиянину-барышнику, на вырученные деньги покупали щегольский товар: герой рассказа приобрел себе малиновую черкеску, желтые шаровары, тонкую рубаху с золотым галуном, полушелковый кушак и для матери – шелковый халат, в котором она будет ходить в храм. Примечателен тот факт, что и сам грабеж проходил с Господом на устах, а, стараясь оторваться от калмыков, герой читал «Живый в помощи Вышняго».

Тема межнациональных отношений есть и в прозе Серафимовича⁴³⁵. В наше время после долгого забвения обозначился интерес к творчеству Крюкова, тогда как произведения Серафимовича находятся на периферии научных приоритетов. При сходстве и различии судеб того и другого их рассказы находятся в отношениях дополнительности, чем достигается полнота изображения казачьего мира. Например, Серафимович затрагивал проблемы казаков в рассказах «Белая глина» (1906), «Колечко» (1908), «Старое» (1910), «Чибис» (1911) и др. И Серафимович, и Крюков описали многосложные отношения между казаками, их психотипы, сочетание в их

⁴³⁵ Оба писателя вышли из донского казачества. Крюков родился в станице Глазуновской, Серафимович – в станице Нижне-Курмоярской; отец Серафимовича был есаулом Войска Донского, отец Крюкова – атаманом. Оба будущих писателя учились в Усть-Медведицкой гимназии; Серафимович окончил обучение на физико-математическом факультете Петербургского университета, Крюков – Петербургский историко-филологический институт. Серафимович увлекся марксизмом, был арестован и выслан в Архангельскую губернию; Крюков стал идеологом партии народных социалистов, за подпись под «Выборгским воззванием» (1906) отбыл три месяца в Петербургских «Крестах». Оба – непосредственные участники Первой мировой войны: Серафимович служил военным корреспондентом «Русских ведомостей», Крюков – санитаром и писал военные очерки для «Русских ведомостей», «Русского богатства», «Русских записок». Серафимович принял Октябрьскую революцию, Крюков стал участником Белого движения, в составе Донской армии отступал к Новочеркаску.

жизни жестокости и жалости.

В сюжет рассказа Серафимовича «Степные люди» (1902) введен эпизод, соответствующий типу этнических отношений, в теории этногенеза Л. Гумилева названному химерой («Этногенез и биосфера земли», 1965–1973; «Хунну в Китае», 1974; «Древняя Русь и Великая Степь», 1989). Несовместимость казаков и калмыков, проживающих в одном степном пространстве, обусловлена не их природной и культурной враждебностью, а разрушительным администрированием, обнулением национальной аксиологии калмыков. Как пишет Серафимович, власти насильственно приобщали калмыков-степняков к оседлой жизни, вынуждая их менять многовековые традиции.

События рассказа Серафимовича также происходят в степи близ Предкавказья. Казак Иван Чижиков мечтал об окончании службы на кордоне, представлял, как его встретят в станице, как он будет угощать стариков, привезет подарки детям, жене – платок, как займется хозяйственными делами, прикупит бычков, перекроит крышу избы. Однако в степи с ним произошло чрезвычайное событие. Встретив старуху-калмычку на золотистом скакуне, он мирно обратился к ней с просьбой дать ему воды. Далее темп повествования резко меняется, неожиданные и стремительные действия калмычки вносят в сюжет ощущение опасности: всадница мгновенно стянула аркан поперек казака, гикнула, лошадь понеслась по степи, волоча за собой добычу калмычки; голова, живот, спина казака бились о землю, он задыхался. В одном эпизоде Серафимович сконцентрировал значительный ряд экспрессивных деталей, передающих и боль, и растерянность пленника: земля сдирала с него кожу, рвала одежду, глаза выхватывали лишь копыта и хвост скакуны, синие штаны старухи, он слышал ее дикие вопли и т.п. Серафимович использовал прием умолчания, причину странного поведения старухи он назвал лишь тогда, когда та явно вознамерилась сбросить Ивана в темную бездну степного колодца. Как в «Гулебщиках», повествование строится на

однолинейном сюжете, однако в предкульминационном фрагменте Серафимович, проясняя причину ее действий, вводит в рассказ лаконичную историю калмыцкой семьи.

Проклиная казака, обзывая его волком и собакой, она мстила чужому⁴³⁶ русскому за детей, скотину, железную дорогу, кибитку, вольную кочевую жизнь, мобилизованных на службу калмыков, за большие деньги, потраченные семьей на седла, мундиры, шинели и проч. Она мстила за коварство русского купца, купившего у калмыков скот за фальшивые деньги, при первой расплате которыми они были арестованы. Казак должен был стать девятой жертвой ее мести, но в кульминационный момент борьбы он скинул несчастную в колодезь. Серафимович опять же подробно описывает ход борьбы, создает визуальную картину схватки, уплотняет повествование физическими и психологическими деталями. Например, сопротивляясь, калмычка звала угнанного в Сибирь старшего сына, двух других, служивших в полку; понимая, что сейчас окажется там, где уже гнили ее другие жертвы, она упиралась в землю, цеплялась за казака руками, кусалась, ее крик раздавался по степи. Никто не ответил ей и не помог, как никто не помог Ивану.

В рассказе Крюкова герой расплачивается жизнью за собственный грех; в рассказе Серафимовича поставлена проблема ответственности за чужую вину. Оба разрешают ситуации через роковой случай. История о непредумышленной встрече казака и калмычки в безлюдной степи, непредсказуемой победе полумертвого казака в борьбе со старухой, которой ненависть придавала невероятную силу, присвоение старухиной подушки, в которой он через год случайно обнаружил кредитки и расплатился ими на ярмарке, закончилась непредвиденным наказанием: герой был арестован за фальшивые деньги. Так его настигла месть калмычки.

Филипп и Иван выбрали каждый свою стратегию выживания. Рассказы

⁴³⁶ Ханинова Р.М. Репрезентация «Свой» – «Чужой» в рассказе А. Серафимовича «Степные люди» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. №2. С. 61.

Крюкова и Серафимовича завершаются темой наказания за преступление, в первом случае – намеренное, во втором – от незнания. Ключевую роль в эпизодах о наказании играют калмыки. И Крюков, и Серафимович придали рассказам ярко выраженное экзистенциальное звучание. Причем в «Гулебщиках» оно особенно проявляется в описании мертвого героя, распростертого под огромным ночным небом, в «Степных людях» оно усилено мотивом беспокойной совести. В душе Ивана вскоре после схватки проявился конфликт между жалостью к старухе и чувством самосохранения: у него было желание вытащить калмычку из колодца, но он этого не сделал. Он же не помог встретившимся калмыкам разыскать ее. Ничего не знавший о фальшивых деньгах, на суде он признал вину, так как сам решил наказать себя за грех убийства. Необходимостью в покаянии герой принципиально отличен от одержимой мстью старой калмычки. Серафимович прибегает к сюжетному параллелизму: некогда старший сын калмычки ради освобождения из заключения всей семьи взял на себя вину за ту же самую партию фальшивых купюр. Характерны детали, передающие состояние самонаказания: в тишине Иван перекрестился, назвал судей праведными, поклонился им и присяжным. По сути, произошло покаяние за нарушение заповеди «не убий». Крюков и Серафимович – не судящие повествователи. Оба избегают психологических длиннот, пространных монологов, подробного авторского комментария. Эмоциональный апогей приходится на финальные эпизоды.

Оба писателя рассказали о поджидающих «человека степи» трагедиях, которые происходят как в устоявшейся казачьей жизни, так и в разрушенном естественном существовании калмыков. Издавна кочевавшие между Доном и Кумой, калмыки поселились на территориях Донской степи в начале XVIII в.⁴³⁷ С одной стороны, понуждаемые к оседлости и подчиненные

⁴³⁷ *Оциров У.Б.* Калмыцкие этнические группы на Дону и Украине // История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: В 3 т. Коллективная монография. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. С. 624–658.

астраханской администрации, они сохраняли кочевой порядок, простой быт, родовые правила жизни, буддийскую веру⁴³⁸. Судя по рассказам Крюкова и Серафимовича, в зависимости от жизнеобеспечения буддийские моральные нормы нарушались ими, как христианские – казаками. С другой стороны, многие предпочли оседлость; кроме того, многим был придан статус калмыка-казака, они служили в полках Войска Донского, воевали в Первую мировую войну, многие калмыки приняли сторону Белой гвардии⁴³⁹, что видно, например, из повести П. Краснова «Степь» (1918). Примечательно, что в калмыцких улусах стремительно разрасталось поголовье лошадей; вслед за казаками калмыки заготавливали сено, обустроивали зимники. Участие калмыков в развитии коневодства отражено в образах калмыков-табунщиков из упомянутой выше повести Краснова. Таким образом, на изменение жизни донских калмыков повлияла их история и сосуществование с казаками. Вместе с тем изначально менталитету калмыков соответствовала природа степи.

Образ жизни казаков формировался в специфичных природных условиях (по мнению В.О. Ключевского, степь и Дон повлияли на историческую судьбу казачества⁴⁴⁰), под влиянием воинской службы и хозяйственных потребностей («Базы, сараи, курень требовали починки, скотину надо было гонять на водопой, на выпас, молотить хлеб, готовиться к пахоте, полоть бахчу»⁴⁴¹), сложных семейных отношений и личностного самосознания, что отражено в «донской» прозе Крюкова и Серафимовича. Тема этнических связей – далеко не сквозная, но раскрывающая темперамент и характеры персонажей. Судя по рассказам, казаков и калмыков объединяла степь как общее жизненное пространство и источник присущих им максимализма, воинственности,

⁴³⁸ Доржиева Г.Ш. Буддизм у калмыков // Там же. Т. 3. С. 218–258; Орлова К.В. Христианизация калмыков // Там же. Т. 3. С. 259–292.

⁴³⁹ Очиров У.Б. Калмыкия в период революции 1917 года и начала Гражданской войны. Калмыкия в 1918–начале 1919 гг. // Там же. Т. 2. С. 151–237.

⁴⁴⁰ См.: Солманидина Н.В. В.О. Ключевский о роли природы как социального фона и потенциала формирования русского народа и его ментальности // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 990.

⁴⁴¹ Серафимович А. Рассказы. 2-е изд. // Серафимович А.С. [Собр. соч.]. СПб.: Знание, 1905. Т. 1. С. 172.

бесстрашия, жажды воли.

Лексеме «степь» придан не столько ландшафтный смысл, сколько ментальный. Изображения степи в рассматриваемых рассказах составляют антитезу, но и дополняют друг друга, отражая многозначность степного мира. В «Гулебщиках» подчеркнута его витальность: «Одна степь широкая и зеленая, как море, раскинулась кругом. Утреннее солнце ярко блестело на молодой зелени. Травы пестрели и переливались различными тонами. Далеко, на самом горизонте, они синели, как седые курганы, задумчиво поднимавшиеся там в тонком голубом тумане»⁴⁴². Панорамный пейзаж в рассказе «Степные люди» отмечен mortalными эпитетами – степь бесплодная, сухая, горькая, мутная и т.п. Первая картина степи близка идиллической, вторая говорит о природе как еще одном суровом испытании для человека, его борьбе за выживание. В любом случае природа для «степных людей» – условие их обитания., писатели сфокусированы на бытийном единении степного неба и человека. Например: «И останется он лежать буйной головой в ракитовом кусте, резвыми ногами в ковыль-траве; сквозь тело белое трава прорастет, прорастет трава и цветы расцветут»⁴⁴³ («Гулебщики»). Или, напротив, акцент сделан на отсутствии согласия природы и человека: «Хотя и высыпали на небе звезды, но в степи было смутно и темно. Казак видел только темную землю под ногами да темный край, на который спускался звездный свод <...> он ждал рассвета: все та же темная степь, то же молчание, теперь уже не прерываемое даже сверлящими звуками кузнечиков»⁴⁴⁴ («Степные люди»).

Итак, раннюю «донскую» прозу Крюкова и Серафимовича объединяет реалистическое изображение жизни донских казаков и донских калмыков, их ментального различия и сходства, обращение к константным темам классической русской литературы. Проявляя эмпатию к героям, писатели не

⁴⁴² Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. С. 41.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Серафимович А.С. Рассказы. С. 170.

стремились разделять персонажей на злодеев и жертв, этический аморализм объясняли не влиянием среды, а роковым случаем, ошибочным выбором.

Сложные межнациональные отношения – проблема выживания не только донского казачества. О конфликтности казачества и иных народов говорится в поэме П. Васильева «Соляной бунт» (1932–1933). Поэма начинается с описания сибирской казачьей свадьбы, время действия – XIX век; далее повествование фокусируется на теме отношений казачьего мира и степного – казахского. Описано и усмирение бунта казахов, и изначальная взаимная ненависть пришедших с Ермаком казаков и «диких» степняков. Как сказано в «Соляном бунте», прииртышские казаки занимались грабежом, разбоем, жгли аулы «кыргызов»; «И когда не хватало станичникам жен привозных, / Снаряжались в аулы, чинили резню, табуны угоняли, / Волокли полонянок скуластых за косы по травам / И, бросая в седло, увозили к себе на тыны»⁴⁴⁵. Степняки, в свою очередь, казаков «губили стрелой», «давили конями», «Есаула Седых растянули крестом и везли / Три корзины ушей золоченому хану в подарок»⁴⁴⁶.

В обозначенных произведениях акцентируется внимание на такой традиционной ценности казачьего мира, как стремление казаков к военному, этническому, хозяйственному доминированию над другими народами, населявшими их территорию обитания. Их столкновение носило драматический и трагический характер.

*

Ценностные ориентиры донского казачества 1890-х–1910-х годов описаны Крюковым в сочетании и противопоставлении константных норм казачьего миропорядка, консервативных представлений об устоях, с одной

⁴⁴⁵ Там же. С. 125, 123.

⁴⁴⁶ Там же. С. 122.

стороны, и возрастания личностного сознания казака (казачки) – с другой.

В произведениях Крюкова социальные вопросы современности соотносятся с экзистенциальными, менталитет казаков ориентирован на исторически сложившиеся ценности донцов, но и отвечает общечеловеческим гуманистическим универсалиям. Герои Крюкова наделены исключительной жизненной силой, способностью к преодолению кризисных состояний. Смерть осмыслена Крюковым как онтологическое явление, ее целесообразность заключена в понимании полноты и ценности жизни. Однако массовые смерти во время Первой мировой и Гражданской войн Крюков считает катастрофической бессмыслицей.

С одной стороны, казак осознает свой воинский долг как необходимость служения отечеству, в чем проявляется его самость, с другой стороны, главный приоритет казака – внутренняя свобода, проявляющаяся в личной жизни и в отношении к социальным проблемам империи. Приоритет внутренней свободы приводит к семейным и общественным конфликтам, трагедиям, разрушению ряда традиционных ценностей (распространению злобы, семейного насилия, снохачества, пьянства, присвоению чужого имущества, самоубийству, изменам исполняющим воинскую службу мужьям, вытравлению плода и проч.)

Трудовую жизнь станиц, бедность личных хозяйств Крюков противопоставляет природной силе, мастерству, таланту казаков, осознанию ими своей сословной уникальности и чувству превосходства над другими степными народами.

Раскол в среде казачества, с точки зрения Крюкова, приходится на начало 1900-х годов. Описаны стихийное бунтарство казаков-погромщиков и политически готовящиеся выступления, отказ казаков от исполнения полицейских функций по отношению к митингующим и бастующим, распространение политической литературы, пребывание в тюрьмах политических заключенных, влияние казачьей интеллигенции на протестные

настроения станичников. Социальное зло, как и личное, в понимании Крюкова не абстрактно, а конкретно и объяснимо.

В прозе Крюкова поставлен актуальный в 1900-е и 1910-е годы вопрос о соответствии друг другу религиозных ценностей и социальной борьбы за новый российский миропорядок. На страницах его произведений разворачивается религиозно-революционная полемика, высказывания станичников являются библейскими реминисценциями.

Ряд произведений посвящен судьбам молодых замужних женщин и матерей. Перелом в ценностных ориентирах остро проявился в личной жизни казачек.

Глава 3. СПЕЦИФИКА И РОЛЬ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ (ПОРТРЕТЫ, ПЕЙЗАЖИ)

3.1. Особенности описания портретов

В прозе Крюкова портретные черты героев наделены комплексом художественных функций – от психологических до социальных и этнокультурных; они же играют роль в развитии сюжетов, являясь источниками восприятий и поступков персонажей. Справедливо обобщение значений портретных характеристик, сформулированное Л.Н. Дмитриевской: «портрет в литературном произведении является не только одним из средств создания образа героя, с отражением его личности, внутренней сущности, души через изображение внешнего облика, но и особой формой постижения действительности и характерной чертой индивидуального стиля писателя»⁴⁴⁷.

Задача Крюкова – представить разнообразие психологических типов казаков, описать их образ жизни в сочетании бытийных, бытовых, общественных, государственных, экзистенциальных проблем, противопоставить повседневность станиц, судьбы и характеры казаков сложившейся в сознании современников романтизации казачьего мира, с одной стороны, и представлениям о казаках только как охранителях престола, подавляющих протестные движения, – с другой. В изобразительной системе рассказов Крюкова портрет, в отличие от пейзажа, не занимает доминирующей позиции, но семантически важен, поскольку выражает индивидуально-типологические свойства героя.

⁴⁴⁷ Дмитриевская Л.Н. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З. Н. Гиппиус). Ярославль: Литера, 2005. С. 90.

Т.В. Ульянова акцентирует внимание на формировании через портрет лексико-семантического сегмента произведения и выделяет в словесном портрете «поля» цвета, формы, размера, мимики, синтаксических описаний, объектов описания. Ульянова Т.В. Фрейм «словесный портрет» в языке и культуре // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. №. S1. С. 59. ; Ульянова Т.В. Словесный портрет как речевая технология: функции и модели. Дисс.....канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 157 с.

3.1.1. Место портрета в изображении характера.

Средства создания внешних портретов

Крюков – мастер *лаконичного* портрета, наделенного значимым содержательным смыслом. По выражению Е. Фарыно, внешний портрет является «одним из самых интенсивных семиотических явлений любой культуры», внешность «всегда воспринимается как своеобразный знак», «своеобразная задача на узнавание, на идентификацию»⁴⁴⁸.

Одна из специфик литературного портрета – его статичность или динамичность⁴⁴⁹. К *статичному*, как правило, относится экспозиционный портрет, основанный на перечислении деталей внешности персонажа: лица, фигуры, роста, жестов, мимики, одежды, походки и других индивидуальных примет, рассчитанных на зрительное восприятие⁴⁵⁰. В большинстве произведений Крюкова описание портретов традиционно – оно дано при первом появлении героя в повествовании и следует композиционному принципу от целого к деталям.

Крайне редкий персонаж Крюкова не имеет статичных портретных характеристик. Например, в «Офицерше» автор представляет семью Юлюхиных. Глава семейства Макар Юлюхин – старик с бородой, ходит в основном «в белых шерстяных чулках и чириках, свежевывчерненных чистым дегтем»⁴⁵¹. Авдотья Филипповна – пожилая женщина, с большой грыжей, рыхлая и слезливая, с потемневшим и утомлённым лицом, резкими межбровными морщинами. Гаврила Макарыч Юлюхин, сын Макара Юлюхина, с круглым гладким лицом и небольшими усами, ходит «в

⁴⁴⁸ Фарыно Е. Введение в литературоведение. С. 166, 167.

⁴⁴⁹ Катренко О.Н. Типология литературного портрета в современных научных исследованиях // Пушкинские чтения: Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст / Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина / Под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина 2015. С. 202.

⁴⁵⁰ Юркина Л.А. Портрет // Введение в литературоведение: Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа; Академия, 1999. С. 199.

⁴⁵¹ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 262.

расшитой рубахе, забранной в шаровары с пестрыми подтяжками»⁴⁵². Женский образ в рассказе представлен Варварой, женой Гаврилы, женщиной с голубыми глазами и приятным лицом. Внешний портрет дополняет изображение характеров, темпераментов, жизненных обстоятельств: Макар – пожилой мужчина, искренне гордится армейскими успехами своего сына Гаврилы, не замечает, что этим раздражает сына Семёна; Авдотья на первый взгляд предстает злой старухой, в дальнейшем выказывающей заботу и понимание; Гаврила спокойный и сдержанный человек, но когда выпивает, то становится дерзким и буйным; Варвара поначалу описана как довольно наивный, неискушенный человек, со временем, пройдя через жизненные испытания, берет на себя ответственность за поступки.

Статичный портрет может быть априорным – данным до появления героя как действующего лица, например изображенным на фото. Так, повествование в «Офицерше» начинается с описания внешнего портрета Гаврилы, запечатленного на карточке: «лихой воин, одной рукой упершийся в бедро, другой – держащий обнаженную шашку свободным движением “в бою”. Голова его была высоко поднята, почти запрокинута назад, сбитая набекрень папаха лишь чудом держалась на голове, а в мягких, сплывающихся чертах круглого лица с усами, похожими на двух маленьких мышек, прижавшихся под носом, застыло напряженное выражение молодечества и неустрашимости»⁴⁵³. Всю семью приводят в восхищение офицерские погоны на фото Гаврилы. Идеализированный портрет Гаврилы мотивирует отцовскую гордость Макара.

Динамичный портрет представляет персонажа в действии, эмоциональной и динамичной пластичности. В ряд рассказов Крюков ввел эпизоды казачьих кулачных боев, в которых проявляется внешняя и внутренняя экспрессия персонажей: «Длинные волосы его развевались по

⁴⁵² Там же. С. 293.

⁴⁵³ Там же. С. 259.

ветру, как львиная грива, и вся фигура его, огромная, стройная, красивая своей силой, напоминала царственное животное» («Казачка»); «Ефим Бугор, стремительно и быстро, с развевающейся широкой бородой, с гиком выскочил вперед и сшиб молодого атаманца»⁴⁵⁴ («Казачка»); «Андрешка сейчас же схватил Филиппа руками от левого плеча и под правую мышцу, а Тишка ухватился поперек, у поясницы»⁴⁵⁵ («Гулебщики») и др. В подобных эпизодах портретная деталь синтезирована с поведенческой, повышена роль глаголов. Через изобразительные детали кулачных боев, как и любовных сцен, выражено мастерство Крюкова в описании *сильного природного начала*, заложенного в натуре казака или казачки, их здоровой телесности. При этом Крюков делает акцент на детали; ее яркость, выпуклость, значимость достигается минимумом или отсутствием авторских психологических описаний и глубинных рефлексий персонажей.

Детали портрета, прежде всего подчеркивающие инстинкты, чувства, темперамент персонажей, *соотносятся с состоянием природы*. Крюков часто прибегает к параллелизмам, передающим доминирование в персонажах естественности. Показательно описание случайной встречи жалмерки Варвары и Карпо Тиуна («Офицерша»). Перед изображением пробудившегося чувства Варвары к молодому казаку Крюков расставляет акценты на весеннем чувственном состоянии природы; от параллелизма автор переходит к мотиву природы как источнику любовного томления героини; состояние возбуждения подчеркнуто частыми инверсиями; в сильной позиции стоят слова одного корня «истомило», «томно сердцу», «выливает истому»⁴⁵⁶. Например: «радостно-возбужденный крик птицы, немолчный гул и гомон каких-то водяных жителей <...> тихий звон весенний пчелок <...> к полудню солнце весеннее всё истомило пьяным зноем своим, ленью и жаркой тоской налило тело, зажгло кровь, мыслями грешными, желаниями

⁴⁵⁴ Там же. Казачка. С. 109.

⁴⁵⁵ Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. С. 36.

⁴⁵⁶ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 264.

тайными заполонило голову»; «нежный, призывный, радостный» крик казарок, на который сердце отзывается «сладким трепетом»⁴⁵⁷; прошлогодняя листва дубового кустарника ассоциируется с мягкой постелью. Ради изображения страсти Варвары прозаизмы одежды Карпо (старая фуражка, короткий зипун, заплатанные чирики и т.д.) *подавляются физиологическими деталями* его портрета (он молод, волосы курчавые и светло-русые, «бородка молодая, неровная»), аллюзией на зверя («весело оскалены зубы»); привлекательная молодость казака подчеркнута характеристиками его коня («лошадка молодая», «молодой конек») ⁴⁵⁸. Крюков не дает натуралистических описаний телесной близости, она передана через сменяющие друг друга выразительные портретные детали: «исподлобья глядя на него насторожившимся взглядом своих лукавых глаз с голубыми зрачками в зеленом ободке», он в ответ глядит на нее «смеющимися глазами», далее – «глаза в глаза глядели они друг другу», далее – «прижался губами к ее плотно сжатым губам», после случившегося его серые глаза улыбаются «победно, благодарно и любовно»⁴⁵⁹. Так динамика действия передается через динамику портрета. Телесную природность казака Крюков передает и через *сравнения*. Например: «Из-под широких черных бровей, похожих на волосатых гусениц, на него глядели серые глаза, пристальные, неморгающие, светившиеся лаской»⁴⁶⁰ («В родных местах», 1906). Здесь же приведен уже встретившийся глагол с *зооморфной семантикой*: «Желтые зубы дружественно скалились из-под густых усов, которые лезли в рот»⁴⁶¹. Акцент на зооморфные портретные детали, использование параллелизмов портрета и пейзажа – повторяющееся изобразительное средство и в «Тихом Доне» М. Шолохова.

Усиливая тему природности своих героев, Крюков вводил в рассказы,

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Там же. С. 265.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 148.

⁴⁶¹ Там же.

повести, очерки образы животных; особенно значимы образы лошадей (коней) – помощников в труде и спасителей на поле битвы. Эстетическое отношение к красивым боевым лошадям (например: «Мелкой собачьей рысцей бегут маленькие, шершавые лошадки. Они худы, пузаты, разбиты ногами, но от того, что хвосты у них подвязаны в узел, они кажутся подобранными, легкими, непривычно щеголеватыми»⁴⁶². «Ползком», 1916) уравнивается с трогательным отношением к лошадям, заезженным тяжелой работой. Так, старая кобыла Корсачная («Зыбь, 1909») вызывает жалость: «Бока у Корсачной были желтые от навоза, шея местами облезла, а спина – острая, как пила <...> она уже доживала свой трудовой век, старушка с отвисшей нижней губой, с согнутыми коленями, с глубокими ямами над умными, унылыми глазами»⁴⁶³. Описание неэстетичного экстерьера перетекает в авторское описание голодной жизни кобылы под бороной, что, в свою очередь, характеризует и быт, и судьбу (последний жеребенок был отправлен на военную службу вместе со старшим сыном хозяев) семьи Терпугов.

Как правило, наиболее значимые портретные изображения представлены в психологически и (или) сюжетно значимых ситуациях. Показателен пример из произведения Крюкова «В глубине» (1913). В ровной протекающей трудовой повседневности портрет персонажа неактуален, но, когда одного из центральных персонажей, Луку, затрагивает мобилизация, в портрете фокусируется его судьба, подчеркивается слом привычной жизни: «Луканька Потапов чернобровый, стройный казачок, женат, имеет дочь, носит черные усики и скоблит подбородок, а вот завтра выходить ему в полк. Странно как-то почувствовалось: все время был Луканька, а тут точно в первый раз увидели мы его – настоящий казак, большой, серьезный, стоит на пороге пугающего неизвестностью будущего, долгой разлуки, похода в чужую, неласковую сторону. Форменный коротенький полушубок затянут

⁴⁶² Крюков Ф.Д. На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 513.

⁴⁶³ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 204.

желтым ремнем, суконные шаровары с красными лампасами, шашка... И грустные глаза...»⁴⁶⁴. В рассказе «Станичники» (1906) также описываются проводы казаков на службу. В деталях портрета выражено несогласие казачьего долга и личных чувств; значимы такие характеристики: «с грустной, покорной и кроткой улыбкой выслушивал все напутствия. В его простом, открытом лице с русою бородкой, в широких, слегка опущенных плечах усердного земледельца было что-то покорное судьбе, смиренное и вместе неуклюже-могучее»⁴⁶⁵.

По ходу развития сюжетов сменяются портретные доминанты, детали физического портрета уступают место психологическим. Например, в рассказе «Тоска» (1893) описаны братья, которых отец отправляет на учебу в город. Ожидание неизвестной городской жизни («черноглазое лицо мальчика с живым вниманием осматривало новую, невиданную прежде обстановку вокзала и новых людей»⁴⁶⁶) сменяется тоской по станице («горячие слезки выкатились из глаз у Егорушки»⁴⁶⁷). Так портретные характеристики соответствуют ключевым сюжетным ситуациям.

В приведенных цитатах отмечаем *минимальный комментарий автора*. В самих портретах о переживаниях героев говорят *психологические детали* («грустные глаза», «с грустной, покорной и кроткой улыбкой», «покорное судьбе, смиренное и вместе неуклюже-могучее»), эмоционально *преобладающие* над внешними деталями. Повышенная по сравнению с перечислением внешних черт выразительность психологической детали – традиционное свойство реалистического оценивающего портрета⁴⁶⁸.

Особенно результативно сочетание физиологии и психики в *изображении конфликтов*. В одном из эпизодов рассказа «На речке

⁴⁶⁴ Крюков Ф.Д. Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 114.

⁴⁶⁵ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 60.

⁴⁶⁶ Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. М.: АИРО-XXI: 2021. С. 172.

⁴⁶⁷ Там же. С. 179.

⁴⁶⁸ Н.А. Родионова в художественном тексте выделяет типы портретов: портрет-представление, портрет-оценка, портрет-ситуация. Родионова Н.А. Типы портретных характеристик в художественной прозе И.А. Бунина: Лингвостилистический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999. С. 45–47.

лазоревой» портретные и поведенческие детали говорят о напряженном конфликте между отцом и сыном: «Но сын вцепился в них молча, крепко, точно замер, с стиснутыми зубами, и в молодой, напряженной фигуре его чувствовалась вся сила ненависти и мстительной жажды, накопленной годами былых и свежих обид. Отец на вид был тяжелее, сильнее, но он уже явно выдохся, выбился из сил, и сквозь плюющую в воздух ругань слышно было его тяжелое, свистящее дыхание»⁴⁶⁹. Внешние детали минимальны, выстраиваются на *антитезе*: «стиснутые зубы», «молодая, напряженная фигура» сына – и тяжелое, сильное тело отца. Портрет сына отмечен экспрессивным глаголом «вцепился», которым передано агрессивное действие, ему противопоставлены глаголы «выдохся», «выбился».

Крюков достиг *семантической значимости* портретной детали, она нацелена как на изображение характера, так и на развитие идеи произведения в целом. При своей лаконичности приведенные ранее портреты соотносятся с темами жизни и смерти, несвободы выбора, предначертанности жизненного пути и другими константными темами. В портретные характеристики заложено содержание жизни персонажа. Например: «Фуражка на нем, хотя с красным околышем, но похожа на просаленный и поджаренный блин; вместо мундира – черный зипун или старая, заплатанная поддевка; вместо сапог – чирики; вместо шаровар с красными лампасами – просто полосатые или синие портки... Одним словом, это – тот загорелый, заветренный, мазаный человек, над которым неизменно тяготеет суровая власть земли и нужды и вечная необходимость неустанного труда, чтобы не умереть с голоду»⁴⁷⁰ («На тихом Дону», 1910). В приведенной цитате переданы социальные и экзистенциальные смыслы жизни персонажа, дан путь человека от славного военного прошлого⁴⁷¹ к тяжелому труду и нужде.

Коллективные портреты также соотнесены с главными темами

⁴⁶⁹ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 236.

⁴⁷⁰ Там же. С. 43.

⁴⁷¹ Форма донских казаков включала синюю фуражку с красным околышем.

произведений. В рассказе «Около войны» (1914–1915) через такой тип портрета передана трагедия народа, объединенного испытаниями Первой мировой войны: «На рельсах осталась разномастная, разновозрастная толпа. Все больше женщины и дети, изредка старики в дубленых тулупах. Как бы по инерции брели разорванным строем вслед скрывавшемуся поезду. Смешался плач ребячий и тихое женское причитание. Мальчик в серой шинельке и в шапке с красным верхом устало бежал впереди толпы и надрывным голосом кричал: – Да родимый ты мой батюнюшка!»⁴⁷². Динамичный портрет дополнен *акустической полифонией*, заостряющей драматизм прощания с призванными на военную службу сыновьями и отцами: «пырсканье» лошадей, «звон» плача, «ровно занимающаяся протяжная песня» мужских и женских голосов⁴⁷³.

Значимый элемент реалистического портрета, маркирующий социальный статус персонажа и его принадлежность к определенной этнокультуре, – *одежда и снаряжение*. Детали одежды и снаряжения занимают особое место в изображении образа жизни казака – станичной и военной. Например: «уздечка с чумбуром, недоуздок, чемодан и шесть пряжек, саквы сухарные, саквы фуражные, попона с троком, торба, скребница, щетка, фуражирка, сетка, тренога и плеть» («На Тихом Дону»)⁴⁷⁴. Сообщаются яркие цвета одежды, что созвучно характеру и темпераменту персонажа. Приведем описание работы косарей: «У старого Пантелевича спина взмокла, потемнела и синяя рубаха с белыми полосками казалась заплатанной черными латками. Аксютка – алая в своем красном, красная кофта, красный подоткнутый фартук на пестро-синей юбке, разгоревшаяся, с выбивающимися из-под белого платка черными прядями волос, махала бойко и небрежно»⁴⁷⁵ («В глубине»).

⁴⁷² Крюков Ф.Д. На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 269.

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Крюков Ф.Д. Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 125.

⁴⁷⁵ Крюков Ф.Д. В глубине. С. 148.

3.1.2. Точка зрения автора в описании портрета

Согласно положениям научной монографии Б.А. Успенского⁴⁷⁶, точка зрения в художественном произведении – фактор идеологии, фразеологии, пространственно-временной композиции, психологии. Точка зрения выявляет «присутствие», позицию автора в произведении⁴⁷⁷. Автор, как пишет Б.А. Успенский, может проявлять свою точку зрения, не приводя точки зрения другого лица или передавать целиком свою точку зрения герою, причем автор может воспринять речевую специфику героя, используя сказ, активными в тексте могут быть несобственно-прямая речь и внутренний монолог.

Портретная характеристика персонажей – один из путей выражения авторской точки зрения (ранее мы прибегали к специфике выражения авторской точки зрения в сюжете: п. 2.5.3). Прием *сочетания разных точек зрения* является одним из средств Крюкова в изображении портретов персонажей. По М.Г. Уртминцевой, различаются три типа портретов персонажей: 1. описание внешности героя с точки зрения автора; 2. визуальный образ, передающий точку зрения «другого» (или других); 3. сочетание точки зрения автора и «другого»⁴⁷⁸. Критерий осведомленности о

⁴⁷⁶ Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.

⁴⁷⁷ Николаев А.И. Основы литературоведения. Иваново: ЛИСТОС, 2011. 255 с.

В.М. Толмачев считает, что точка зрения описывает ««способ существования» (mode of existence) текста как повествовательной структуры, автономной по отношению к действительности и к личности писателя. <...> Используется прежде всего для описания и анализа сложившихся в тексте пространственно-временных отношений между “как говорится” и “что говорится”, между картиной мира и оценкой происходящего, отраженных в сознании рассказчика (рассказчиков), и теми же элементами у персонажей». Толмачев В.М. Точка зрения // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия / ИНИОН РАН / Гл. науч. ред., вступ. ст. Е.А. Цургановой. М.: Intrada, 2004. С. 404. Также: Толмачев В.М. Точка зрения // Современное зарубежное литературоведение. Концепции. Школы. Термины / Под ред. И.П. Ильина, Е.А. Цургановой. М.: Intrada, ИНИОН РАН. 1996. С. 154–157.

Структуралистский вариант – *фокализация* (использован нами во второй главе как наиболее дробное определение). Фокализация *изнутри* означает «психическую реальность», *извне* – «ее объективную манифестацию» (Ж. Пуйоном); или *сзади*, т.е. «нарратор знает больше персонажа», *с* – «нарратор знает столько же, сколько и актер», *извне* – «нарратор знает меньше актора» (Цв. Тодоров); согласно Ж. Жаннету, *сзади* – «нулевая фокализация», *с* – «внутренняя фокализация», *извне* – «внешняя фокализация». Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН, Intrada, 2001. С. 317.

⁴⁷⁸ Уртминцева М.Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века. Генезис, поэтика, жанр. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 210.

событиях и героях наиболее актуален для авторского взгляда на происходящее. Критерий вовлеченности в большей степени говорит о восприятии портрета рассказчиком (чаще протагонистом) или героем («другим»).

Портрет, отражающий авторскую точку зрения, и объективен, и не бесстрастен, не отстранен. Например, в рассказе «Мать» автор выражает сочувствие персонажу: «Был он одет по-праздничному, в своем новом пиджаке и в шелковой голубой рубашке, длинный такой, с тонкой, костлявой шеей. На худом лице, со знакомыми веснушками около носа, резко выступали скулы, и стали большими печальные, запавшие глаза, еще недавно беззаботно-ясные и дерзко-веселые. Теперь беспокойная боль пришибленности глядела из их глубины, беспомощная и жалкая»⁴⁷⁹. В портрете только что попавшего в тюрьму сына Григорьевны есть *субъективность*, неявное сострадание автора к герою, прежде всего выраженное через определения «печальные», «беспомощная», указание на веснушки «знакомые», обычно раскрывающую субъективность восприятия генитивную метафору (здесь: «боль пришибленности»), а также через инверсию. Приведем еще один пример («В глубине народной», 1911), в котором автор ставит акцент на своем восприятии портрета. Повествователь передает свое впечатление от чтения мальчиком книги Л. Толстого и от того, как слушает его отец. В обоих отмечается трогательность. При описании семилетнего чтеца использован минимум портретных деталей («усиленно шмурыгал носом»), скорее повествователь отмечает манеру чтения («топтался около каждого слова»); в портрете отца, сапожника Артемича, запечатлена его эмоциональная реакция: «С сигаркой около уха», «раздвинулись угрюмые морщины его между бровями и собрались этакими мягкими, теплыми лучами около глаз, и все лицо светилось особенной

⁴⁷⁹ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 267.

улыбкой, ясной и стыдливо восхищенной»⁴⁸⁰. Точка зрения повествователя усилена указанием на автора книги: повторяющийся в произведениях Крюкова образ Толстого связан с темой свободомыслия, оппозиционных взглядов.

Примером *беспристрастной* позиции автора служит процитированный ранее портрет казака из рассказа «В глубине»: «Теперь он уже в совершенных летах, чернобровый, стройный казачок, <...> носит черные усики и скоблит подбородок»⁴⁸¹. В данном предложении повествователь адресует свою точку зрения читателю. Приведены типичные черты внешности казака, призванного на службу: до начала XX века казаки продолжали следовать традиции ношения усов и бород в соответствии с возрастом и служебным статусом; молодым казакам позволялось растить усы перед службой, в то время как право ношения бороды предоставлялось только тем, кто уже прошел службу; в сознании казаков усы и борода символизируют жизненную (в том числе сексуальную) энергию мужчин⁴⁸².

Воображаемые портреты также служат раскрытию авторской точки зрения. Через детали таких портретов может раскрыться осознание автором временности существования, текучести времени и телесной искаженности человека в старости. На повествователя смотрят «выцветшие старушечьи глаза», а ему кажется, что и эти глаза, и согнутая фигура, и костыль – шутка стоящей перед ним женщины; вот она выпрямится, отбросит костыль, и он увидит ее гибкий, стройный стан, ее живописный наряд, напоминающий старину, увидит вместо высохших рук и впалых щек на «изношенном лице» чернобровую красавицу из казацких песен, услышит ее молодой голос⁴⁸³ («Старая левада, 1910»). В рассказе дан образ старухи, чей внук был схвачен

⁴⁸⁰ Крюков Ф.Д. В глубине народной. С. 287.

⁴⁸¹ Крюков Ф.Д. Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 114.

⁴⁸² Рыблова М.А. Казак и казачка: типичные образы в традиционной культуре донских казаков // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2007 год. Дикаревские чтения (14): материалы Северокавказской научной конференции. Краснодар. 2008. 22 ноября / Сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: Экоинвест, 2009. С. 136.

⁴⁸³ Крюков Ф.Д. Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. С. 267.

жандармами. Через композицию деталей проявляется авторская жалость к ней. В вымышленном идеализированном портрете продуктивен прием отрицания («нет высохших одетых морщинами рук, <...> нет втянутых щек»⁴⁸⁴), через который выстраивается антитеза.

Портреты персонажей, описанные с точки зрения *третьего* («*другого*») *лица*, также могут строиться на субъективности восприятия и могут изображаться беспристрастно. В рассказе «Шаг на месте» нейтральное описание портрета урядника Горбачева дано от лица доктора Брагина. Доктор увидел сзади «приземистую, невзрачную фигурку Горбачева в новеньком расстегнутом пальто», его намащенный чуб был зачесан слева к околышу фуражки; когда Горбачев поворачивался к доктору боком, были видны его «тараканьи усы, курносое, румяное, свежесвыбритое лицо и вышитую манишку»⁴⁸⁵. В рассказе «Из дневника учителя Васюхина» для «другого» во внешности молодой казачки, напротив, запечатлены черты, выдающие его волнение: он, сидя на завалинке, думал «об этой девочке», ее худое и бледное при свете луны «личико», улыбка долго не давали ему уснуть⁴⁸⁶. Как в предыдущем, так и в этом примере портреты имеют композиционное значение, предваряют дальнейший мотив: в первом случае – общественную полемику, во втором – интерес повествователя к героине. В рассказе «Тишь» субъективный оценочный портрет усилен уже начальной фразой: «Максим Семеныч любовно смотрел на старого товарищ»⁴⁸⁷, далее описан портрет постаревшего человека (поседел, ожирел и т.п.), но сохранившего черту молодости – простодушие, прочитывающееся в глазах. Портрет, представленный с точки зрения «другого»-героя, входит в арсенал изобразительных средств и М. Шолохова. Так, С.Г. Семёнова

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 102.

⁴⁸⁶ Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С. 25.

⁴⁸⁷ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 323.

пишет об авторе «Тихого Дона»: автор передает свою «зоркость»⁴⁸⁸ персонажу.

Частый тип композиции точек зрения при создании портретов в прозе Крюкова – *их совпадение*. Например, в рассказе «Душа одна» отмечено отцовское восприятие молодого казака (простодушие, печаль, детская открытость и проч.), которому предстоит воинская служба. Отцовское эмоциональное участие в судьбе младшего сына передано через оценочные прилагательные, однако они же выдают и точку зрения автора. Мастер детали, Крюков избирателен и корректен в подборе портретных характеристик. Достаточно двух-трех нейтральных прилагательных, но в сочетании создающих оценочный портрет. Например, в «Офицерше» героиню нанимает в экономки толстый офицер, его череп – голый, усы – рыжие, щетина – седая, подбородок – «необъятный»⁴⁸⁹ («Офицерша»). Здесь отношение автора к персонажу совпадает с восприятием офицершей своего будущего благодетеля.

В дополнение к названным типам точек зрения Крюков использует портрет как *самонаблюдение* персонажа, которое непосредственно раскрывает его психологическое состояние. Например, в рассказе «Офицерша» через самонаблюдение передано переживание героем контраста между городской жизнью и хуторской: когда вернувшийся со службы Гаврил надел чирики и отцовский старый зипун, посмотрел на себя в зеркало и «чуть не заплакал»⁴⁹⁰. Реакция Гаврила предвещает дальнейшее развитие его сюжетной линии: он оставит станицу и переберется в город. В рассказе «Новые дни (из школьной хроники)» (1907) также использована деталь зеркала: в зеркале отразилось некрасивое и растерянное лицо героя, к тому же оно выражало растерянность – и его сердце затосковало «жгуче»⁴⁹¹. Этот эпизод дан как реакция учителя Краева на разговор с учителем гимназии о его общественных взглядах,

⁴⁸⁸ Семёнова С.Г. «Тихий Дон» Михаила Шолохова: от поэтики к миропониманию. С. 293.

⁴⁸⁹ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 317.

⁴⁹⁰ Там же. С. 310.

⁴⁹¹ Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С.145.

предстоящих общественных потрясениях; действительно, через несколько месяцев наступило время «избиения гимназистов, пал Порт-Артур, рабочие ходили к царскому дворцу»⁴⁹².

3.2. Назначение и специфика пейзажей⁴⁹³

3.2.1. Общая характеристика пейзажей

В изображении как судеб, характеров донских казаков, так и художественного пространства Ф. Крюков активно использует возможности вербального пейзажа⁴⁹⁴. Пейзажные образы мотивируют поступки, настроения героев и влияют на развитие сюжета.

Созерцательное, сенсорное, эстетическое, мифологическое, интеллектуальное восприятие природы, отражающееся в художественных текстах, является частью гносеологического опыта. Как отметил А.Н. Афанасьев, «сочувственное созерцание природы» сопровождало человека изначально – уже «в период создания языка», в эпоху архаических мифов⁴⁹⁵. Пейзаж в художественном произведении осмысливается как составная часть картины мира – универсальной системы⁴⁹⁶, в которой мировоззренчески и образно представлены мир и человек, естественные законы бытия, его пространственно-временная и социальная специфика, духовно-культурное, метафизическое содержание бытия в вариациях возвышенного, низменного, комического, трагического, прекрасного,

⁴⁹² Там же. С. 146.

⁴⁹³ Основные положения параграфа изложены в статье автора диссертации: *Гао Хань, Солнцева Н.М.* Место пейзажа в повествовательной структуре произведений Ф. Крюкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2022. Т. 22, вып. 1. С. 95–98.

⁴⁹⁴ *Воронин Р.А.* Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном мире: материалы Международной научной конференции (Москва, июнь 2017 г.). М.: Изд. дом «Буки-Веди», 2017. С. 1–4.

⁴⁹⁵ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 1. С. 8. Цит. по: *Хализев В.Е.* Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. 3-е изд. М.: Высш. шк., 2002. С.241.

⁴⁹⁶ *Топоров В.Н.* Модель мира // Мифы народов мира: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 161.

безобразного и др.⁴⁹⁷ Пейзаж как пространственный образ художественного произведения «декодирует» картину мира автора, реализует «одну из важнейших задач искусства – быть средством познания»⁴⁹⁸ и имеет прямое отношение к интерпретации текста⁴⁹⁹.

В произведениях Крюкова о жизни казаков пейзажным описаниям отведено значительное место; они наделены рядом нарративных функций, отвечающих изобразительным традициям реализма. Существенную роль пейзаж играет в прояснении авторской точки зрения. В сознании Крюкова природа ассоциируется с родиной-матерью («как ласка матери»⁵⁰⁰) и являет собой целостный мир, в котором гармонирует высокое и низкое, что выражено им, например, в пейзажной лирической миниатюре «Край родной» (1918). В природном пространстве «тихий свет зари», молодой месяц, воды «старого, милого Дона», «клекот сизого орла» сочетаются с могильными крестами, белыми куренями в зелени вербовых рощ, домашним сверчком, кизячным дымом, укропом на огороде, «буреющей соломой»⁵⁰¹. При этом между низкой природой и небом или Доном нет ценностной иерархии, поэтизируется как месяц, так и дым от кизяка⁵⁰².

Крюков через пейзаж структурирует художественное пространство,

⁴⁹⁷ Мейлах Б.С. Философия искусства и художественная картина мира // Вопросы философии. 1983. №7. С. 116–125.; Миллер Л.В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. 156 с.; Болотнова Н.С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира // Вестник ТГПУ. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). 2004. Вып.1 (38). С. 20–25.; Миниханова Л.К., Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности // Вестник Башкирского ун-та. 2012. Т. 17. № 3 (I). С. 1626–1627; Хартикова А.В. Художественная картина мира автора и текста // Вестник Адыгейского государственного ин-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 4 (128). С. 102–107.

⁴⁹⁸ Ноздрина Л.А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий: Учебное пособие для лингвистических вузов и факультетов. М.: Дрофа, 2009. С. 15.

⁴⁹⁹ В.Н. Топоров относит художественное произведение к текстам «усиленного» типа, которому соответствует особый тип пространства – мифопоэтический, противоположный научному (абстрактному и географическому). Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 229.

⁵⁰⁰ Крюков Ф.Д. Казацкие мотивы: Повести, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворения в прозе. С. 425.

⁵⁰¹ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика / Вступ. ст., примеч. Ф.Г. Бирюкова. М.: Сов. Россия, 1990. С. 512.

⁵⁰² «Опоэтизированная Пушкиным “низкая природа” утвердила в русской литературе определенный тип пейзажа со своим образным и колористическим строем. Приметы его скудны и однообразны: плоская унылая равнина, редкие хворые деревца, жалкие крестьянские строения — и непременно беспроблесечно серое небо». Пигарев К.В. Русская литература и изобразительное искусство: очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в. М.: Наука, 1972. С. 29.

поскольку в художественных текстах пространство не пусто⁵⁰³, наполнено персонажами, природными или вещными объектами⁵⁰⁴ и не представляет собой только геометрическую форму («сфера геометрии – пустая, полая по существу»⁵⁰⁵). Природа и человек, объединенные художественным пространством, либо родственны, либо враждебны друг другу⁵⁰⁶; их «диалог» актуализирован в произведениях Крюкова. В прозе донских писателей частотна гармония состояний человека и природы. Даже если герой находит свою смерть в степи, Крюков проецирует на такие эпизоды мотив вечности бытия. Примером исключения может служить рассказ Сазонова «Как червь ползущий»: если повествование начинается с авторского любования степью (она вслушивается в звуки дудки и подпевает им «сонными голосами», «кажется, что это вовсе не Спиридон играет, а комариным голосом поет степь, и звук этот тоже вечен и необходим здесь, как шум у моря»⁵⁰⁷; высоко парит степняк, задумчив лиловый курган, «зовет глаз белый камень в траве» и т.д.), то в герое (Цыганкè) степь вызывает тревогу, душевный диссонанс; она давит на него своим зловещим молчанием.

Включенность героя в пейзаж, специфика восприятия природы повествователем, соотношение психологических состояний и состояний естественного мира во многом формируют внутренний мир человека, объясняют его поведение как сочетание психологических, биологических, социокультурных факторов. Герой Крюкова, как отмечалось в предыдущих главах, – природный; природа словно овладевает персонажем⁵⁰⁸, но при этом

⁵⁰³ «Если бы мир не имел сложной структуры, если бы он не расчленился на предметы, а эти предметы, в свою очередь, не членились на элементы, связанные между собой, то понятие “пространство” не имело бы смысла», среди таких «предметов» – «сам субъект». *Панкова С.Ю.* Пространство и время в этнической картине мира. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2012. С. 19, 27.

⁵⁰⁴ *Топоров В.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. редактор Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

⁵⁰⁵ *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 106.

⁵⁰⁶ *Этштейн М.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. С. 21.

⁵⁰⁷ *Сазонов И.Д.* Избранное. Волгоград: Перемена, 2013. С. 111.

⁵⁰⁸ *Топоров В.Н.* «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 476 – 574.

в его прозе почти не описываются конфликтные состояния личности и природы. Герой Крюкова не переживает своего ничтожества в огромном мире, своей тленности, богооставленности, его тоска лирична и сочетается с удалью, грусть – с разгулом («Край родной»), что можно воспринять как характеристику ментальности донских казаков, самого Крюкова⁵⁰⁹.

Крюков рассматривает природу как естественное условие формирования основных черт характера донского казака и как естественную среду его жизнедеятельности. В символично-философском содержании пейзажных описаний он прежде всего высказывает свои представления о жизненных силах природы, реже – о смерти человека. Крюков вводит в изображение природы прямые авторские комментарии или размышления рассказчика, придающие пейзажам *витальный смысл*. Например, в рассказе «Из дневника учителя Васюхина» рассказчик сопровождает описание пейзажа высказываниями о «возбуждающем, беспокойном, непонятно-влекущем» эмоциональном состоянии как отражении состояния природы, о «весенней, молодой, беззаботной жизни»⁵¹⁰. В рассказе «Зыбь» повествователь ощущает природу как жизнепорождающий мир, в котором всякая тварь, трава, земля пребывают в движении, наполняются ранними весенними соками.

В рассказах Крюкова дано *многообразие* природы, подтверждающее его понимание органического мира как первейшего состояния бытия. Восход и закат солнца, лунный свет, ветки кустарника, степная полынь и цвет степных трав, звезды, облака, запах земли, тяжелая пашня и зеленая балка между пашен, лужи и осенняя грязь, звуки степных насекомых, свист сусликов,

⁵⁰⁹ Как писал Н. Бердяев, тоска человека «направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира. Тоска обращена к трансцендентному, вместе с тем она означает неслиянность с трансцендентным, бездну между мной и трансцендентным <...> говорит об одиночестве перед лицом трансцендентного <...> может побуждать богосознание, но она есть также переживание богооставленности»⁵⁰⁹. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. С. 50.

⁵¹⁰ Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С. 19.

утренний воздух, прозрачный туман, тень, ветер, прошлогоднее жнивье, квадрат света на земле, колеи растоптанной дороги и многое другое воспринимаются автором и героями как константы мира казаков и их личного существования.

Вместе с тем в ряде пейзажных образов репрезентативно *мортальное* содержание земного бытия персонажей. Сравним финальные эпизоды рассказов «Казачка (Из станичного быта)» и «Гулебщики (Очерк из быта стародавнего казачества)», сюжеты которых заканчиваются смертью героев. Повествование в «Казачке» завершается мотивом контраста между живой природой и могилой красивой, вольной Натальи: «А день сиял веселый, яркий. Горячие лучи солнца начинали уже томить, тень манила к себе. Небо, чистое, нежно-голубое, высокое, безмятежно сияло своей лазурью, раскинувшись далеко-далеко. Веселые, пестрые, нарядные толпы шли от обедни. Свет Божий был так хорош, а безмолвная, вечная темнота могилы казалась Ермакову такой ужасной, что он чувствовал, при одной мысли об ней, как холодела в нем кровь и трепетно замирало сердце...»⁵¹¹. Крюков продолжает сложившуюся в произведениях классиков традицию изображения могильного топоса (например, в «Бедной Лизе» (1792) Н. Карамзина и произведениях «карамзинистов»⁵¹², «Сельском кладбище» (1802) В. Жуковского, «Евгении Онегине» (1831) А. Пушкина, «Обломове» (1859) И. Гончарова, «Отцах и детях» (1862) И. Тургенева, «Ионыче» (1898) А. Чехова и др.), интегрированного в описание природы, символизирующей вечную жизнь, и подчеркивающего конечность земного существования человека. Героиня произведения – самоубийца, потому пейзаж и сама могила не представляют собой нейтрального или романтического кладбищенского ландшафта. В рассказе усилена характеристика автономности могилы с ее

⁵¹¹ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С.134.

⁵¹² Рынгач Т.Б. Могильный топос в сентиментальной литературе рубежа XVIII–XIX веков (К проблеме рецепции повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза») // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. №2(2). С. 217–221.

«вечной темнотой», вызывающей ужас и передающей отстраненность от безмятежного и бесконечного неба (ср.: могила карамзинской Лизы, также самоубийцы, – под мрачным дубом у пруда, скорее всего не на кладбище, за монастырской стеной).

В «Гулебщиках» тело погибшего в схватке с калмыками Филиппа изображено натуралистическими деталями: голый (калмыки сняли с него рубаху, шаровары, чирики), с запухшим глазом. Автор вводит в повествование образ голодного волка, страшно воющего над телом убитого. Натуралистичностью описания тел погибших и введением в эпизод дикой живности заканчивается и рассказ М. Шолохова «Продкомиссар» (1925)⁵¹³

Вместе с тем, как в «Казачке», Крюков вводит в повествование символы вечности – высокое синее небо, красиво дрожащие и моргающие земле звезды. При всей неэстетичности описания тела Филиппа герой включен в сакрализованное пространство: взгляд покойника устремлен в небо, на нем старообрядческий медный крест. Крюков следует литературной традиции, изображая смерть «как факт бытия, но не быта»⁵¹⁴; в данном рассказе минимизация натуралистичности «танатологической ситуации»⁵¹⁵ соотносится с лаконичным описанием небесной сферы. Финал рассказа переводит повествование о повседневном быте казаков на онтологический уровень.

В названных рассказах пейзаж, помещенный в конец сюжета, выполняет роль кульминации. Тем самым акцентируется внимание на главной мысли произведения.

Бытийное содержание произведений Крюкова выражено через

⁵¹³ «Тесленко, в немых бязевых подштанниках, небу показывал пузырьчатый ком мерзлой крови, торчащей изо рта, разрубленного до ушей. У Бодягина по голой груди безбоязненно прыгали чубатые степные птички; из распоротого живота и порожних глазных впадин не торопясь поклевывали черноусый ячмень». *Шолохов М.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1 / Предисл. Ю. Лукина; примеч, Л. Вольпе. М.: Худож. литература, 1965. С. 62.

⁵¹⁴ *Красильников Р.Л.* Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 329.

⁵¹⁵ Там же. С. 341. Как пишет Р.Л. Красильников, «романтиков гораздо в большей степени привлекала смерть прекрасная, чем безобразная <...> тенденция безобразной репрезентации смерти скорее характерна для второй половины XIX в., для творчества писателей, борющихся с помощью натурализма с романтизацией литературы и жизни». Там же. С. 378.

композиционную специфику пейзажных фрагментов. Поэтика пейзажей создает образ единого, нерасчлененного природного мира, в котором казак – его феномен. Наполненное пейзажами пространство, которое «служит конструктивным принципом организации литературного произведения»⁵¹⁶, передает мысль автора о значимости природы в ежедневном существовании казаков. Описание пейзажа 1) применяется в начале повествования – является элементом экспозиции, определяет место действия, задает нарративную тональность; 2) располагается в финальном эпизоде, при этом в ряде рассказов резюмирует авторскую концепцию бытия, может содержать символический смысл; 3) структурирует срединные фрагменты текста, служит связующим звеном между эпизодами, благодаря параллелизму играет роль в психологическом анализе.

В рассказах Крюкова доминируют *панорамные* картины природы, созвучные образу жизни и характерам казаков. Крупный план, фокусирующий внимание на мелкой конкретике, редок. Показателен пример из рассказа «Зыбь»: «в тонком, прозрачном тумане дали, лиловые на краю земли, – простор невиданный, полный движения и звуков»⁵¹⁷. Природное пространство рассказов формируется по *горизонтали и вертикали*. Частотны маркирующие природный мир пространственные реалии – степь, земля, Дон, небо.

Крюков продолжает традицию описания степи, сложившуюся в «Тарасе Бульбе» (1842) Н. Гоголя, рассказе И. Тургенева «Лес и степь» (1852), в «Степи» (1888) А. Чехова и др. Например, Чехов использовал образы, постоянные для описания степи: «расстилалась уже широкая, бесконечная равнина <...> тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается <...> далеко впереди, где небо сходится с землею», «на далекое

⁵¹⁶ Повалко П.В. Пространство и время как категории художественного текста // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. №3. С. 108.

⁵¹⁷ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 205.

пространство <...> в непонятной дали», «Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги <...> Кому нужен такой простор?»⁵¹⁸ и др. Семантически сходные характеристики степного пространства есть в «Трех ключах» (1827) А. Пушкина («В степи мирской, печальной и безбрежной»⁵¹⁹), «Прекрасны вы, поля земли родной...» (1831) М. Лермонтова («И степь раскинулась лиловой пеленой»⁵²⁰), «Косаре» (1836) А. Кольцова («Степь раздольная / Далеко вокруг, / Широко лежит, / Ковылем-травой / Расстиляется»⁵²¹), «Степи» (1849) П. Вяземского («Степь широко на просторе / Поперек и вдоль лежит, / Словно огненное море / Зноем пышет и палит»)⁵²², «Каменной бабе» (1903–1906) И. Бунина («Степь – без границ, но даль синееет слабо»⁵²³).

Эти же качественные признаки свойственны картине пашни. Обработывая в степи три десятины земли, герой рассказа «Зыбь» чувствует в ней нечто «могущественное» и безмерное («раздвинулась вдаль и вширь»), поскольку его десятины слились с десятинами других казаков; комья земли сравниваются с «несметной стаей»⁵²⁴. Как в изображении нетронутого человеком пространства, так и в описании пашни сочетаются детали цвета, запаха, звука. Панорамность синтезирована с деталями трудовой жизни, например с золотистыми зернышками, рассеваемыми героем. Пространство, характеризующее трудовой цикл казаков, дается как непосредственно, так и опосредованно. Примером первого служит изображение пашни в «Зыби». В «Казачке», «Из дневника учителя Васюхина» о рабочей поре сообщается

⁵¹⁸ Чехов А.П. Степь (История одной поездки) // Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 6 / Примеч. К.Д. Муратовой. М.: Гослитиздат, 1962. С. 19, 51, 54.

⁵¹⁹ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2 / Под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Гослитиздат, 1959. С. 172.

⁵²⁰ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / Примеч., вступ. ст. Т.П. Головановой. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 224.

⁵²¹ Кольцов А. Полное собрание стихотворений / Под ред., вступ. ст. А.И. Введенского. Пг.: Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. С. 23–24.

⁵²² Вяземский П.А. Степь // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского: В 12т. Т.4. Санкт-Петербург : изд. гр. С.Д. Шереметева, 1878-1896. С. 352.

⁵²³ Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1 / Вступ. ст. Ф.А. Степуна; сост., коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1993. С. 167.

⁵²⁴ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 208.

через описание опустевшей станицы.

Горизонтальная линия пейзажа, в целом художественного пространства определяется также описанием улиц станицы, хат, деревьев, реки, упоминанием церкви, дороги. Повторяющийся прием – восприятие пейзажа в перспективе. Например, в «Гулебщиках» описано, как отправляющиеся в набег казаки отъезжают от станицы на версту, поднимаются на горку, оглядываются, и им открывается общая и в то же время детализированная картина уменьшенных куреней в густой зелени. Крюков фокусирует взгляд на крытые камышовой корой крыши, дымок из глиняных труб, домашнюю живность, тем самым привнося в повествование мотив живой жизни станицы, который далее сменяется мотивом гибели героя. Цель казаков – аул, также представленный через перспективу (разбросанные сакли на берегу речки).

Вертикальный уровень пейзажа выражен через данный в каждом рассказе образ неба. Как пишет Топоров, мифопоэтическая модель мира «ориентирована на предельную космологизированность сущего <...> подтверждается через соотнесение с космосом»⁵²⁵. Небо в рассказах Крюкова, как правило, окрашено субъективным восприятием. Например, «нежно-голубое» небо⁵²⁶ («Казачка», «Зыбь»). Образу неба сопутствует описание облаков, например: «далеко, на самом горизонте выползали свинцово-серые облака»⁵²⁷ («Зыбь»), а также солнца, месяца, луны, звезд: от солнца степь выцветает, лунные ночи и вечера «хороши», лунный блеск озаряет стекла окон, «в высоком смутно-синем небе с редкими алмазными звездочками»⁵²⁸ («Из дневника учителя Васюхина»).

Мифопоэтический образ мира структурируется через *бинарные* характеристики (верх – низ, тень – свет, луна – солнце и проч). Вместе с тем Крюков изображает целостный мир, в котором горизонтальный и

⁵²⁵ Топоров В.Н. Модель мира. С. 162.

⁵²⁶ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 65, 71, 388.

⁵²⁷ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 211.

⁵²⁸ Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С. 19.

вертикальный уровни смыкаются: локальный топос (улица) и вечернее небо («Казачка»); дорога, борозды грязи и – «направо и налево, дальше и выше, висела немая, неподвижная темь»⁵²⁹ («Мечты», 1912); из деталей горизонтального уровня чаще всего упоминаются ветви деревьев, сквозь которые виднеется небо. Связующим мотивом выступает солнечный или лунный свет: «Неровно обрезанный месяц висел как раз над гумном и обливал его твердым, отчетливым светом»⁵³⁰ («Зыбь»); «Кругом степь, побуревшая уже от солнца»⁵³¹ («Из дневника учителя Васюхина»). Природное единство составляет содержательный смысл и прозы Шолохова; например, в рассказе «Червоточина» (1926) сказано: «кончается степь и начинается пухлая синь неба»⁵³²; в рассказе «Путь-дороженька» (1925) развернуто описание завершенности, полноты естественного мира, слитности его начал: «Из-за кургана, караулящего шлях, выполз багровый от натуги месяц. Неровные, косые плывущие тени рассыпались по степи. Шлях засеребрился глянцем, голубыми отсветами покрылся ледок»⁵³³.

Крюков разнообразит проекцию восприятия пейзажа, помимо прямого визуального ряда вводит в повествование смещенный, но и он также говорит о едином мире. Например, арба встряхнула мальчика, «и в его глазах на мгновение запрокинулась маленькая лужица, отражавшая облака в диковинной глубине, а ближе – задумавшуюся курицу и черную ветку старой груши»⁵³⁴ («Зыбь»). В рассказах гармоничное согласие природных феноменов противоположно частным и социальным конфликтам персонажей.

Состояние природы маркирует *время событий*. Крюков либо сообщает о времени года, либо приводит его признаки. Например, рыхлый сугроб сочетается с молодой травкой и подснежниками («Зыбь»). Называется

⁵²⁹ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 166.

⁵³⁰ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 223.

⁵³¹ Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С. 20.

⁵³² Шолохов М. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 305.

⁵³³ Там же. С. 148.

⁵³⁴ Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. С. 381.

конкретный месяц: «В свежие апрельские сумерки закуталась станица»⁵³⁵ («Зыбь») и т.д. Повторяющееся в рассказах время суток – час заката. В прозе Шолохова время часто также обозначается состоянием природы: многое происходит затемно, ночью, зорями, зарею, на закате солнца и т.п. Через темпоральные детали пейзажей Крюков подчеркивает как текучесть времени, так и его повторяемость.

Итак, в пейзажных картинах выражается аксиология автора. В изображении пейзажа Крюков выразил свое ощущение природы как бесконечного многообразия, совокупности всего естественного, проявляющегося в конкретике и панорамности универсума. Изначальной природе не противоречит природа, созданная или обустроенная человеком. Помещая персонажей в природное целое, Крюков находит в природе созвучия душевным состояниям героев, повествователя и их представлениям о красоте.

3.2.2. Экзистенциальность и феноменологичность в изображении природы

Во-первых, положения пп. 3.2.1 и 3.2.2 позволяют сделать вывод об экзистенциальном смысле пейзажей в прозе Крюкова; в системе образов и мотивов природа в большей степени является «языком описания»⁵³⁶ существования героев, чем самоценным компонентом содержания. Во-вторых, проза Крюкова не является в целом феноменологической, но природа представлена в перцепции повествователя – в первичном, непосредственном, неаналитичном восприятии⁵³⁷, что отвечает феноменологической поэтике.

⁵³⁵ Там же. С. 391.

⁵³⁶ Фарыно Е. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. С. 282.

⁵³⁷ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с фр., под ред. Михайлов А.В.. М.: Академический проект, 2009. ; Мерло Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр., под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. ; Сартр Ж.П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., под ред. Колядко В. И.. М.: Изд-во АСТ : Астрель, 2011. ; Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем., примеч.. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997.

В художественной литературе отношения персонажа и природы выражены в многообразии коннотаций⁵³⁸, смысл которых заключен в характеристике экзистенции – способа индивидуального существования человека, осознания и переживания себя. Восприятие природы является «первоначальным опытом экзистенции»⁵³⁹. Экзистенциальное отношение к природе вытекает из онтологического (человек как часть природы)⁵⁴⁰. Во многих художественных текстах оно еще и феноменологично (то есть доконцептуально) и проявляется вне социокультурного контекста, при этом сама природа являет себя сознанию человека, что актуально для понимания «со-бытия» («бытия-с»⁵⁴¹ человека и природы в рассказах Крюкова.

В рассказах достаточно много вариантов такого «со-бытия». Приведем цитату из рассказа «Гулебщики», в которой дан воображаемый пейзаж: «И останется он лежать буйной головой в ракитовом кусте, резвыми ногами в ковыль-траве; сквозь тело белое трава прорастет, прорастет трава и цветы расцветут. И на заре утренней и вечерней заре будут слышать эти цветы <...> и заплачут они чистыми, серебристыми росинками вместо слез»⁵⁴². Драматизм, заключенный в приведенном фрагменте, обостряется сюжетной и эмоциональной ситуацией: человек сталкивается с чувством страха, потому что ощущает конечность существования. Пейзаж опозитизирован через

⁵³⁸ «у Фета слиться с природой – значит ощутить мистический трепет бытия, достичь кульминации чувств, очутиться в центре микро- и макрокосмоса, постичь вечность и т.п. У Пастернака – стать потоком энергии. У Заболоцкого – стать цепью метаморфоз, временно обретая те или иные застывшие формы и подвергаясь смерти. У Цветаевой слиться с природой – значит включиться в общемировой поток сущности и устремиться к его первопричине и цели – к Божественному Логосу. У Мандельштама – включиться в культурно-исторический мировой поток». *Фарыно Е.* Введение в литературоведение. С. 286.

⁵³⁹ *Демченко Л.Д., Гончаров Н.В.* Феноменология восприятия и понятие телесности как альтернативный способ раскрытия специфики субъективности в философии М. Мерло Понти // Вестник ОГУ. 2012. №7. С. 13.

⁵⁴⁰ С.Л. Рубинштейн выделяет пять типов отношения человека и мира, также приложимых к отношению человека и природы: онтологическое (человек – часть мира), познавательное (природа – предмет познания), ценностное (природа в сознании, бытии человека обретает смыслы), деятельное (человек преобразует, пересоздает природу), экзистенциальное (человек переживает свою включенность в природу, свое «со-бытие» с ней). *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.

⁵⁴¹ Взаимосвязь человека и мира (в нашем случае природы) проявляется через отношения (по Хайдеггеру, экзистенциалы) «бытие-в-мире», «бытие-в», «бытие-с», забота, заброшенность, находимость, страх, понимание, речь, настроение. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем., примеч.. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

Бурханов Р.А., Никулина О.В. Концепция экзистенциалов в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // Манускрипт. Тамбов: Грамота. 2018. № 5 (91). С. 65–68.

⁵⁴² *Крюков Ф.Д.* Старое поле. В начале пути. С. 41.

интонации фольклорного плача (лексические и синтаксические повторы, постоянные эпитеты, ритм). Такой тип пейзажа лишь условно соответствует пейзажу реальному.

Реалистичный и лишенный поэтизации пейзаж дан в рассказе «Мать»: «Кругом все так печально и безнадежно. Голые, раздольные пески раскинулись во все стороны. Редкий краснотал торчит на вершинах песчаных бугров, как тощие волосы на старой плечи. Заплаканное небо, серые, озябшие хатки хуторов, маленькая, облупленная церковка и кладбище с согбенными крестами возле нее...»⁵⁴³. Сгущенность лексики с негативной семантикой («печально и безнадежно», «голые», «редкий», «торчит», «тощие», «старой плечи», «заплаканное», «озябшие», «облупленная», «кладбище», «согбенными») в коротком текстовом фрагменте создает образ сознания убитой горем матери. В первом примере через пейзаж выражено предчувствие героем смерти. Во втором примере героиня уже переживает ужас за судьбу сына.

При этом в изобразительной манере Крюкова частотна феноменологическая рецепция природы. Используются восприятия через зрение, слух, осязание. Приведем примеры из рассказа «На речке лазоревой»: «там, за холмами, за хутором Чигонацким, садилось солнце, не видать его было, но горело розовым золотом белое облако на востоке. Раза два вздрогнул ветерок, мелкая зыбь посеребрила реку и улеглась», «А то все одни кулики да речные чайки кричат-перекликаются»⁵⁴⁴. В данных цитатах природа композиционно и интонационно дана через сиюминутное, первичное восприятие.

Повествование в рассказе «На речке лазоревой» ведется от первого лица. Крюков развернул подробное реалистическое описание природных картин, во многом не столько объективируя их, сколько акцентируя внимание

⁵⁴³ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 533.

⁵⁴⁴ Крюков Ф.Д. Казацкие мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе. С. 244, 240.

на субъективном восприятии, что, во-первых, включает повествователя в пространство природы и, во-вторых, соединяет мир с повествователем, гармонирует с его внутренним «я». Например, нерасчлененность субъекта и природы показана в следующем фрагменте: «Мы смотрели за кругами, расхившимися по воде, и завораживала нас тишина, навевала грезы без образов, тихий сон души, в котором было ясное небо и ясные воды, и голубые дали, и золотые воспоминания прошлого, и мысли, которых не выразишь словом»⁵⁴⁵. В цитате выражено «единство интенциональной сущности и имманентного содержания»⁵⁴⁶. Тема слитности «я» и мира выражена в следующей детали: «Я растерянно гляжу на огонь. Леон положил на него сырую ветку. Белый дым поднялся, ушел вверх и слился с полосой Млечного Пути»⁵⁴⁷. «Обратимость» – важное понятие в феноменологии восприятия⁵⁴⁸. «Я» («тело-субъект») и мир обратимы, они могут меняться ролями и трансформировать друг друга; они различимы и неотличимы друг от друга, и их отношения расплывчаты. В процессе взаимного преобразования мир познается в полной мере.

Описание пейзажа сочетается с восприятием жизни, в результате природная красота сублимируется в образ бытия, в том числе в символ. Примером служит цитата из рассказа «На речке лазоревой»: «В бреднях и неводе уже началась трепещущая, испуганная возня, метание, всплески, бессильно билась захваченная рыба, ища выхода. Кипела взмученная, потемневшая вода, целый мир немых, беззвучных существ волновался в предсмертном страхе»⁵⁴⁹. В результате уплотненности чувственно-негативной лексики страх рыб символизирует страх универсальный, онтологический, что

⁵⁴⁵ Там же. С. 244.

⁵⁴⁶ Лобастова В.А. Этапы становления феноменологии Э. Гуссерля // Серия «Мыслители». К 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. Вып. 10. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 297.

⁵⁴⁷ Крюков Ф.Д. Казацкие мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе. С. 251.

⁵⁴⁸ Дёмин И. В. «Плоть мира» как условие видения в феноменологической онтологии М. Мерло-Понти // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2013. № 2(14) С. 117.

⁵⁴⁹ Крюков Ф.Д. Казацкие мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе. С. 246.

показательно для экзистенциализма⁵⁵⁰. Трагический смысл символа смягчается мотивом спасения. Узнаваемое, соответствующее реальности освобождение рыбок также обретает философский смысл: «И лишь один Наумка, забавляясь, тайком вытаскивал из лодки рыбок поменьше и пускал в воду, глядя, как они сперва робко и изумленно стояли на месте, словно в гипнозе, не веря свободе, а потом стрелой бросались вглубь, в родную стихию, к переплетенным корням подмытых деревьев и в дремучий лес водорослей»⁵⁵¹. Рыбка ассоциируется с первозданной красотой мира, лес водорослей означает свободное, спасительное место, эпизод в целом выражает дуальность бытия – жизнь и смерть.

Пейзаж в прозе Крюкова – продукт восприятия и воображения, в нем запечатлен не только материальный, конкретный и осязаемый пространственный опыт, но и нематериальный. Этот вид связи широко присутствует в пейзажах, явно и неявно. Первое относится к резонансу между персонажами и пейзажами. Второе выражено через передачу в пейзажах сознания персонажей.

При этом проза Крюкова относится к традиционному реализму. Черты феноменологичности в изображении природы не доминируют над реалистической точностью деталей и не разрушают целостности, завершенности картины, четко очерченного ландшафта. Например, в произведениях Крюкова нет свойственной импрессионизму поэтики оптического обмана, непроясненных пятен, эскизности, одномоментной изменчивости; вербальные пейзажи Крюков ориентированы не столько на интуицию читателя, сколько на визуальные представления.

⁵⁵⁰ «Подлинный страх возникает тогда, когда само существование для человека становится проблемой»; «В XX столетии экзистенциализм окончательно придал феномену страха онтологический статус. Осознание человеком своей конечности чревато страхом или болезнью, характерной для здешнего, посюстороннего, бытия»; страх «приобретает статус фундаментальной категории философского знания». *Васильева Н.А.* Феномен страха: Онтологический статус и пути преодоления страха // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 228, 229.

⁵⁵¹ Там же. С. 248.

3.2.3. Пейзаж как выражение менталитета донских казаков

Через содержание и образный строй рассказов, повестей, публицистики Крюкова формируется представление о менталитете донских казаков. Оценивая собственные переживания, поступки, мысли, герои обретают опыт самопознания.

Непременным фактором влияния на самосознание является природа. Пейзаж в прозе Крюкова не только указывает на место и время действия, но и является средством психологического анализа, выражает мировоззренческие приоритеты автора и персонажей. Будь то река, степь или ландшафт казачьей станицы, они могут рассматриваться как ключевое условие формирования самоидентификации казаков. Составляя существенный элемент ретардации, пейзаж призван раскрыть природность образа жизни казаков и казачек, естественность и максимализм их характеров, темперамента, поведенческих импульсов, эмоций. Жизненная активность героев гармонирует с жизненной силой природы. Пейзаж является детерминантой в характерологии рассказов Крюкова, изображающего не столько человека как социальную данность, сколько как явление природное.

Связь народа с «природно-климатическими (географическими) факторами»⁵⁵², отношение к «физико-географическому пространству» как к «онтологическому контексту личности»⁵⁵³ – константа в изучении и национальных характеров, и художественных текстов. Например, четвертая лекция «Курса русской истории» (1904) В.О. Ключевского посвящена влиянию природы на историю и формирование национального самосознания, родовой памяти русских. Актуальны для понимания менталитета донского казачества замечания Ключевского о роли речной степи в укладе народа⁵⁵⁴.

⁵⁵² Пестрикова И.Е. К вопросу о влиянии географических факторов на формирование менталитета русского народа // Омский научный вестник. 2009. № 5. С. 60.

⁵⁵³ Кучукова З.А. Онтологический метод как ядро этнопоэтики. М.: Начальник, 2005. С. 18.

⁵⁵⁴ «Лес, степь и река – это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них и в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении

Ключевский поднимал вопрос о степени влияния «просторного горизонта» степи – «широкой, раздольной, как величает ее песня», – на формирование «в древнерусском южанине чувства шири и дали»⁵⁵⁵. Он объяснял двойственность национального характера природной спецификой степи. Ключевский сделал акцент, во-первых, на казаке, то есть «гулящем» и вольном человеке, «беглеце из общества, не признававшего никаких общественных связей вне своего “товариства”, удалце, отдававшего всего себя борьбе с неверными, мастере все разорить», который назван в «Курсе русской истории» «историческим продуктом степи, соответствовавшим ее характеру и значению»⁵⁵⁶. Во-вторых, с рекой, как писал Ключевский, человек «жил душа в душу», река приучала его к порядку («Она и сама любила порядок»)⁵⁵⁷.

Двойственное влияние природного пространства – повторяющаяся идея в соответствующих научных работах, однако парадигма личностной и национальной противоположности варьируется. Ф. Степун в труде «Мысли о России» (1923) написал о связи черт русского человека, несвойственных европейцам, и обширной равнины⁵⁵⁸, при этом он считал, что в русской равнине нет экспрессивной красоты, что ее красота – «в чувстве легко и неустанно размыкающихся и расступающихся горизонтов. Она не столько красота на горизонте, сколько красота за горизонтом»⁵⁵⁹. Степун высказал мысль о том, что бескрайность русского пространства отмечена сакральным, Божьим смыслом. В религиозности русского человека он видел свойственную

жизни и понятий русского человека». *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. / Под ред. В.Л. Янина; предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; послесл., коммент., сост. В.А. Александрова, В.Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 82.

⁵⁵⁵ Там же. С. 84.

⁵⁵⁶ Там же. С. 85.

⁵⁵⁷ Там же.

⁵⁵⁸ «Правы ли позитивистские социологи, выводящие свойства национального характера из географических и климатических условий, или правы их противники, метафизики-духоверы, утверждающие, что всякий народ селится среди природы, близкой его бессмертной душе, факт остается фактом, что душа всякого народа похожа на душу того пейзажа, среди которого он живет, на душу той земли, которую он возделывает и застраивает». *Степун Ф.А.* Мысли о России / Вступ. ст., сост. В. Борисова // Новый мир. 1991. №6. С. 220.

⁵⁵⁹ Там же. С. 221.

русской душе «муку о противоречиях жизни и мира»⁵⁶⁰. Однако эти же пространства объясняют, с точки зрения Степуна, то, что широта русской души вмещает в себя темные силы. Так, в русском человеке «жутко» совмещаются «идеал Мадонны и идеал Содомский»⁵⁶¹.

С безграничностью русского пространства связывал менталитет русских и Н. Бердяев: с одной стороны, их душа «ушиблена ширью, она не видит границ»⁵⁶² и потому пребывает в зависимости от нее, с другой – в русских нет узости европейца. Бердяев писал о таких свойствах русской души, как бесхитрость, «жажда спасения всем народом»⁵⁶³, способность к покаянию, осознание религиозной иерархичности – своего ничтожества перед Богом, но и легко совершаемый грех.

Судя по работам 2000-х годов, идеи Ключевского, Бердяева, Степуна актуальны и сегодня. О.А. Кукоба в статье «Природа и структура этнического менталитета» (2004) считает, что с точки зрения биосоциального подхода этническая ментальность формируется и развивается в определенной природной и социальной среде; ядром этнической ментальности признаются духовные ценности, которые определяют своеобразие мировосприятия и мировоззрения⁵⁶⁴.

Формирование менталитета донских казаков связано с природой степи и с Доном. В рассказах Крюкова пейзаж коррелирует с характерами персонажей, описанных на фоне естественного пространства и реже в контексте пространства, освоенного человеком, окультуренного трудом. Как пишет Г. Гачев, «одни трудом заглубляются в землю, выращивая пищу во Времени», другие «вперены в даль-ширь, надземны, в Пространстве

⁵⁶⁰ Там же.

⁵⁶¹ Там же. С. 214.

⁵⁶² Бердяев Н. Судьба России // Избранные произведения: Судьба России. Самосознание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 60.

⁵⁶³ Там же. С. 141.

⁵⁶⁴ Кукоба О.А. Природа и структура этнического менталитета. // Философия и общество. 2004. №4. С. 97.

шастают»⁵⁶⁵. Пейзаж в художественной прозе рассматривается и как пространство, обжитое казаками, и как естественный мир, формирующий характер, и как средство изображения психологии персонажей. Проецируемые на природу эмоции и мысли персонажей сублимируются в пейзажные образы. При этом часто пейзаж дан не от автора, а через восприятие героя, тем самым показывается степень его способности чувствовать природу. Пейзаж – традиционное средство изображения характеров. В.Е. Хализев считал, что «универсальная суть природы и ее феноменов» выражается в «неповторимых единичных проявлениях», в том, что «видимо, слышимо, ощущаемо именно здесь и сейчас»; тем самым через природу передается эмоция человека (природа «откликается»), либо природа порождает «данное душевное движение и состояние человека»⁵⁶⁶.

Крюков акцентирует внимание на том, что степь казака «захватывала и покоряла»; как сказано в «Гулебщиках»: «Чистый, живительный степной воздух, благоухающий острым и тонким запахом поля, широкий, неоглядный простор, веселый день, яркая зелень, цветы – все это он чувствовал, видел, слышал, все вливалось ему в грудь какою-то живительной струей и захватывало дух сладкой и вместе томительной болью. Не в первый раз он видел эту степь, и всегда она захватывала и покоряла его себе; всегда он не мог налюбоваться на нее, и хотелось ему и смеяться, и плакать, и петь – петь вольную и захватывающую, чарующую, как степь, песню»⁵⁶⁷. Во-первых, в приведенной цитате есть знаковый лексический повтор «живительный», что говорит о природе как источнике жизненной энергии; во-вторых, ключевыми характеристиками казака здесь являются воля, естественность, двойственность характера.

В рассказах и повестях Крюкова сознание, поведение, моральная

⁵⁶⁵ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. С. 4.

⁵⁶⁶ Хализев В.Е. Теория литературы: М.: Высшая школа, 1999. С. 133.

⁵⁶⁷ Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. С. 42.

аксиология, психика героев наделена многообразием проявлений. При общем четком разделении добра и зла, максимализме, сильных страстях, жизненной активности, приоритете семейных и государственных ценностей, трудолюбии, естественности казаки и казачки описаны яркими индивидуальностями с глубокими личностными переживаниями, неоднозначными настроениями, характерностью, подчеркнутой изображением природы. Например, в рассказе «На речке лазоревой» спокойствие реки («матовым, изогнутым зеркалом лежала река, зелено-синяя, у берегов темная, закутанная тенями»⁵⁶⁸) передает спокойствие героя, пришедшее на смену возбуждению при ловле рыбы. Аналогичная эмоциональная связь природы и человека дана в финале рассказа «В родных местах», где умиротворению героя соответствует покой природы: «Кругом было тихо, безмятежно и красиво. В водянистой и прозрачной синеве высокого неба терялись редкие и неяркие звезды, как тоненькие восковые свечки. В воздухе, нежном, ласковом, где-то вдали то дрожала, то угасала песня двух или трех голосов, – разобрать было трудно»⁵⁶⁹. Природа дана в созерцании, ее безмятежность показана через сниженную глагольность, для передачи состояния инертности автор использует статические глаголы, обозначающие состояние, «фиктивное»⁵⁷⁰ действие («лежала», «терялись», «угасала», «разобрать»). Семантически значимы в описании статики лексемы «тихо», «безмятежно», «неяркие», «закутанная», мотив зеркальности, сравнение звезд с восковыми свечками. Обусловленность настроения, мысли, действия состояниями природы, ландшафтом – нарративная константа.

Часто Крюков прибегает к прямой оценке местной природы и ее влияния на человека. Например, в «Казачке» герой смотрит на небо сквозь зелень деревьев в палисаднике и произносит: «Как хорошо у нас на родине,

⁵⁶⁸ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 226–227.

⁵⁶⁹ Там же. С. 105. Там же. В родных местах. С. 159–160.

⁵⁷⁰ Маслов Ю.С. Глагол // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 104.

право!»⁵⁷¹; в рассказе «Из дневника учителя Васюхина» после описания ночи следует фраза: «и какая грусть на сердце...», после пейзажа ночной станицы – фраза: «Томление и грусть охватывают сердце»⁵⁷². В повествовании используется прямое название физического ощущения состояния природы; в «Зыби» сообщается о герое: «влажный воздух весеннего утра ползет ему за шею и приятно щекочет молодое, сильное тело»⁵⁷³.

Для изображения состояния героя функционально воображаемое природное пространство. В «Гулебщиках» воображение героя рисует пророческую картину его смерти; он видит себя в темном лесу и, умирающий, просит товарищей поклониться от него тихому Дону и родимой матушке. В рассказе «Из дневника учителя Васюхина» рассказчик находится под впечатлением от станицы, залитой лунным светом, воображает ее ойкуменой с маленькими дворцами и заколдованными замками; в ясные ночи ему кажется, что неуловимый силуэт движется от белой стены дома к церковной ограде и училищу.

Менталитет казаков выражен и через изображение локального рукотворного пейзажа – описание станицы, ее слитности с открытым природным пейзажем, через включенность человека в трудовой цикл. В. Топоров отмечал установку человека, осуществляющего практическую деятельность, на овладение пространством, его унификацию, в итоге происходит уничтожение «любых признаков одухотворенности (“психичности”), технизация и автоматизация»; человек берет от природы нужное, но не вслушивается в нее и не усваивает языка природы, что необходимо для «самораскрытия пространства как такового»⁵⁷⁴. В прозе Крюкова, напротив, самость природы предстает через ее гармонию с человеком. Например, в рассказе «Офицерша»: «Идти в тени дубков и

⁵⁷¹ Крюков Ф.Д. Казачка // На Дону. В родных местах. С. 561.

⁵⁷² Крюков Ф.Д. Из дневника учителя Васюхина // Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С. 23, 25.

⁵⁷³ Крюков Ф.Д. Зыбь // Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 205.

⁵⁷⁴ Топоров В.П. Пространство и текст. С. 230.

черного клена было как-то особенно приятно, и таким именно рисовалось ему издали родное поле: зеленым и ясным, насквозь пронизанным золотым, не очень жарким светом <...> Семен уже косил. Медленно и размеренно махал. Важно и мерно жужжала коса. Губы у него были серьезно сжаты, на лице легло сосредоточенное и благочестивое выражение»⁵⁷⁵. Приведенная цитата иллюстрирует органическую связь человека и освоенного им, но не ущемленного пространства. Территория воспринимается как культурный ландшафт; станица, природа и человек образуют взаимосвязанные отношения, формирующие национальную идентичность казаков.

В рассказах повторяется мотив вечной, мудро устроенной жизни природы, с которой согласуется устоявшийся быт казаков: рыбалка на Дону в сезон дождей, празднование Троицы, пение хором и проч. В «Зыби» с естественным пейзажем («синей твердью») гармонируют «сверкающие в лазури церковные кресты»⁵⁷⁶. Показательно документальное, с элементами художественности повествование «В глубине (Очерки из жизни глухого уголка)» (1913), в которое Крюков внес еще один аспект влияния природы на образ жизни человека – *изначальность* отношений упорядоченного быта казачьей станицы и природы: «Все идет давним, из веков установленным чередом, мерно и неизменно движется круг обычных забот и трудов, суеты и отдыха...»⁵⁷⁷ – пишет Крюков и далее дает большой ряд повторяющихся изо дня в день бытовых деталей (дым из трубы, крестины, похороны, мычание коров и лай станичных собак, пыль над табуном, стук кузнечного молота и прочее) и проявлений природы (солнечный свет, дремлющие вербы, коршун в небе, тень от церкви и прочее). Согласие порядка станичной жизни и состояний природы представляет собой многовековой опыт.

Вместе с тем при освоении степи донское казачество подвергалось суровым испытаниям; исторически, в борьбе за выживание, формировалась

⁵⁷⁵ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 300.

⁵⁷⁶ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 237.

⁵⁷⁷ Крюков Ф.Д. На Германской войне. На фронте и в тылу. С. 95.

психология захвата и вытеснения. Хорошим примером служит история нападения на черкесский аул в «Гулебщиках». Нормой признаны станичные кулачные бои и т.п. Брутальность отношений описана во многих произведениях. Как писал В.Н. Ильин, Россия в силу природных условий жизни (в том числе погодных) не могла сформироваться только как космос и представляет собой «хаокосмос», она не смогла быть лишь «страной нег», «наслаждений»⁵⁷⁸. Ильин, назвав Россию страной «поляризаций», «жестоких междуусобных идеологических схваток и внутренних непримиримостей, <...> вечной гражданской войны», но никак не «беспечного оптимизма», что свойственно ей «по природе»⁵⁷⁹

Итак, в изображении Крюковым природы как знакового условия существования донских казаков отражена коллективная память и индивидуальный эмоциональный мир. Описание пейзажа способствует передаче объективной реальности жизни станиц, играет роль в психологическом рисунке героя и в создании коллективного образа казаков.

3.2.4. Стилиевые приемы в описании природы

Для реалистического описания недостаточно быть наблюдателем, с документальной точностью воссоздающим картины природы, необходимо владеть теми языковыми ресурсами, которые сочетают объективное изображение и субъективность образного восприятия, что соответствует идиостилю⁵⁸⁰ Крюкова. Индивидуально-эстетические особенности текста раскрывают ментальные особенности автора, отражают его знание и

⁵⁷⁸ Ильин В.Н. Эссе о русской культуре / Вступ. ст. А. Козырева. СПб.: Акрополь, 1991. С. 60, 41.

⁵⁷⁹ Там же. С. 41.

⁵⁸⁰ «можно определить в качестве основных характеристик идиостиля изучение темы, идеи произведения, его концептов, <...> символики текста <...> Характеристика идиолекта писателя также предполагает исследование используемых автором языковых средств, исследование системы тропов и стилистических фигур». Е.И. Бойчук, И.А. Воронцова, Е.В. Шляхтина, О.В. Беляева. Идиостиль и ритм текста: коллективная монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 14.

Современные исследователи идиостиля опираются на положения и выводы работ В. Виноградова (Виноградов В.В. О языке художественной литературы М.: ГИХЛ, 1959.; Виноградов В.В. Задачи стилистики // Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–93).

понимание мира. Таким образом, место языковых приемов проявляется как в эстетической составляющей текста, так и в его содержании. Согласно положениям работ В.В. Виноградова, особенности стилистики речи во многом передают специфику «семантического и экспрессивно-стилистического характера»⁵⁸¹ произведения.

1. Пейзажные фрагменты в произведениях Крюкова характеризуются высокой *плотностью образов*. Приведем одно из начальных описаний в рассказе «Гулебщики»: «Солнце уже низко спустилось; летний жаркий день сменялся теплым и тихим вечером. Тень от куреня протянулась через весь передний двор, перешагнула на сенник и затерялась в высокой и густой конопле, зеленым лесом смотревшей из-за старого плетня. На улице, с майдана, неслись звуки песни, шум и смех. Был второй день Троицы. Вся станица гуляла, пела и веселилась»⁵⁸². В небольшом описании станичного пейзажа 1) конкретизируется время событий – день, следующий за Троицей, вечер; так априори определяется праздничный характер происходящего, подтвержденный метонимией в конечной фразе: «Вся станица гуляла, пела и веселилась»; 2) через прилагательные («жаркий», «теплый», «тихий») указано на погодную специфику, тем самым задается эмоциональная атмосфера последующего повествования; 3) локализуется место – передний двор казачьего куреня, опосредованно (через деталь тени) сообщаются детали быта (сенник, плетень); 4) через звуковые образы в повествование вводится открытое пространство (улица, майдан, станица); 5) наполненное праздничными звуками пространство контрастирует с дальнейшим изображением неказистого внешнего портрета героя, описанием его гибели.

2. В художественном произведении доминантные цвета и в целом цветопись – художественный прием, выражение эмоций автора и героя. Как писал Л.В. Щерба в «Опытах лингвистического толкования стихотворений»

⁵⁸¹ Виноградов В.В. Задачи стилистики. С. 6.

⁵⁸² Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. С.30.

(1957), в цветописи «выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений»⁵⁸³.

Например, в «Гулебщиках» экспрессия пейзажа передана через *полихромно*: солнечный свет на молодой зелени, пестрые травы, голубой туман, серые курганы, бледно-розовые цветы, желто-зеленый ковыль, лиловая трава и т.д. Та же особенность – в рассказе «Казачка»: «В окно смотрели уже первые сумерки, голубое небо начало бледнеть; отблеск зари заиграл на краях длинной одинокой тучки алыми, лиловыми и золотистыми цветами»⁵⁸⁴. Полихромное описание степи есть и в рассказах Шолохов, например: «В дымчато-синих сумерках дремала лазоревая степь, на круговинах отцветающего чебреца последнюю за день взятку брали пчелы. Ковыль, белобрысый и напыщенный, надменно качал султанистыми метелками»⁵⁸⁵ («Лазоревая степь», 1926). Однако цветопись в прозе Крюкова более художественно продуктивна, частотна, как в целом пейзаж, которому отведено гораздо большее место, чем в «Донских рассказах» Шолохова. Если Крюков изображает довоенный, дореволюционный мир казаков, то Шолохов – донское казачество периода Гражданской войны и тяжелых послевоенных лет, что объясняет лаконизм его пейзажей и роль неэстетических, сниженных пейзажных деталей.

3. Природное пространство *полифонично*, насыщено множеством звуков, например звоном, свистом, чирканьем, писком птиц («Гулебщики») и шумом водной глади, гулом и гомоном водяных жителей, звоном весенний пчелок («Офицерша»). Часто пространство станицы наполнено звуками, через которые создаются образы быта казаков. При этом Крюков прибегает к сгущенности акустических характеристик. Например, в одном эпизоде «Казачки» упомянуты женские и детские голоса, пронзительный крик, дружное «ура», мычание теленка, пиликанье гармошки; в девятистрочном

⁵⁸³ Шерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Сост. М.И. Матусевич. М.: Учпедгиз, 1957. С. 97.

⁵⁸⁴ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 103.

⁵⁸⁵ Шолохов М. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 320.

абзаце сконцентрированы шум, детский крик, визг, девичий смех, разговорный гул, гулкие удары, неистовый крик, песня. Наиболее частотны в рассказах звуки песен.

4. Крюков активно сочетает цветовые, обонятельные и звуковые характеристики пейзажа. Например: станичная улица «закутана серебристым туманом лунного света», слышны трели гармоники, соловьев, лягушек, доносится «запах сирени, тополей, кизяка и какой-то душистой травы»⁵⁸⁶ («Из дневника учителя Васюхина»). В ряде рассказов *запахи* поставлены в сильную позицию, маркирующую особенности картины мира казаков, они определяют образ жизни станицы, состояние природы. Например, рассказ «Зыбь» начинается с предложения: «Пахло отпотевшей землей и влажным кизячным дымом»⁵⁸⁷. В рассказе «Мать» воображаемый запах, связанный с родной станицей, представляет тоску по родине. В тюрьме главный герой воображал свое возвращение домой: «вернется он в тесноватые, уютные стены, которые так знакомо пахнут печеной тыквой и дымком»⁵⁸⁸.

Природные запахами преобладают над запахами быта. Крюков указывает на степень запаха («Ласкающая свежесть, смешанная с слабым запахом грушевого цвета и какой-то душистой травы»), его действие на человека (отмеченная выше свежесть «щекотала лицо и проникала в грудь живительными струями»⁵⁸⁹) («Казачка»).

5. Для изображения донского казачества Крюков широко использует *эпитеты*, сравнения, метафоры, олицетворения и местные диалекты. Данные стилистические средства обладают сильным экспрессивным воздействием⁵⁹⁰.

⁵⁸⁶ Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С. 19.

⁵⁸⁷ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 204.

⁵⁸⁸ Там же. С. 286.

⁵⁸⁹ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С. 104.

⁵⁹⁰ Булахова Н.П., Сковородников А.П. К определению понятия эпитет (Предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №2. С. 122–143. Авторы статьи, опираясь на литературоведческие работы, выделяют шесть типов (дефиниций) эпитетов: от «любого определения, способного быть средством пояснения или характеристики какого-либо предмета, качества, действия и т.д.» (С. 123), до образного, тропического, контекстуального (т.е. обретающего выразительность только в контексте).

М. Кожина обозначает названные стилистические средства стилистическими ресурсами, которые включают в себя как стилистические тропы, так и местные слова, выражения, фразеологизмы и др.⁵⁹¹ В языковой системе рассказов и повестей Крюкова особенно частотны и выразительны эпитеты.

Эпитет как один из разновидностей тропов значим в изображении реальности, также при передаче ее индивидуального восприятия. Эпитеты и точно, и ассоциативно создают характеристики предметов. При описании природных явлений Крюков использует автологические определения и тропеические эпитеты, указывающие на эмоциональную рецепцию предмета, его положение в пространстве, особенности самого пространства и времени. Эпитет не сужает семантики понятия (предмета) и акцентирует внимание на признаке, благодаря которому понятие (предмет) обретает образное содержание. О семантической насыщенности текста, достигаемой через используемые Крюковым эпитеты, говорит тот факт, что в одном абзаце сочетаются описательные, оценочные, эмоциональные эпитеты. Например, во фрагменте, где описан пейзаж в лесу на рассвете: «За рощей опять слышится песня, издали красивая, печальная. Робкие серебряные звездочки горят в смутной синеве высокого неба. На западе тускнеет оранжевая полоса зари»⁵⁹² («На речке лазоревой»), – к описательным относим «высокого», «смутной»; оценочным – «красивая», «серебряные»; эмоциональным – «печальная», «робкие». Согласно систематизации эпитетов по В. Москвину⁵⁹³, к прямым относим «красивая», «печальная», «высокого»; к метонимическим – «робкие»; к метафорическим – «серебряные», «смутной». Кроме того, по семантическому параметру определяем цветовые «серебряные», «смутной» и психологический «робкие»; по степени устойчивости к постоянным относим «высокого», «красивая», к свободным –

⁵⁹¹ Кожина М. Н. *Стилистика русского языка*. М.: Просвещение, 1983. С. 8.

⁵⁹² Крюков Ф. Д. *На Дону. В родных местах*. С. 229.

⁵⁹³ Москвин В. П. *Язык поэзии. Приёмы и стили: Терминологический словарь*. М.: ФЛИНТА, 2017. С. 448–451.

все остальные.

Цветовые прилагательные указывают на многозначность бытия и маркируют то или иное состояние мира и человека. Например, в рассказе «Зыбь» Крюков сочетает эпитет «белый» с семантикой умирания и тем самым выражает мысль о смене годового цикла: «Сверкало вверху бездонное небо. В одном месте остановилась стайка белых облачков, мелких, тонких, похожих на чешую, и веял холодок от их пронизанной светом белизны, как от пятен вешнего снега, умирающего в оврагах среди нарядного рассвета жизни»⁵⁹⁴. В композиционном отношении приведенная картина природы является предвестием несчастья, которое произойдет с героем.

Насыщенность текста эпитетами говорит о том, что Крюков в повествовании активно использует семантику качества. При этом в авторском словаре эпитетов отмечаются повторяющиеся. Например, к ним относим используемый в ряде рассказов эпитет «нежный»; он придан звукам, пыли от лопающихся почек, небу и проч. Или повторяется лексема «ласковый»: звезды ласково мигают, свежесть ласкающая и т.д. При этом достоверность пейзажа не искажается чувственной экспрессией, не деформируется, ее изображение аутентично, отвечает реальности.

Как отмечалось выше, ментальность казаков соотнесена с безмерностью степи. Например, в рассказе «Счастье» (1911), изображая простор до горизонта, Крюков пишет: «безбрежно разлита тишь неподвижности над волнистой ширью степи»⁵⁹⁵. Повторяющиеся прилагательные, создающие образ степи, – «широкая», «синяя», «молчаливая», «бесконечная», «плоский», «ровный» и др. В ряде фрагментов эпитет с семантикой безмерности сочетается со сравнением, содержащим ту же семантику. Например, в «Гулебщиках» перед казаками расстилается широкая, до горизонта, степь, которую Крюков, как, например, П. Вяземский

⁵⁹⁴ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 263.

⁵⁹⁵ Крюков Ф.Д. На Дону. В родных местах. С.244.

(«Степь», 1849), сравнивает с морем. В «Зыби» безграничная степь, обрабатываемая пахарями, сопоставляется с широко раскинутым лагерем.

6. Один из самых эффективных стилевых приемов – *сравнение*. Функция сравнения заключается, во-первых, в придании предмету изображения обстоятельности, во-вторых, в развитии темы многомерности бытия. В рассказе «Жажда» (1908) Крюков пишет: «Высоко в небе, с северо-западной стороны, ровно плыли облака, круглые, редкие, не догоняя и не отставая друг от друга, степенно-равнодушные и важные, как голландские гуси»; «В лазурной глубине неторопливо плыли тонкие облачка, похожие на иереев в чесучовых рясах, на козлов и рыбу чешую»⁵⁹⁶. Через сопоставления («как голландские гуси», «похожие на иереев в чесучовых рясах, на козлов и рыбу чешую») переданы цвет, форма, а также усиливается темпоральная семантика, заключенная ранее в наречиях, глаголах, деепричастиях, прилагательных («ровно плыли», «неторопливо плыли», «не догоняя и не отставая», «степенно-равнодушные»).

В приведенном ниже примере из рассказа «Мать» сравнение («точно запекшаяся кровь») вносит в повествование психологический подтекст – мотив материнской интуиции: «Долго, томительно тянутся часы. Спит город. На востоке, под зеленой полосой горизонта, чуть обозначилась буро-красная полоска, точно запекшаяся кровь, разлитая над темной, безмолвной землей. Сонный, короткий гудок донесся от вокзала»⁵⁹⁷. Тревога Григорьевны, в рассветное время молящейся перед иконами за сына, также усилена деталью «темной, безмолвной земли», контрастом красной рассветной полосы с зеленым лугом. Приведенный пример лапидарного сравнения иллюстрирует возможности пейзажа в условном психологизме: подробный, прямой психологический анализ заменен пейзажной деталью, в которой заключена кульминация.

⁵⁹⁶ Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России. С. 338.

⁵⁹⁷ Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. С. 298.

Автор «Донских рассказов» также через сравнения раскрывает тему единства природного мира и мира человека. В пейзажах Шолохова, как в пейзажах Крюкова, частотны антропологические сравнения, в том числе основанные на внешнем сходстве. Приведем пример из рассказа «Родинка» (1924): «Это перед покосом, когда у ядреной пшеницы-гарновки ус чернеет на колосе, будто у семнадцатилетнего парня, а жито дует вверх и норовит человека перерастить»⁵⁹⁸. Стилю Шолохова свойственно также сочетание пейзажных деталей с анималистическими, но связанными с жизнью человека. Показательно сравнение из рассказа «Кривая стёжка» (1925): «По утрам степь, как лошадь коростой, покрывалась туманом»⁵⁹⁹. Отметим, что в сознании казака упоминание о коростной (с гнойными струпами) лошади рождает негативные ассоциации. Прозаизму названного сравнения созвучна следующая фраза текста: «Солнце, конфузливо мелькавшее за тучами, казалось жалким и беспомощным»⁶⁰⁰; эпитеты «жалким и беспомощным» коррелируют со смыслом, заложенным в лексему «короста». Шолохов усиливает суггестию текста за счет нагнетения мотива болезненности природы, в следующем предложении звучит фраза: «скирды, осунувшиеся и покрытые коричневатой прелью, похожи были на захворавшего человека»⁶⁰¹. В последующем предложении обманчивость зелени лугов сравнивается с обманчивым «румянцем на щеках изъеденного чахоткой»⁶⁰². Итак, Шолохов, достигая выразительности текста, прибегает к амплификации – стилистическому приему *нагнетения*, увеличения сходных понятий, сравнений, определений и т.п.

7. *Олицетворение* также является одним из важных стилевых приемов. Крюков показывает резонанс человека и природы, наделяя ее плотью и настроением. Например, в рассказе «Гулебщики» сказано: «А небо с

⁵⁹⁸ Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С.38.

⁵⁹⁹ Там же. С. 209.

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Там же.

необъятным простором раскинулось надо всем и смотрело на землю своими частыми, прекрасными звездами. Филипп глядел в темно-синий сумрак и думал: о чем это небо беседует с землей? А оно непременно ведет разговор! Недаром так дрожат и приветливо моргают ясные звезды и что-то таинственное и непонятное, влекущее, смотрит из прозрачной глубины»⁶⁰³. Автор, олицетворяя небо и звезды через восприятие персонажа, придает его сознанию свойство поэтизации окружающего мира. Подобный диалог природы и человека устанавливается через олицетворение природы в рассказе «Офицерша»: «На воде или в воздухе, светом пронизанном, прозвенел крик казарок (диких гусей) нежный, призывный, радостный, и сердце сладким трепетом отозвалось ему <...> Сладкая тоска, желания смутные, песня в груди...»⁶⁰⁴. Тем самым Крюков, описывая в рассказах природного человека с естественным, непосредственным восприятием жизни, акцентирует внимание на его эмоциональном контакте с природой.

*

Внешние портреты персонажей, как пейзажные картины и детали, имеют прямое отношение к изображению характеров, в целом мира донских казаков, характеризуют его этнокультурные особенности, влияют на развитие сюжетов.

Основные цели при создании Крюковым внешних портретов – выявление природности персонажей, естественности их высоких чувств и низких страстей, поведенческих импульсов, раскрытие сложного внутреннего мира.

Большинство портретов в рассказах, повестях, очерках Крюкова достаточно лаконичны, но значительны в идентификации персонажей, что

⁶⁰³ Крюков Ф.Д. Старое поле. В начале пути. С. 43.

⁶⁰⁴ Крюков Ф.Д. Казачка // На Дону. В родных местах. С. 264.

объясняется многообразием средств портретирования. Частотна экспрессивная лексика, активно использованы сравнения, параллелизмы, аллюзии, антитезы. Физиологические и психологические детали доминируют над нейтральными характеристиками. Статичные портреты сочетаются с динамичными, беспристрастные – с субъективными.

Крюков художественно выразил идею географического фактора в формировании национального характера. Характеры героев подчеркнута жизнеустойчивые, что гармонирует с разнообразными состояниями природы. В ряде эпизодов повторяющиеся образы (степь, небо, звезды) наделены символично-философским смыслом.

В пределах одного текста образы природы структурируются как горизонтальные и вертикальные, а также по бинарному принципу. Используются сравнения, уподобления, метафоры, широко применяются семантические возможности эпитетов, полихромия и полифония, прием зеркальности. Пейзажам прозы Крюкова присуща уплотненность образов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вступив в литературу в пору ее обновления, Ф. Крюков в целом остался верен принципам традиционного *реализма* и обогатил ее темой донского казачества. Идеология Крюкова, ее эволюция прочитываются в произведениях разных жанров – рассказах, повестях, очерках. Публицистика Крюкова аналитична и предельно конкретна, тогда как в ее стиль привнесена поэтика художественных жанров. В рассказах и повестях также анализируются насущные проблемы казачьей жизни, прежде всего донских станиц.

Проза Крюкова актуализирована обращением к российской *современности*, что побудило в исследовании ссылаться на документы и факты 1890-х–1910-х годов. Проблематика произведений свидетельствует о глубоком знании *исторического* опыта донского казачества и объясняет необходимость представить в диссертации исторический комментарий, обратиться к соответствующим исследовательским трудам как прошлого (Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, П.Н. Краснов, А.И. Ригельман, И.А. Родионов и др.), так и настоящего. *Демократической* направленности его творчества отвечала редакционная политика «Русского богатства». Крюков привнес в свою художественную и публицистическую прозу *автобиографический* опыт (прежде всего военный, общественно-политический). В произведениях писателя решаются вопросы *регионального, общероссийского, всечеловеческого* содержания.

Литературный контекст, состоящий из произведений современников Крюкова (П. Васильев, Вс. Иванов, П. Краснов, И. Родионов, И. Сазонов, А. Серафимович, И. Шмелёв, М. Шолохов), дает возможность выделить общие черты и индивидуальные специфики художественного отражения мира казачества. Обращение к традициям изображения казачества в произведениях фольклора, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого позволяет акцентировать внимание на преемственности прозы Крюкова и описании в

ней новых условий и целей существования казаков.

Герменевтический подход к произведениям Ф. Крюкова, эпистолярное наследие, воспоминания о нем позволяют систематизировать мировоззренческие ценности писателя и смыслы существования донских казаков. Идентичность казаков-дончан в период войн и революций – постоянная тема рассказов, повестей, очерков, написанных в 1890-е–1910-е годы. В результате сопоставительного анализа текстов выявлены авторские приоритеты в изображении *менталитета* донских казаков, в частности их гражданских, культурно-этнических, религиозных, бытовых, этических, эстетических традиций, развития личностного сознания, разрушения родовых устоев. Социальные, военные, хозяйственные аспекты жизни описаны Крюковым в сочетании с изображением характеров, темпераментов казаков и казачек, их сложного внутреннего мира, драматических и трагических межличностных столкновений. Вместе с тем, описывая не склонных к рефлексии людей действия, Крюков придерживался принципа сдержанного психологизма.

Непосредственно высказывая свои взгляды в публицистике, Крюков в рассказах избегал идеологизации, сосредоточился на изображении самой жизни, *экзистенциальных ценностей* казаков. При описании донских казаков в разных сюжетных ситуациях и принадлежащих к разным военным, материальным уровням писатель исходил из доминантных специфик их сознания и психики – жизнестойкости, витальной силы, природности, внутренней свободы, максимализма. Сюжеты выстраиваются на основе семейных драм, конфликтных отношений между казаками, обусловленных и внешними обстоятельствами (например, мобилизацией, революцией), и неукротимыми страстями, аморальными поступками, темными инстинктами («На тихом Дону», «Шаг на месте», «Шквал» и др.). Крюков показал стремление донских казаков к этническому превосходству, сепаратистские устремления. Реалистическое изображение характеров и отказ от

романтизации казака – творческий принцип Крюкова.

Сквозная тема произведений Крюкова – *содержание жизни*. При акценте писателя на витальные силы героев, родовой и личный инстинкт сохранения казачьего мира особой остротой в его прозе отличается тема *смерти* («Гулебщики», «Зыбь», «Душа одна», «Казачка», «Цветок-татарник» и многие др.). Через смерть персонажей раскрываются истинные ценности жизни. Однако Крюков пришел к выводу о цивилизационной, онтологической бессмысленности массовой гибели во время мировой войны («Усть-Медведицкий боевой участок», «Здесь и там» и др.). Онтологические темы вырастают из изображения и станичной или военной повседневности казаков, и чрезвычайных обстоятельств. Понятие «повседневность» созвучно с понятием «*быт*» в его широком смысле, включает в себя труд, хозяйство, супружеские отношения, отношения матери и сына и проч. Описанные в рассказах и повестях проблемы экономического состояния семей, воинского снаряжения казака за свой счет, исполнения казаками полицейских обязанностей, социальных конфликтов, воинской службы, низкого образовательного уровня казаков созвучны содержанию очерков Крюкова.

Неоднозначно решена тема *религиозности казачьего мира*. Продолжена традиционная тема паломничества к святому месту, в изображении богомольцев отражено авторское восприятие многочисленных скорбей народа и надежд на чудо. Крюков показал разницу между религиозными чаяниями страждущих и основанными на меркантильности церковными службами. Переводя тему веры в плоскость революционной современности, писатель задался вопросом о сроках появления настоящей силы, способной повести народ к свету.

Помимо казаков-воинов и казаков-хлебопашцев, частый образ, который также отражает изменения казачьей аксиологии, складывавшейся веками, – *казачка-жалмерка* («Казачка», «Из дневника учителя Васюхина», «Офицерша» и др.). Изначально подчиненная воле и грубой силе мужа (как

это описано А.И. Ригельманом), казачка в художественной литературе XIX в. вольнолюбива, способна к разрушению устоявшейся семейной иерархии, проявлению самости, личностного сознания, свободы страсти. Сохранение постоянных ценностей выражено в теме материнства. *Казачка-мать* в произведениях Крюкова – женщина, мучимая страхом за воюющего сына, духовная наставница и утешительница, заступница («Гулебщики», «Мать» и др.).

Среди персонажей выделяются станичные *интеллигенты* (прежде всего врачи, учителя, гимназисты). С одной стороны, они стремятся сблизиться со станичниками, с другой – не в состоянии полностью раствориться в казачьей среде, которой принадлежат по рождению.

Особое место в творчестве Крюкова занимает вопрос о *казачьей оппозиции*, напрямую связанный с политическими убеждениями Крюкова. Религиозное подтверждение как государственных устоев, общественной иерархии, так и необходимости государственных и общественных перемен – знаковое для мировоззренческих исканий 1900-х–1910-х явление. Крюков показал, как религиозно-общественная полемика станичников выявляет глубину раскола казачьего мира. В репликах и монологах персонажей можно определить отсылки к тезам Послания апостола Павла к римлянам, Первого послания апостола Петра, Книги пророка Исаяи, Книги пророка Иезекииля («Жажда», «Без огня», «Сеть мирская», «Шквал» и др.).

В рассказах и повестях осмыслены два пути, ведущих к разрушению старого мира. С одной сторон, развита тема погромов, анархичных бунтов казаков с проявлением инстинктов мести и обогащения, с другой – тема роста политического сознания, распространения идей социализма, антиправительственной литературы. В прозе Крюкова 1900-х годов обозначились его опасения относительно низких инстинктов казаков во время стихийных выступлений. В произведениях (прежде всего в публицистике) второй половины 1910-х годов писатель высказал мысль о перерастании

революций 1917 г. в смуту, выдвигающую на лидирующие роли маргиналов, разрушающую и государство, и родной край. Октябрьские события были им восприняты с контрреволюционных позиций. Остро прозвучала тема бессмысленных, по его определению, расправ в донских станицах. В очерках сильную позицию заняла авторская идея сопротивления злу силой. Гражданская война изображалась с точки зрения участника белого движения.

Крюков не поддержал призывов к отделению донского казачества от России, подчеркивал свою принадлежность к русской литературе, в его прозе повторяются мотивы единого государства, Гражданской войны как борьбы за целостность России.

С точки зрения Крюкова, значительную роль в революциях сыграли *русско-японская и Первая мировая войны*. Как следует из рассказов, русско-японская война породила критицизм казаков к устоявшемуся порядку вещей, вызвала в них чувство национального стыда, тогда как мировая война послужила импульсом к объединению народа, смене хуторского сознания на всенародное. В очерках Крюкова развилась толстовская тема духа войска. Однако отмечено и кризисное состояние российской армии.

Герои – ключевые фигуры в изображении картины мира донского казачества и формировании в прозе Крюкова *комплекса родного края*. Все сюжетные ситуации связаны с судьбами казаков и казачьего мира. Понятие «дом» соотнесено с представлениями о личном пространстве, станице, степи, исторических целях донского казачества, национальных нормах жизни и родовой культуре, в которую включаются частые описания песенных традиций, боевых искусств, станичных плясок, одежды, лексической специфики.

В систематизации мировоззренческих ценностей Крюкова, прояснении авторской точки зрения, описании психотипов, жизненного пространства донских казаков значимы визуальные образы – портреты и пейзажи. *Картины природы* концептуальны, они раскрывают тему существования человека и его

способность или неспособность воспринимать себя в природе; неаналитичность, непосредственность впечатления от картины природы соответствуют феноменологической поэтике.

В человеке и природе проявляются витальные силы; пейзажи, продолжающие литературную традицию могильного топоса, раскрывают идею жизнепорождения и вечности природы. Судя по художественным произведениям Крюкова, он предпочитал изображать панорамные картины природы, меньше внимания уделял крупным планам. Часто структурируя пейзажные образы по бинарному принципу (верх и низ, свет и тень, координаты вертикальная и горизонтальная и проч.), Крюков подчеркивал целостность природного мира. Повторяющиеся особенности пейзажей – акустическая полифония и полихромность.

Портреты при всей своей лаконичности и минимальных авторских комментариях характеризуются содержательностью, единством с поведенческой и психологической спецификой персонажей, состоянием природы. Не прибегая в большинстве произведений к натуралистическим деталям, Крюков особое значение придавал зооморфизмам, выражая тем самым природность персонажей. В содержательном, но не количественном смысле психологическая деталь доминирует над чередой описательных деталей. Часто используются лексические повторы, сравнения. Детали оценочного портрета, как правило, предваряют соответствующее им событие.

Повествователь в рассказах, повестях, очерках – не сторонний наблюдатель. Эмоциональная дистанция между героем и повествователем сокращена, сопереживание автора передается через интонации, специфичную лексику, несобственно-прямую речь, благодаря чему достигается эмотивность повествования. И в художественной прозе, и в публицистике важны критерии вовлеченности повествователя в происходящее или его осведомленности о событиях и героях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. *Бабель И.* Конармия / Сост, подгот. Е.И. Погорельской. М.: Наука, 2018. 470 с.
2. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1 / Вступ. ст. Ф.А. Степуна; сост., коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1993. 540 с.
3. *Васильев П.* Сочинения. Письма / Сост. С.С. Куняева. М.: Эллис Лак, 2002. 894 с.
4. Войска Донского казачьи песни, из сборника Р.А. Хрещатицкого / для 1-й Донской казачьей дивизии изданы 13-м Донским генерал-фельдмаршала Кутузова-Смоленского казачьим полком. Изд-е 2, испр. и доп. М.: П. Юргенсон, 1906. 103 с.
5. *Вяземский П.А.* Сочинения: В 2 т. / Сост, вступ. ст. коммент. М.И. Гиллельсона. М.: Худож. литература, 1982. 462 с.
6. *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. / Общ. ред. С.И. Машинского, Н.Б. Храпченко; примеч. С.И. Машинского. М.: Худож. литература, 1976. Т. 2. С. 30–143.
7. *Гончаров И.А.* Обломов: роман в четырех частях / И.А. Гончаров ; ст. и примеч. А.Г. Гродецкой. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2012. 636 с.
8. *Горький М.* Мать // Горький М. Собр. соч.: В 16 т. / Сост., общ. ред. Н.Н. Жегалова. М.: Правда, 1979. Т. 4. С. 4–321.
9. *Есенин С.А.* Полное собр. соч.: В 7 т. Т.1. Стихотворения / Подгот. текста и коммент. А.А. Козловского. М.: «Наука»–«Голос», 1995. 672 с
10. *Есенин С.А.* Полное собр. соч.: В 7 т. Т.3. Поэмы / Сост. и подгот. текстов Н.И. Шубниковой-Гусевой;, коммент. Е.А. Самоделовой. М.: «Наука»–«Голос», 1998. 720 с.
11. *Жуковский В.А.* Стихотворения / Вступ. ст., примеч. В. Петушкова. Л.: Советский писатель (Библ. поэта), 1952. 344 с.

12. *Иванов Вс.* Тайное тайных / Подгот. Е.А. Папковой. М.: Наука, 2012. 566 с.
13. *Клюев Н.* Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
14. *Кольцов А.* Полное собрание стихотворений / Под ред., вступ. ст. А.И. Введенского. Пг.: Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. 328 с.
15. *Краснов П.Н., Крюков Ф.Д., Родионов М.А.* В углу: Начало гражданской войны глазами русских писателей. / Сост., предисл. А.Г. Макарова. М.: АИРО-XXI, 2016. 95 с.
16. *Крюков Ф.Д.* На Германской войне. На фронте и в тылу / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО-XXI, 2013. 548 с.
17. *Крюков Ф.Д.* На Дону. В родных местах / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО-XXI, 2016. 384 с.
18. *Крюков Ф.Д.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. / Сост. А.Г. Макаров М.: АИРО-XXI, 2020. 416 с.
19. *Крюков Ф.Д.* Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО-XXI, 2021. 368 с.
20. *Крюков Ф.Д.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО-XXI, 2009. 368 с.
21. *Крюков Ф.Д.* Православный мир старой России / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО-XXI, 2012. 200 с.
22. *Крюков Ф.Д.* Старое поле. В начале пути / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО-XXI, 2021. 320 с.
23. *Крюков Ф.Д.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Сост. А.Г. Макаров. М.: АИРО-XXI, 2012. 362 с.
24. *Крюков Ф.Д.* Казацкие мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе. М.: Худож. литература,

1993. 444 с.
25. *Крюков Ф.Д.* Казачьи повести: Повести. Рассказы. М.: Вече, 2005. 384 с.
 26. *Крюков Ф.Д.* Офицерша: Повести и рассказы. Краснодар: Кн. изд-во, 1990. 362 с.
 27. *Крюков Ф.Д.* Рассказы. Публицистика / Сост., вступ. ст. и примеч. Ф.Г. Бирюкова. М.: Советская Россия, 1990. 571 с.
 28. *Крюков Ф.Д.* Родимый край: Рассказы, очерки. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007. 550 с.
 29. *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. / Примеч., вступ. ст. Т.П. Головановой. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1 С. 746.
 30. *Листопадов А.М.* Песни донских казаков: В 5 т. Т. 1: Былинные песни (О складе былин северных и донских) / Общ. ред. Г. Сердюченко; предисл. С. Кондратьева. М.: Музгиз, 1949. 247 с.
 31. *Лихоносов В.И.* Наш маленький Париж: ненаписанные воспоминания. Краснодар: Платина-Юг, 2008. 558 с.
 32. Песни донских казаков / Сост. Н.Н. Голубинцевым. М.: без изд., 1911. 79 с.
 33. Письма А.С. Серафимовича к Ф.Д. Крюкову / Ст., коммент. Б.Л. Двинянинова // А.С. Серафимович (1863–1963). Материалы науч. конференции, посв. 100-летию со дня рождения А.С. Серафимовича / Редкол.: Л.А. Гладковская и др. Волгоград: [б. и.], 1963. 168 с.
 34. Письма М. Горького к Ф.Д. Крюкову. 1909 г. / Публ. Б.Н. Двинянинова // Русская литература. 1982. №2. С. 94–98.
 35. *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917 / Предисл. В.Д. Пришвиной; коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришиной. М.: Московский рабочий, 1991. 432 с.
 36. *Проскурин В.М.* Переписка между Ф.Д. Крюковым и А.С. Серафимовичем // Волга. 1988. № 2. С. 147–167.

37. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2007. 541 с.
38. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. / Под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. 800 с.
39. *Родионов И.А.* Забытый путь: из архивов писателя: письма, дневниковые записи, воспоминания, проза / Коммент. Г. Стукаловой. М.: АИРО-XXI, 2008. 143 с.
40. *Родионов И.А.* Тихий Дон. СПб.: Типо-лит. т-во «Свет», 1913 (обл. 1914). 236 с.
41. *Сазанов И.Д.* Избранное / Науч. ред., сост., вступ. ст. А. Х. Гольденберга; коммент. Е. С. Бирючевой. Волгоград: Перемена, 2013. 195 с.
42. *Сазанов И.Д.* Обида // Русское Богатство. 1911. №5. С.128–144.
43. *Седых К.Ф.* Даурия: Роман. М.: Транспорт, 1992. 491 с.
44. *Серафимович А.С.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост. И. Попова; под общ. ред. Г. Ершова. М.: Правда, 1980. Т. 2. 426 с.
45. *Серафимович А.С.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост. И. Попова; под общ. ред. Г. Ершова. М.: Правда, 1980. Т. 3. 522 с.
46. *Серафимович А.С.* Статьи и выступления. Письма // Серафимович А.С. Собр. соч.: В 7 т. / Вступ. ст., примеч. Л. А. Гладковской. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 7. 727 с.
47. *Степняк-Кравчинский С. М.* «Андрей Кожухов»: Роман из эпохи 1870-х годов / Послесл. Д. Юферева. М.: Гослитиздат, 1950. 342 с.
48. *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. / Под ред., вступ. ст. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. Т. 1. 670 с.
49. *Толстой Л.Н.* Казаки // Толстой Л.Н.б Собр. соч.: В 20 т. / Под общ. ред. Н.Н. Акоповой, Н.К. Гудзия, Н.Н. Гусева, М.Б. Храпченко. М.: Худож. литература, 1962. Т. 3. С. 162–323.
50. *Тургенев И.С.* Лес и степь // Охота в русской художественной литературе[сборник] / Вступ. ст. Ник. Смирнова. М.: Книгоизд-во

- «Современные проблемы» Н.А. Столляр, 1927. С. 35–42.
51. *Тургенев И.С.* Накануне. Отцы и дети. М.: АСТ, 2001. 363 с.
 52. *Турочеров Н.* Двадцатый год – Прощай, Россия! / Сост, предисл. В. Леонидова. М.: Российский фонд культуры, 1999. 304 с.
 53. *Фурманов Д.* Чапаев. М., Пг.: Гос. изд-во, 1923. 174 с.
 54. *Чапыгин А.П.* Разин Степан: Роман. М.: Современник, 1978. 592 с.
 55. *Чехов А.П.* Ионыч. СПб.: Златоуст, 2013. 48 с.
 56. *Чехов А.П.* Степь (История одной поездки) // *Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. / Примеч. К.Д. Муратовой. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 6. С. 6–113.
 57. *Шмелёв И.С.* Собр. соч.: В 5 т., 3 доп. Т. 2: Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика / Сост., предисл. Е.А. Осьминой. М.: Русская книга, 1998. 512 с.
 58. *Шолохов М.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1 / Предисл. Ю. Лукина; примеч. Л. Вольпе. М.: Худож. литература, 1965. 432 с.
 59. *Шолохов М.А.* Письма / ИМЛИ РАН; Гос. музей-заповедник М.А.Шолохова / Под общ. ред. А.А. Козловского, Ф.Ф. Кузнецова, А.М. Ушакова, А.М. Шолохова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 480 с.
 60. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. М.: Издательство АСТ, 2015. 864 с.
 61. *Шукшин В.М.* Я пришел дать вам волю // Шукшин В.М. Собр. соч.: В 6 кн.. М.: Изд-во «Надежда-1», 1998. 512 с.

Научная литература

62. *Аверинцев С.С.* Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // Аверинцев С.С. София – Логос: Словарь. Киев: Дух и Литера, 2000. С. 345 – 371.
63. *Алексеева О.А.* Специфика художественного пространства в ранних рассказах М.А. Шолохова // Филологический журнал. 2007. №1. С. 183–187.

64. *Алпатов С.В., Лицарева А.Ф.* Методологические аспекты современных исследований русского фольклора в полиэтническом окружении // Традиционная культура. 2023. №2. С. 175–180.
65. *Алпатов С.В., Поветкина П.Б.* Феномен малой родины в текстах устной истории // Живая старина. 2023. Т. 3. С. 64–65.
66. *Альтшулер М.С.* Похоронно-поминальные причитания. К некоторым проблемам исполнения и записи // Фольклор, современность и традиция. М: Моск. гос. консерватория имени П.И. Чайковского, 2004. С. 257–269.
67. *Альтшулер М.С.* Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование: Дисс. ... канд. искусствовед. М., 2007. 158 с.
68. *Антонов В.Ф., Волкова И.В., Гришина М.И. и др.* Хрестоматия по истории СССР. 1861 —1917: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. История / Сост. В.Ф. Антонов и др. М.: Просвещение, 1990. С. 327–328. 416 с.
69. *Арнольд М.В.* Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 223– 238.
70. *Астапенко Г.Д.* Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков. XVII–XX вв. Ростов-на-Дону: Изд-во Приазовский Край, 2002. 271 с.
71. *Атрощенко Е.О.* Функционирование концепта «Мать» в русской художественной прозе XIX века // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина. 2014. №97. С. 1209–1233.
72. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 1. 804 с.
73. *Баева Л.В.* Экзистенциальная природа ценностей: Дисс. ... докт. филос. наук. Волгоград, 2004. 350 с.
74. *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 376 с.

75. *Баяна Х.* Троице-Сергиева Лавра в художественном восприятии писателей XX века (А.И. Куприн, И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев). Дисс. ... канд. филол. н. М., 2019. 195 с.
76. *Бердяев Н.* Самопознание: Избранное. М.: Мир книги; Литература, 2006. 397 с.
77. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Париж: YMCA-press, 1972. 222 с.
78. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Бердяев Н. Эрос и личность. СПб.: Азбука-классика, 2007. 219 с.
79. *Бердяев Н.А.* Судьба России // Избранные произведения: Судьба России. Самосознание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 8–307.
80. *Бирючева Е.С.* Донские рассказы И. Сазанова в контексте журнала «Русское богатство» // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. 2012. № 6 (70). С. 115–118.
81. *Бирючева Е.С.* И. Сазанов и Ф. Крюков о судьбах казачества // Особенности духовно-нравственного формирования личности в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. г. Михайловка Волгоградской области, 21–22 окт. 2010 г. Волгоград: б.и., 2011. С. 189–192.
82. *Бирючева Е.С.* Поэтика плача и заговора в рассказе И. Сазанова «Письмо» // V Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры»: материалы Междунар. науч. конференции. Челябинск, 25–26 февр. 2011 г.: В 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; под ред. проф. Н.Г. Апухтина. Челябинск: б.и., 2011. Ч. I. С. 91–95.
83. *Бирючева Е.С.* Творчество И.Д. Сазанова в контексте русской литературы конца XIX–начала XX века: Дисс. канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2012. 229 с.
84. *Боднева Н.А.* Казачья семья как социальный институт формирования личности // Общественные науки. 2007. №3. С. 105–109.

85. *Бойчук Е.И., Воронцова И.А., Шляхтина Е.В, Беляева О.В.* Идиостиль и ритм текста: коллективная монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 184 с.
86. *Болотнова Н.С.* Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира // Вестник ТГПУ. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). 2004. Вып.1 (38). С. 20–25.
87. *Брысина Е.В.* Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. 293 с.
88. *Брысина Е.В.* Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона. Дисс. д. филол. наук. 2003. 543 с.
89. *Булахова Н.П., Сквородников А.П.* К определению понятия эпитет (Предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №2. С. 122–143.
90. *Бурханов Р.А., Никулина О.В.* Концепция экзистенциалов в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // Манускрипт. Тамбов: Грамота. 2018. № 5 (91). С. 65–68.
91. *Буслаев Ф.* Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф.О литературе: Исследования. Статьи / Сост., вступ. ст., примеч. Э.Л. Афанасьева. М.: Худож. литература, 1990. С. 262–293.
92. *Валевский А.Л.* Основания биографики / АН Украины, Ин-т философии. Киев : Наукова думка, 1993. 109 с.
93. *Васильев В.В.* Возвращение Федора Крюкова // Шолохов на изломе времени: статьи и исследовательские материалы к биографии писателя. Исторические источники «Тихого Дона». Письма и телеграммы / ИМЛИ РАН. Сост., отв. ред. В.В. Петелин. М.: Наследие, 1995. С. 111–136.
94. *Васильева Н.А.* Феномен страха: Онтологический статус и пути преодоления страха // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 228–231.
95. *Венков А.В.* Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642

- гг. М.: Вече, 2017. 336 с.
96. *Виноградов В.В.* Задачи стилистики // Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–93.
97. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы М.: ГИХЛ, 1959. 367с.
98. *Власкина Н.А.* Концепт судьба в языковой и мифопоэтической картине мира донских казаков: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 29 с.
99. *Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Казачий Дон: очерки истории и культуры. Учебное пособие / Под ред. проф. А.П. Скорика. Ростов-на-Дону: Терра, 2005. 448 с.
100. *Воронин Р.А.* Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном мире: материалы Междунар. науч. конференции (Москва, июнь 2017 г.). М.: Изд. дом «Буки-Веди», 2017. С. 1–4.
101. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.
102. *Герман О.Б.* Экономика казачьих и крестьянских хозяйств Дона во второй половине XIX – начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее: Сб науч. тр. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 164–184.
103. *Голубков М.М.* Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника. М.: Прометей, 2021. 344 с.
104. *Голубков М.М.* Образ русского дома и мотив бездомности в литературе XX–XXI веков // Ортодоксы и еретики русской литературы XX–XXI веков / Под ред. М.М. Голубкова; сост. Г.В. Зыкова, Н.А. Нерезенко, О.С. Октябрьская, А.А. Сёмина. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 11–22.
105. *Гончаренко Е.В.* Философско-эстетическая категория повседневности в истории литературы // Художественная антропология: Теоретические и историко-литературные аспекты / Под ред. М.Л. Ремневой, О.А. Клинга,

- А.Я. Эсалнек. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 130–137.
106. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Русский язык, 1989. 152 с.
107. Горнфельд А.Г. Рассказы Крюкова // Критика начала века. М.: Изд-во «Олимп», Изд-во АСТ, 2002. С. 49–57.
108. Гумилев Л.Н. Зигзаг истории // Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и История природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
109. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и История природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
110. Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению. М.: Айрис-пресс, 2008. 384 с.
111. Гуревич А.Я. Изучение ментальностей // Сов. этнография. 1988. № 6. С. 16–25.
112. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с фр., под ред. Михайлов А.В.. М.: Академический проект, 2009. 486с.
113. Давыдова О.А. Жалмерка – казачья солдатка // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6(2). С. 158–161.
114. Дальцева М.З. Счастливый Кит: Повесть о Сергее Степняке-Кравчинском. М.: Политиздат, 1979. 335 с.
115. Дёмин И.В. «Плоть мира» как условие видения в феноменологической онтологии М. Мерло-Понти // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2013. № 2(14) С. 110–118.
116. Демченко Л.Д., Гончаров Н.В. Феноменология восприятия и понятие телесности как альтернативный способ раскрытия специфики субъективности в философии М. Мерло Понти // Вестник ОГУ. 2012. №7. С. 13–23.

117. *Денисов В.* Изображение казачества в раннем творчестве Гоголя и его «Взгляд на составление “Малороссии”» // Гоголеведческие студии. Вып. 5. М.: НЕЖИН, 2000. С. 203–208.
118. *Дзюбан В.В.* Взаимоотношение русского государства и казачества: культурно-исторический аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. №5–6. С. 80–85.
119. *Дмитриевская Л. Н.* Портрет и пейзаж в русской прозе: традиции и художественные эксперименты. М. ; Ярославль: Литера, 2013. 200 с.
120. *Дьякова Т.А.* Историко-культурная семантика и поэтика пейзажа: автореф. дис.... д-ра культурологии: 24.00.01. Воронеж, 2005. 300 с.
121. *Ерофеев Н.Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 192 с.
122. *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: В 2 Т. / Пер. Перцовой Н. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.
123. *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. №46. С. 255–274.
124. *Заяц А.А.* Крюков Ф. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / Под ред. П.А. Николаева. М.: БРЭ, 1994. Т. 3. С. 187–189.
125. *Иванова Н.Д.* Содержание и принципы филологического изучения пейзажа // Филологические науки. 1994. №5–6. С. 77.
126. *Ивин А. А.* Аксиология. М.: Высшая школа, 2006. 390 с.
127. *Иловайский Д.И.* Труды по русской истории. М.: ЭКСМО, 2015. 537 с.
128. *Ильин В.В.* Аксиология. М.: Изд-во Московского университета, 2005. 216 с.
129. *Ильин В.Н.* Эссе о русской культуре / Вступ. ст. А. Козырева. СПб.: Акрополь, 1991. 464 с.
130. История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); ред. кол.: А. С. Бушмин, Е. Н. Купреянова, Д. С. Лихачев, К. Д. Муратова, Ф. Я. Прийма, Н. И. Пруцков (гл. ред.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980—1983. Т. 4. 785 с.

131. *Исупов К.Г.* Странник и паломник на фоне ландшафта // *Исупов К.Г.* Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культур Серебряного века. СПб.: РХГА, 2010. С. 482–489.
132. *Кайуа Р.* Игры и люди / Пер. с франц. С. Зенкина. М.: Изд-во АСТ, 2022. 288 с.
133. *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Пер. с фр. // Сумерки богов / Сост и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 222–319.
134. *Капля О.В.* Исторические и «служивские» песни литературного происхождения в культуре Донского казачества (По материалам фольклора) // Культурная жизнь Юга России. 2011. №2 (40). С. 62–64.
135. *Карасев Л.В.* Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 398 с.
136. *Карасев Л.В.* Флейта Гамлета: очерк онтологической поэтики. М.: Знак, 2009. 208 с.
137. *Катаев В.Б.* Реализм и натурализм // Русская литература рубежа веков (1890–начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / ИМЛИ РАН / Отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Наследие, 2000. С. 191–258.
138. *Катренко О.Н.* Типология литературного портрета в современных научных исследованиях // Пушкинские чтения: Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст / Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина / Под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина 2015. С. 202–206.
139. *Келдыш В.А.* Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890–начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / ИМЛИ РАН / Отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Наследие, 2000. С. 259–335.
140. *Керова А.В.* Восклицательные предложения как средства выражения эмотивности // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2016. №21 (760). С. 174–181.
141. *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* Ф.Д. Крюков – педагог, общественный

- деятель, писатель. эволюция политических взглядов // Известия ВУЗов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 1(209). С. 65–71.
142. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. / Под ред. В.Л. Янина; предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; послесл., коммент., сост. В.А. Александрова, В.Г. Зими́на. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.
143. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
144. *Колобаева Л.А.* Реализм: тенденции и модификации. Общая характеристика // История русской литературы Серебряного века (1890-е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 20–41.
145. *Кольцова Н.З., Монисова И.В.* Слово о «реализме без берегов» и прочих «реализмах» XX века // Ортодоксы и еретики русской литературы XX–XXI веков / Под ред. М.М. Голубкова; сост. Г.В. Зыковой, Н.А. Нерезенко, О.С. Октябрьской, А.А. Сёминой. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 94–104.
146. *Коростова С.В.* Микрополя эмотивности: языковые проекции в русском художественном тексте // Русистика. 2018. №4. С. 412–427.
147. *Красильников Р.Л.* Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
148. *Краснов П.Н.* История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М.: Вече, 2007. 448 с.
149. *Кукоба О.А.* Природа и структура этнического менталитета // Философия и общество. 2004. № 4 (37). С. 89–106.
150. *Кучукова З.А.* Онтологический метод как ядро этнопоэтики. М.: Начальник, 2005. 312 с.

151. *Леонов И.С.* Модель внешняя греховность–внутренняя праведность в современной православной художественной прозе // Известия Волгоградского государственного университета. 1913. №4(79). С. 122–126.
152. *Листопадов А.Л.* Песни донских казаков / Общ. ред. Г. Сердюченко. М.: Мусгиз, 1949. 249 с.
153. *Лобастова В.А.* Этапы становления феноменологии Э. Гуссерля // Серия «Мыслители». К 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. Вып. 10. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 297–307.
154. *Локоть Т.В.* Политические партии и группы в Государственной Думе. М.: Польза, 1907. 317 с.
155. *Лоскутникова М.Б.* Проблема трагического в современном отечественном литературоведении и критике // Литературоведение на пороге XXI века. М.: Рандеву-ам, 1998. С. 217–223.
156. *Лосский Н.О.* Ценность и бытие (Бог и Царство Божие как основа ценностей) // Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Сост. А.П. Полякова, П.В. Алексеева, А.А. Яковлева; примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1994. С. 250–314.
157. *Лотман Ю.* О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Лотман Ю. Чему учатся люди: Статьи и заметки / Предисл. П. Тороп; сост. С. Салупере, П. Тороп. М.: Центр Книги Рудомино, 2010. С. 371–375.
158. *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Ученые записки Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1986. Вып. 683. С. 106–121.
159. *Лотман Ю.М.* О содержании и структуре понятия “художественная литература” // Лотман Ю.М. Чему учатся люди: Статьи и заметки. М.: Центр Книги Рудомино, 2010. С. 122–146.

160. *Лотман Ю.М.* Смерть как проблема сюжета // Лотман Ю.М. Чему учатся люди М.: Центр книги Рудомино, 2010. С. 397–413.
161. *Лужановский А.В.* Выделение жанра рассказа в русской литературе: Пособие по спецкурсу «История русского рассказа» для студентов педагогического института. Вильнюс: Вильнюсский государственный педагогический институт, 1988. 127 с.
162. *Лурье Ф.М.* Хранители прошлого: журнал «Былое». СПб.: Лениздат, 1990. 255 с.
163. *Маевская П.* Слово и подвиг. Жизнь и творчество С. М. Степняка-Кравчинского». Киев: Наукова думка, 1968. 227 с.
164. *Макаров А.Г., Макарова С.Э.* В тени "Тихого Дона". Федор Крюков – забытый русский писатель. М.: «АИРО-XXI», 2006. 64с.
165. *Макаров А.Г., Макарова С.Э.* Цветок-Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову. М.: АИРО-XX, 2001. 500 с.
166. *Малюкова Л.Н.* "И покатылся с грохотом обвал..." Судьба и творчество Ф.Д. Крюкова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 256 с.
167. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. М.: АСТ, 2002. 526 с.
168. *Медведев А.И.* Служба Донского Войска в связи с его экономическим положением. М.: Тип. Окружного штаба, 1899. 107 с.
169. *Медведева Е.А.* Жанр научной биографии в русском литературоведении конца XIX–начала XXI вв. (На материале работ, посвященных Н.С. Тихонравову): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский федеральный ун-т, 2011. 24 с.
170. *Мезенцев М.Т.* Судьба романов: к дискуссии по проблеме авторства «Тихого Дона». Самара: P.S. пресс, 1998. 112 с.
171. *Мейлах Б.С.* Философия искусства и художественная картина мира // Вопросы философии. 1983. №7. С. 116–125.

172. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с фр., под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 245 с.
173. *Местергази Е.Г.* Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В.С. Печерин). М.: Флинта, Наука, 2007. 160 с.
174. *Местергази Е.Г.* Теоретические аспекты изучения биографии писателя (Творческая судьба В.С. Печерина): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 1998. 17 с.
175. *Миллер Л.В.* Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. 156 с.
176. *Миниханова Л.К., Фаткуллина Ф.Г.* Художественная картина мира как особый способ отражения действительности // Вестник Башкирского ун-та. 2012. Т. 17. № 3 (I). С. 1626–1627.
177. *Михайлова М.В.* В.Г. Короленко // История русской литературы Серебряного века (1890-е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 134–145.
178. *Михайлова М.В.* Сборники «Знание» и вариации знаньевского реализма // История русской литературы Серебряного века (1890-е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 77–104.
179. *Моложавенко В.* Об одном незаслуженно забытом имени // Молот (Ростов-на-Дону). 1965. 13 авг. С. 3–4.
180. *Москалинский А.А.* Река как основной географический образ в художественной литературе // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 141–146.
181. *Москвин В.П.* Язык поэзии. Приёмы и стили: Терминологический словарь. М.: ФЛИНТА, 2017. 458 с.

182. *Муравьева Н.М.* Онтологическая парадигма «Донских рассказов» М.А. Шолохова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 2. С. 11–21.
183. *Назаровна Р.И.* Ландшафт в культуре памяти // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 2(5). С. 93–98.
184. Народная устная поэзия Дона: Материалы науч. конференции по нар. творчеству донского казачества. 18–23 дек. 1961 г. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1963. 433 с.
185. *Ненькина Е.В.* Вербализация пространственных отношений в донских говорах как отражение этнокультурного сознания казачества: Автореф. дисс. . канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 22 с.
186. *Ничипоров И.Б.* Цветовое и звуковое оформление степных пейзажей в прозе А.П. Чехова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2007. № 5. С. 108–114.
187. *Ноздрина Л.А.* Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий: Учебное пособие для лингвистических вузов и факультетов. М.: Дрофа, 2009. 252 с.
188. *Номикосов С.* Народный казачий быт // Дон. 1992. № 1/2. С. 140–168.
189. *Огудов С.А.* Дискуссия о рассказе и показе в нарратологии: проблемы и перспективы // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. №.409. С. 14–19.
190. *Очиров У.Б.* Калмыкия в период революции 1917 года и начала Гражданской войны. Калмыкия в 1918–начале 1919 гг. // История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: В 3 т. Коллективная монография. Элиста: Герел, 2009. Т. 2. С. 151–237.
191. *Очиров У.Б.* Калмыцкие этнические группы на Дону и Украине // История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: В 3 т. Коллективная монография. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. С. 624–658.
192. *Панкова С.Ю.* Пространство и время в этнической картине мира. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2012. 236 с.

193. *Перетяцько А.Ю.* О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860–1890 гг. // Новое прошлое. 2018. №3. С. 156–167.
194. *Пестрикова И.Е.* К вопросу о влиянии географических факторов на формирование менталитета русского народа // Омский научный вестник. 2009. № 5. С. 57–60.
195. *Петрова М.Г.* Владимир Короленко // Русская литература рубежа веков (1890–начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / ИМЛИ РАН / Отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Наследие, 2000. С. 457–504.
196. *Пигарев К.В.* Русская литература и изобразительное искусство: очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в. М.: Наука, 1972. 125 с.
197. *Повалко П.В.* Пространство и время как категории художественного текста // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. №3. С. 106–112.
198. *Полякова Л.В.* Судьба и творчество Федора Крюкова // Вестник ТГУ. 2008. № 1 (57). С. 360–365.
199. *Проскурин В.* К характеристике творчества и личности Ф.Д. Крюкова // Русская литература. 1966. № 4. С. 179–186.
200. *Пушкарева Н.Л.* Женщина в русской семье X–начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений. Дисс. ... докт. истор. наук. М., 1997. 357 с.
201. *Пушкарева Н.Л.* Мать и материнство на Руси (X–XVII) // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни до начала нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 305–345.
202. *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии М.: Ладомир, 2002. 526с.
203. *Репина Л.П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 82–99.
204. *Ригельман А.И.* История или повествование о Донских казаках.

- М.: Университетская типография, 1846. 165 с.
205. *Ригельман А.И.* История о донских казаках / Коммент. и слов. подгот. Б. Н. Проценко. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1992. 220 с.
206. *Родионов Ю.П.* «Следственное дело по Выборгскому воззванию» как исторический источник // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории / Отв. ред. А.П. Толочко. Омск: Омский гос. ун-т, 2004. С. 155–159.
207. *Родионова Н.А.* Типы портретных характеристик в художественной прозе И.А. Бунина: Лингвостилистический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999. 201 с.
208. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.
209. *Рудиченко Т.С.* Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, 2004. 512 с.
210. *Рыблова М.А.* Казак и казачка: типичные образы в традиционной культуре донских казаков // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2007 год. Дикаревские чтения (14): материалы Северокавказской научной конференции. Краснодар. 2008. 22 ноября / Сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: Экоинвест, 2009. 220 с.
211. *Рыжкова Н.В.* Донские казаки в войнах России начала XX века / Н.В. Рыжкова; Ростов. гос. ун-т. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2003. 319 с.
212. *Рынгач Т.Б.* Могильный топос в сентиментальной литературе рубежа XVIII–XIX веков (К проблеме рецепции повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза») // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. №2(2). С. 217–221.

213. *Рябов О.В.* Русская философия женственности. Иваново: Юнона, 1999. 360 с.
214. *Сальникова В.В.* Языковой образ матери в автобиографических повестях о детстве // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. №9. С. 342–350.
215. *Самусёв И.С.* «Воля к жизни» Артура Шопенгауэра, или пролегомены «Воли к власти» Фридриха Ницше // Сб. тезисов докладов 56-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов. Минск: БГУИР, 2020. С. 200–201.
216. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., под ред. Колядко В. И.. М.: Изд-во АСТ : Астрель, 2011. 925 с.
217. *Сатарова Л.Г.* Образ «Тихого Дона» в прозе писателей-донцов // Дон. 1993. №2. С. 177–191.
218. *Сатарова Л.Г.* Спор о казачестве (О творчестве донских писателей Петра Краснова и Федора Крюкова) // Подъем. 1998. №12. С.214–229.
219. *Свендсен Л.* Философия зла / Пер. с норв. Н. Шинкаренко. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 353 с.
220. *Семёнова С.Г.* «Донские рассказы»: От поэтики к миропониманию // Новое о Михаиле Шолохове: Исследования и материалы / РАН, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 207–281.
221. *Семёнова С.Г.* «Тихий Дон» Михаила Шолохова: от поэтики к миропониманию // Семёнова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 290–360.
222. *Сидельников С.М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. 382 с.
223. *Синцова С.В.* Гендерная проблематика «Вечеров на хуторе близ Диканьки» как результат взаимодействия фольклорных и литературных

- традиций // Вестник ТГГПУ. 2011. 1(23). С.262–267.
224. Скобелев В.П. Поэтика рассказа. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1982. 155 с.
225. Смирнова Е.А. «Случайный писатель»: раннее творчество Ф.Д. Крюкова в журнале «Русское богатство» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 8: Литературоведение. 2014. № 1. С. 52–62.
226. Смирнова Е.А. Genius loci Федора Крюкова, бытописателя «Тихого Дона» // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1 (15). С. 17–28.
227. Смирнова Е.А. Жанрово-стилевые особенности публицистики Ф.Д. Крюкова // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2005. № 4. С. 89–95.
228. Смирнова Е.А. Литературно-критическая и редакторская деятельность Ф.Д. Крюкова в журнале «Русское богатство» // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 1 (14). С. 70–79.
229. Смирнова Е.А. Литературно-публицистическое наследие Ф.Д. Крюкова: тематический анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. С. 48–52.
230. Смирнова Е.А. Особенности публицистики Ф. Д. Крюкова донского периода (1918-1919 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1. С. 243–247.
231. Смирнова Е.А. Первая мировая война в публицистике Ф.Д. Крюкова (в контексте журнала «Русские записки») / Смирнова Е.А. // Вестник ВолГУ. Сер.8. Литературоведение. Журналистика. 2007. № 6.С.132–139.
232. Смирнова Е.А. Проза Ф.Д. Крюкова в публицистическом контексте «Русского богатства». Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 215 с.
233. Смирнова Е.А. Смирнов В.Б. «Певец Тихого Дона» Ф.Д. Крюков: в поисках «Своего» журнала // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2003. № 3. С. 129–132.

234. *Смирнова Е.А.* Эссеизм в публицистике Ф.Д. Крюкова // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12 (54). С. 83–85.
235. *Солманидина Н.В.* В.О. Ключевский о роли природы как социального фона и потенциала формирования русского народа и его ментальности // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 989–993.
236. *Солнцева Н.М.* Диалог художественных систем // История русской литературы Серебряного века (1890-е–начало 1920-х годов): В 3 ч. Ч. 1: Реализм / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 238–241.
237. *Солнцева Н.М.* О вкусе поэтов к крови // *Stephanos*. 2017. №6 (29). С. 153–162.
238. *Сонов А.В.* Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 2008. №4. С. 66–85.
239. *Степун Ф.А.* Мысли о России / Вступ. ст., сост. В. Борисова // Новый мир. 1991. №6. С. 201–239.
240. *Сыпченко А.В.* Крюков Федор Дмитриевич: писатель и народный социалист // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2(93). С. 107–111.
241. *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М.: Худож. литература, 1973. 540 с.
242. *Толмачев В.М.* Точка зрения // Современное зарубежное литературоведение. Концепции. Школы. Термины / Под ред. И.П. Ильина, Е.А. Цургановой. М.: Intrada, ИНИОН РАН. 1996. С. 154–157.
243. *Топоров В.Н.* «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 476 – 574.
244. *Топоров В.Н.* Модель мира // Мифы народов мира: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 161–164.

245. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
246. *Трут В.П.* «Дикое поле». Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011–2012 гг. // Материалы Всероссийской научной конференции. Дикаревские чтения (17). Краснодар, 2014. С. 111–118.
247. *Ульянова Т.В.* Словесный портрет как речевая технология: функции и модели. Дисс....канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 157 с.
248. *Ульянова Т.В.* Фрейм «словесный портрет» в языке и культуре // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. №. S1. С. 58–60;
249. *Уртминцева М.Г.* Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века. Генезис, поэтика, жанр. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 232 с.
250. *Усманова А.Р.* Фокализация // Постмодернизм: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. Минска: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001. С. 890–891.
251. *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.
252. *Фарыно Е.* Введение в литературоведение. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.
253. *Фен Ялин.* Теория культурной памяти. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2012. 315с.
254. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем., примеч.. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
255. *Хализев В.Е.* Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. 3-е изд. М.: Высш. шк., 2002. 437 с.
256. *Ханинова Р.М.* Репрезентация «Свой» – «Чужой» в рассказе А. Серафимовича «Степные люди» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. №2. С. 61-64.

257. *Хартикова А.В.* Художественная картина мира автора и текста // Вестник Адыгейского государственного ин-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 4 (128). С. 102–107.
258. *Холиков А.А.* Биография писателя как жанр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 96 с.
259. *Хохлов Г.Т.* Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / Предисл. В.Г. Короленко; под ред. С.Ф. Ольденбурга. СПб.: Типогр.-лит. «Герольд», 1903. 112 с.
260. *Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С.* Кто написал «Тихий Дон»? М.: Книга, 1989. 186 с.
261. *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.
262. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 208 с.
263. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
264. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2004. 221 с.
265. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление / Артур Шопенгауэр; [перевод с немецкого Ю. Айхенвальда]. М.: АСТ, 2020. 672 с.
266. *Щанов Я.Н.* Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. №10. С. 216–219.
267. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку / Сост. М.И. Матусевич. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
268. *Эпштейн М.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
269. *Юркина Л.А.* Портрет // Введение в литературоведение: Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа; Академия, 1999. С. 199–207.
270. *Юрченко И.Ю.* История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий. М.: МГУП, 2013. 455 с.

271. *Юрченко И.Ю.* Казаки – тюрки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (На примере новых книг Мурада Аджи (Аджиева М.Э.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5 (10). С. 65–69.

Словари

272. *Беловинский Л.В.* Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. X–начало XX в. М.: Эксмо, 2007. 784 с.

273. Большой толковый словарь донского казачества / Ростовский гос. ун-т. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. 608 с.

274. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. 779 с.

275. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН, Intrada, 2001. 384 с.

276. *Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. А.С. Пушкина / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1451с.

277. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.

278. Словарь русских донских говоров: В 3 т. / Науч. рук-во В.С. Овчинниковой, Т.А. Хмелевской. Ростов-на-Дону: Изд-во ростовского ун-та, 1975–1976. 205 с.; 228 с.; 212 с.

279. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 993 с.

280. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672с.

Интернет–ресурсы

281. *Иванчина-Писарева А.И.* Шесть писем Федора Крюкова к Александру Иванчину-Писареву / Публ. А.В. Дубровского, А.Ю.Чернова.[Электронный ресурс]. URL:https://nestoriana.wordpress.com/2020/01/17/kryukov_6_pisem_ivanchinu/comment-page-1/ (дата обращения: 05.04.2023).
282. *Захаревич А.В.* Донцы в русско-японской войне (1904–1905) // Донской временник. Год 1994 / Дон. Гос. публ. библ-ка. Ростов-н-Дону, 1993. Вып. 2. С. 60–63.[Электронный ресурс].URL:http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=110&ysclid=198j3afhf6270188639 (Дата обращения 14.10.2022).
283. *Иванова И.И.* Национальная ментальность и национальная философия // Общечеловеческое и национальное в философии / Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.); II международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ. ред. И.И. Ивановой. [Электронный ресурс]. URL:<http://anthropology.ru/ru/text/ivanova-ii/nacionalnaya-mentalnost-i-nacionalnaya-filosofiya> (дата обращения: 14.06.2023).
284. *Короленко В.Г.* – Письма // Русская литература – Библиотека русской литературы URL: https://ru-lib.3dn.ru/publ/korolenko_vladimir_galaktionovich_pisma_stranica_20/1-1-0-2706?ysclid=ljbo4pk1jy185187922 (дата обращения: 25.06.2023).
285. *Кувалдин Ю.А.* Певец Тихого Дона Федор Крюков. https://www.ng.ru/ng_exlibris/2005-02-03/3_krukov.html (Дата обращения 16.07.2023)
286. *Скачков П.А.* О Федоре Дмитриевиче Крюкове [Электронный ресурс] / URL: <https://nestoriana.files.wordpress.com/2021/04/skachkov-o-kryukove.pdf> (дата обращения: 14.03.2023.)